

Александр Прозоров Андрей Посняков

ВАТАГА. АТАМАН

Атаман

Воевода

Новая Орда

Крестовый поход

фантастика
коллекция

Ватага

Александр Прозоров

**Атаман. Воевода. Новая
Орда. Крестовый поход**

«Издательство АСТ»

2013

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Прозоров А. Д.

Атаман. Воевода. Новая Орда. Крестовый поход /
А. Д. Прозоров — «Издательство АСТ», 2013 — (Ватага)

ISBN 978-5-17-148645-7

Наш современник, Егор Вожников, по своей собственной воле вдруг оказался в 1409 году. Возглавив ватагу ушкуйников — речных пиратов, — он не только сумел неплохо устроиться в средневековой Руси, но и нашел любимую женщину Елену, да не какую-нибудь, а княжну! Именно она подтолкнула Егора к мысли, что пора ему самому становиться князем. Однако иные удельные владыки не желают признавать в нем равного, а великий князь Василий угрожает повесить за самозванство, словно обычного татя. А еще на пути Егора стоит коварная Орда, где старый эмир Едигей — давний враг Руси — по-прежнему сажает на трон угодных ему ханов. Претендентов на ордынский престол хватает: все чингизиды, сыновья Тохтамышша, искренне ненавидящие друг друга. Кривая ордынская сабля вновь висит над русскими землями. Пока у татар — распря, и Егор — князь Заозерский — понимает, что другого шанса подчинить себе Орду может и не оказаться... А ведь за спиной притаилась могучая, как никогда, Литва! И сильный недруг — князь Витовт.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-148645-7

© Прозоров А. Д., 2013

© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Атаман	7
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 6	61
Глава 7	73
Глава 8	84
Глава 9	98
Глава 10	109
Глава 11	122
Глава 12	136
Глава 13	150
Глава 14	166
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Александр Прозоров, Андрей Посняков
Атаман. Воевода. Новая
Орда. Крестовый поход
Сборник

© Александр Прозоров, 2022
© Андрей Посняков, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Атаман

Глава 1

Банька по-черному

Скрипнула береза. Упал с высоких елей подтаявший на выглянувшем солнышке снег – упал тяжело, словно брошенное спортсменом ядро. Вздрогнув, затих на секунды долбивший ствол сосны дятел. Затих, посидел – и снова принялся за свое дело – тук-тук, тук-тук, тук. Сидевший на горушке, на небольшой проталине, заяц-русак вдруг насторожился, наострил уши, почуяв вдалеке что-то подозрительное, шумное. Не-ет, не волк пробирался, не лиса – те б так не шумели. Люди! Всадники на сытых хрипящих конях!

Едва заметив их, заяц – пуганый уже – сорвался со своего места, шмыгнув в густые заросли можжевельника, теперь ищи-свищи – не догонишь! Разве только лиса...

А всадники – много, человек сорок – уже выехали на полянку, растянулись по зимнику – дорожке узкой, прямой, – по замерзшим болотам, по озерам да рекам тянувшейся. Слежавшийся на дороге снег еще и не думал таять. Давая густую тень, со всех сторон толпились мохнатые ели, высокие сосны царапали вершинами небо, гулко бились на ветру голые ветки осин. Снег еще лежал сугробами, блестел, искрился на солнце, синел в распадках и буреломах. И все-таки уже по всему видно было – весна! По редким проталинам, по набухшим на вербах почкам, по тому, как пусть редко, но срывалась с деревьев капель, звонкая, радостная, весенняя, звенела, словно медные колокольчики-боталы – динь-динь, динь-динь.

И птицы уже пели веселей, грелись на солнышке – воробышки, снегири, синицы...

– Что-то сей год грачей не видать, – поправив съехавшую набок круглую, отороченную беличьим мехом шапку, обернулся ехавший впереди всадник – лет тридцати, плечистый, с красивым круглым лицом, обрамленным рыжей кудлатой бородкой.

– Да уж, не видать, – кивнул мосластый чернявый мужик с нехорошим взглядом, одетый в короткий темно-синий кафтан с вырезами и меховым подбоем. – Хоть и пора бы. И снегу еще полно – по всему приметам, весна нынче затяжная будет. То нам на руку! А, Афанасий, не так?

– Нам-то на руку, – усмехнулся в рыжие усы Афанасий. – Так и тем, кого мы ловим – тоже.

– Поймаем!

Поправив висевшую на боку саблю, чернявый засмеялся, противно этак дребезжаще-визгливо, словно бы с силой поскреб железом по стеклу. От смеха его Афанасий скривился и, сплюнув в снег, махнул рукой остальным:

– Ну, чего едва тянетесь? Давай, погоняй лошадок – нам к погосту-то дотемна б успеть.

Остальные всадники выглядели куда моложе этих двух, да и одежонку имели похуже – кто в полушубке нагольном, кто в армяке, у многих еще и заячьи треухи. Однако ж все оружны – не считая луков-стрел, еще и короткие рогатины-копья, тяжелые сабли, секиры да шлемы к седлам привешены, да в переметных сумах тяжелое что-то позвякивает – доспехи, видать. Ой, не на охоту молодцы собрались!

– Скорей, скорей, – взмахнув плетью, подогнал Афанасий, похоже, он и был тут за главного. – Поспешай. По реке-то дорожка куда как хуже пойдет – подтаивает, солнце-то – эвон!

Словно в подтверждение его слов последний выехавший на поляну парень вдруг провалился – коню по грудь. Лошадь захрипела, задержалась...

– Да что ты сидишь-то, орясина! – возмущенно заорал чернявый. – Давай спешивайся, да коню своему помогай.

Скинув с плеча саадак, парняга так и сделал – ухватил под уздцы лошадь, выбрался и, утерев выступивший на лбу пот широкой, как лопата, ладонью, посетовал:

– Ну и снега тут, прости господи! У нас-то на Москве, поди, уж и травка первая пошла, и цветочки.

– Ага... васильки заколосились, – чернявый глумливо прищурился. – Давай, догоняй наших. Пушай прямо по реке скачут, а у старой сосны, у развилки, – ее видать будет – на отдых встанут.

– А вы, дядько Тимофей?

– А мы вас нагоним. Да! Костры там не разводите – поедим насухую да в путь.

– Понял, – поклонившись, парень взметнулся в седло. – Всем передам!

– Саадак-то с сугроба возьми, чудо!

Оплошавший всадник резко завернул коня, свесился в седле – едва не упасть, – подхватил из сугроба потерю. И чего было саадак к седлу не привесить? Наверное, места уже не хватало, много чего у парняги висело – и плоский татарский шелом, и шестопер увесистый, и кольчужка в мешке звенела... или – что там? Бахтерец, байдана?

– Инда брони не зря взяли? – проводив взглядом отъехавшего, Тимофей пригладил черную густую бороду. – Ты ж, Афанасий, сказал – все чисто будет.

– И чисто, – усмехнулся напарник в рыжие усы. – Коль беглецы, как мыслю, на Биричевых выселках. А ну, как на погосте у Паш-озера остались? Там люди не наши – новгородские. С боем погост брать придется, а потом – сжечь!

– Сжечь! – довольно кивнул Тимофей. – Моя бы воля – весь их Новгород бы сожг ко всем чертям!

– Погоди-и-и, дай срок! Отойдем от Едигея, Василий-князь и...

– Слушай-ка... – Чуть помолчав, Тимофей подозрительно огляделся по сторонам: – Я так мыслю – не зря мы тут остались?

– Не зря, – бросил старшой. – Хочу тебя на Сярг-озеро, на заимку, послать. Людишек дам с полдюжины и проводника – одноглазого Конди, он те места знает. Сейчас и поскачете – там, на развилке, простимся. Мы – к погосту, вы – к озеру. Сейчас один там на заимке – дед Федот, да беглецы. Сразу всех их и... того. А тела потом сюда привезешь, волокушу сладишь.

– Сярг-озеро? Это хоть где?

– Ох... – Афанасий вдруг оборвал беседу, задумался, словно что-то важное вспомнив, а потом, понизив голос, продолжил: – От погоста далече, день пути, а то и все два. Не дает оно мне покоя – вдруг да шпыни туда подались? Уйдут – что тогда боярину, да ладно боярину – князюшке нашему скажем?! Молчишь? Вот то-то и оно. Потому тебя с Конди туда и посылаю. Так, посмотреть – а вдруг? Там, с развилки-то, прямой путь навстречь солнцу.

– Навстречь солнцу? – изумленно переспросил Тимофей. – Они ж оттуда бежали, не так?!

– Так. Однако до погоста могли еще и не добраться. Ты глянь! Вдруг да там они? – старшой пригладил кудлатую бороду, ухмыльнулся. – Я так мыслю, беглецы сейчас опаски за собой не чувят – земли-то Московские кончились! Смотри, Тимоша, Конди говорит – места там зело глухие, боры кругом, урочища. Если стрелами будете бить, так – наверняка, а лучше уж копьем или сабелькой – для надежности! Ну, там, на месте, сообразите.

– А с чего взяли, что шпыни те на Новгород решили податься? – Тимофей все же посомневался, хотя видел – старшому это не нравилось. – Могут ведь и на Хлынов.

Ну, нравится, не нравится – чай, не бабы, не красные девицы собрались – дела решали серьезные. Удастся все, как надо, сладить – и серебра немалая толика, и почет немалый и, самое главное – земля от князя московского. Пусть хоть не Белозерье – да своя. Две б – три деревеньки с холопами...

– Могут и на Хлынов, но не дошли еще никуда – не успели. А ты што, Тимоха, разулыбался-то? Жену свою вспомнил?

– Нет у меня жены, Афанасий. В прошло летось от лихоманки сгорела.

– От лихоманки-и-и? – недоверчиво прищурился левый глаз, протянул старшой. – А люди говорят, ты ее... Ладно! Чужие дела ворошить – грех. Все у тебя? Узнал, что надо? Инда – спроси еще.

– Спрошу, – Тимофей поиграл желваками, видать, не очень-то ему понравилось упоминание о безвременно погибшей супруге. – А ежели так станется, что шпыни – на погосте или на выселках Биричевских. Вы их возьмете, а язм...

– И ты при деле останешься, в том и не сомневайся, – упрямо набычившись, заверил старшой. – Опасения твои понимаю. Смотри только, не упусти беглецов.

– Не упусти... А что, места-то они ведают?

– Откуда? – Афанасий, не выдержав, хохотнул.

– Значит, смекаю – проводник у них есть, не наобум же бредут по таким лесищам?

– Верно мыслишь, – старшой резко оборвал смех. – Шпыни-то могли и кого-нибудь с собой прихватить – пути-дорожки показывать. Серебришком прельстить или так, силой.

– Значит, выходит, четверо их.

– Пусть так... А тебе, вижу, полдюжины воев мало?

– Да что, что ты! Окстись, – обиженно скривившись, Тимофей замахал руками. – Нешто с беглыми не управимся? А Федота-старика, верно, и считать нечего.

Покачав головой, Афанасий махнул рукой:

– Ладно, поехали. Вона река – видишь? А дальше, на бережку – сосна кривая, там и развилка. Да приметна – увидим. Ой...

Какой-то резкий и мощный звук вдруг раздался на всю округу, словно кто-то перекачывал по небу огромные камни или вдруг ударили разом с десятков тюфяков-пушек!

– Что это, гром, что ли?

– А и гром! Гроза, – приподнявшись в седле, Тимофей, указывая, вытянул руку. – Вона, глянь, за тем леском – туча.

– Господи... верно – туча. Зеленая какая-то. Зимой и гроза – нечасто такое бывает. Обычно говорят – не к добру.

Из зеленоватой, кочками нависшей над дальним лесом тучи плеснула синяя молния, снова ударил гром.

– Ой, не к добру, – осеняя себя крестным знамением, повторил старшой.

Тимофей кивнул и тоже перекрестился:

– Ну, поскачем к развилке, что ль?

– И где же твоя развилка? – притормозив, Егор посмотрел на своего пассажира – молодого, лет двадцати с лишком, парня, широкоплечего, с круглым и каким-то по-детски наивным лицом. – Проехали, что ли?

– Ась? – парень недоуменно повернулся, и Егор уменьшил звук магнитолы.

– Поворот, спрашиваю, где? Ты, Леха, спишь, что ли?

Парень смущенно потянулся:

– Да прикемарил малость. Вчера, это самое, зависли с девахами.

– С Валькой, что ль, продавщицей?

– С ней... Слушай, а у нее подруга такая коза – ващце, это самое... А вот! – Леха вдруг вытянул шею и показал рукой. – Вон развилка-то! Вот она, поворотка!

– Проедем?

– На твоём «уазике» – да. А на джипе я б и не пытался. Хорошо хоть не на нем поехали, а то б там сели – кто б вытаскивал?

– Ничего, до лета уж как-нибудь бы прозимовали.

– До лета? Не, мне до лета нельзя.

– Так весна уже – март! Недолго осталось.

Выворачивая руль, Егор искоса посмотрел на своего напарника, явно не относящегося к людям с изысканным чувством юмора, да и не с изысканным-то у Лехи было туговато. Что и говорить – не семи пядей во лбу парень. Зато человек верный, даже родственник, хоть и дальний.

– Не, та коза... ващце, это самое, такая оторва! Слышь, Гоша, мы, это самое, два бутыля сожрали, Валька-продавщица – в умат, а эта коза – хоть бы хны, и уж мы с Корягой ее и так, и этак... Ухх!! А потом, это самое, еще за водярой поехали, на Корягиной «десятке», а у нее бампер оторванный и... Короче, это самое, взяли водяры, Вальку разбудили и козу эту... и опять их перли, перли... Потом опять за водярой поехали, а коза эта попросила пива, короче, едем мы такие, а Коряга – в умат...

Стиснув зубы, Егор прибавил звук – еще летом самолично поставил в «уазик» хорошую акустику – дерьмо не любил слушать, а из музыки предпочитал что-нибудь типа «Арии», «Наив» или там «Король и Шут». И сейчас вот его врубил:

Два вора, лихо скрывшись от погони,
Делить украденное золото решили...

Напарник скривился, словно от зубной боли:

– Слышь, Гоша, а ты, это самое, такую ботву слушаешь... Лучше б шансон поставил – Жеку или, это самое, еще кого-нибудь.

– Ты еще скажи – Стаса Михайлова!

– О! Или Михайлова. Тоже ничего, а?

Егор уже едва сдерживал раздражение:

– Михайлова у себя дома будешь слушать, с продавщицей Валькой и этой своей... козой. Как ее, кстати, звать-то?

– А я знаю? – обиженно отозвался Леха. – Это самое, она, может, и говорила, да не вспомнить теперь. Короче, оно мне надо?

– Тоже верно, – аккуратно объезжая яму, усмехнулся Егор. – Кстати, шансон у меня где-то есть... ну-ка, посмотри в бардачке... во-он ту компашку ставь...

Снова заиграла музыка. На этот раз куда более изысканная, под которую хорошо думалось – иногда Егор слушал и такое, накатывало...

А вот Лехе снова не понравилось:

– Слышь, Гоша – а это что такое?

– Шансон, ты ж просил.

– Дак там это самое – не по-русски вроде...

– Так Шарль Азнавур. Погоди, там дальше еще другие будут...

– Ага...

– Жак Брель, Ив Монтан, Брассенс. Тебе понравится, Леха!

– Ох, – напарник опять скривился. – А по-русски там есть?

Егор махнул рукой:

– Так поищи в бардачке-то.

Леха так и сделал, и, порывшись, изумленно вытащил какую-то замусоленную, с загнутыми листами, книжку – «Бухгалтерский учет и аудит».

– Гоша... а че это? Ты в счетоводы податься решил, что ли?

– И решил! – зло бросил Егор. – Книгу на место положи. Живо!

Леха явно испугался, поспешно засунул книжку обратно:

– Да я че? Я ничо. Посмотрел только...

– Леха, сколько у меня пилорам? – помолчав, уже более покладисто произнес водитель.

– Ну, две... если ту, что за Явосьмой, тоже считать.

– А чего ж не считать-то? Две пилорамы, делянки, лесовозы, торги... А бухгалтер – если не сволочь, так обязательно – пьяница. Какого уже увольняю? Третьего! И это – за полгода. Придется уж самому аудит осваивать, не тебя ж на бухгалтера учиться послать, а, Леха?

– Не-а, не меня... это верно. – Посмеявшись, парень покосился на Егора и несмело взял с заднего сиденья банку пива. – Я еще попью, а? Башка, это самое, со вчерашнего раскалывается.

– Да пей, черт с тобой. Мне банку достань тоже.

– Ага.

– Только смотри, не усни – кто мне дорогу показывать будет? – Егор взгляделся в усыпанный слежавшимся снегом путь. – Впрочем, похоже, «тут в город только одна дорога»

– А мы разве в город едем?

– Короче, если хочешь спать – спи, понадобится – разбужу, понял?

– Угу... Это самое, я только покемарю малехо. Ты буди, если что.

– Еще бы.

Егор покосился в зеркало, хотел было причесать растрепанные с утра волосы, да раздумал – перед кем прихорашиваться-то? В бане девок не намечалось – не за тем ехали, не за девками. И не мыться, то есть – не только мыться. Главное было – встретиться с нужными и «авторитетными» людьми, без слова которых ничего в районе не делалось. Это Егор так просто болтнул про две пилорамы... ну да, после смерти дядюшки вроде бы под него отходили... если так авторитетные люди решат. А могут ведь и по-другому рассудить – всяко бывало. Тогда что ж – и одной пилорамы куда хватит, а дальше – дальше имелись у Егора мысли, сдаваться он вовсе не собирался, да и как мог сдать бывший боксер? Кандидат в мастера спорта, пусть среди юношей, пусть – в прошлом, но все-таки. Несмотря на достаточно молодой возраст – неполные двадцать пять лет, – у Егора Вожникова (друзья его называли Гошей) уже многое осталось в прошлом, пусть и не таком дальнем. Служба в армии – еще полтора года захватил, в РВСН под Козельском, опять же – бокс, даже один курс в гуманитарном университете, – дальше пришлось бросить, тянуть было некому, скончался отец, мать же умерла еще раньше, когда он был маленьким. Отучился год на факультете социальных наук, ну, и черт с ним – теперь «бухгалтерский учет и аудит» куда как важнее! Тут Егор со многими своими друзьями был согласен – гуманитарное образование это и не образование вовсе, а так, смех один. Ну, изучал он на первом курсе Древнюю Русь да Египет – и что с того? А вот бухучет – совсем другое дело, наука прикладная и в жизни очень даже полезная! Осилить бы... Ничего! Егор улыбнулся сам себе – мы парни упорные, деревенские, не какие-нибудь там городские маменькины сынки, нытики-горлопаны! Осилим, прорвемся – не джебом, так апперкотом или хуком. Не прямо – так снизу или сбоку – укротим злодейку-судьбу, к себе понадежней привяжем! Да и все вроде не худо пока складывалось – пилорамы опять же... А ведь с водителями у дядюшки начинал! Потом – в «бригадиры», потом... Много чего было, в том числе и такого, чего и вспоминать не очень-то хочется, а, впрочем – что было, то было, жизнь есть жизнь. И с бизнесом, и с друзьями неплохо складывалось: еще в университете учась, снюхался Егор с «реконами», с теми людьми, что реконструкцией прошлого занимаются, мечи-брони куют, ладьи-драккары строят, слеты проводят и иной жизни для себя и не мыслят. Вожников, конечно, столь далеко в прошлое не погружался, (оттуда потом некоторых особо увлеченных товарищей только с помощью квалифицированного психиатра выводят, и то далеко не всегда), однако чем-то его все же зацепило – и больше даже сейчас. Может быть, оттого, что был слишком умным? Образование испортило – даже один курс. У всех «нормальных» людей как – «тачка», «хата», шмотки, пьянки-девки, ну, еще какая-нибудь Турция – «все включено» или, не к ночи будь помянут, Таиланд – задницу на песке заграничном погреть, как будто у нас озер мало. Да тут вот летом... такая красотища, отдыхай – не хочу. Так ведь на песке-то лежать – скучно. Ежели заграница – так Егору надобно самому, без всяких турфирм и экскурсоводов гнусавых.

А зачем вменяемому взрослому человеку туроператор – лишний паразит-посредник? Интернет, слава богу, теперь в любой глуши есть, заказал билеты и – какой выбрал – отель, что там посмотреть – прикинул, и – с компанией подходящей, реконской, в аэропорт – флаг в руки! А зад – «все включено» – в автобусе или на песке греть – не, это не для Егора. Да реконы то на драккаре по Ладоге позовут, то в лесной лагерь – в средневековых доспехах биться. Вот тут-то уж Егор собаку съел – знал и как кольчуги вязать, и как саблю наточить, чтоб «холодным» оружием не признали, меч даже себе лично из автомобильной рессоры выковал, а вот со шлемом не сладил – пришлось заказать по почте, купить, хоть и не респект это среди реконов – отнюдь! Но многие покупали – не все же мастера-умельцы, а в чем попало на слет не явишься, это ж не какой-нибудь там Толкиен, где и копьё из швабры прокатит. У реконструкторов все серьезно, все по-настоящему... почти. Ну, чтоб не убили никого случайно. А вообще, бывали и травмы, и всякие прочие недоразумения; вот, хоть прошлым летом вырвался Егор на недельку – русского ратника пятнадцатого века изображал, все как полагается – со щитом, в шлеме, в доспехе пластинчато-кольчатом – бахтерце, в бывшей совхозной кузнице лично выделанном... Вырвался, а как пошла с крестоносцами сеча, меч поломал – ударил неудачно... ну и зарядил сопернику прямым в челюсть! Как бывший кандидат в мастера по боксу – радовался, милое дело – вражина ногами кверху в ров улетел... Только не засчитали победу! Сказали – не было в те времена современного бокса, а у тебя, мол, удар поставленный – сразу видать. Ишь ты, видать им...

– Гоша, – проснувшийся (а, может, он и не спал, так слегка подремывал) напарник снова потянулся к пиву. – Тебе достать?

– Давай.

Леха забулькал пивом, довольно рыгнул и чуть погодя спросил:

– Гоша, а что ты не стрижешься и бородой, вон, запрос? Снова на свою древнюю войнушку собрался?

– Ну, собрался, – Вожников отозвался недовольно, знал – многие знакомые над ним за «реконство» посмеиваются, у виска пальцем крутят.

И пусть!

Когда – в детстве еще – в школьную секцию бокса записывался, некоторые тоже смеялись... до поры до времени только.

– Гош, это самое... а помнишь, ты и меня обещал с собой взять? В прошлом году еще.

– Обещал – возьму, – включив пониженную передачу, покладисто сказал Егор. – Только ты меч себе сделай и какой-никакой прикид. Да – и шлем, без шлема в битву не пустят. Впрочем, шлем я тебе подарю – завалилась у меня где-то мисюрка.

– Что завалилось?

– Шлем такой, в виде купола, с бармицей.

– С чем-чем?

– Кольчужная такая сетка.

– А-а-а... А, это самое, прикид-то можно по Интернету заказать?

– Да можно, конечно. – Егор хохотнул. – Смотри только сначала со мной посоветуйся. А то, помнится, как-то раз случай был – явился такой вот ухарь вроде тебя, весь такой крутой, в рубахе шелковой. Ратника Дмитрия Донского изображал, простого воина – это в шелковой-то рубахе!

– А что?

– Да ты знаешь, сколько тогда шелк стоил?! Ленту тоненькую к подолу пришить, чтоб завидовали – и то дело. А тут – вся рубаха из шелка... у простого-то воина.

– Ну, я это самое, тебя спрашивать буду.

Выдвиг очередную банку, Леха выкинул ее в окно, в подтаявший мартовский сугроб, и довольно потянулся, глядя на плывшее за деревьями солнце.

- А все же весна уже, да! Припекает.
- Еще и метели будут, и снег.
- Это – само собой... Слышь, братан, а девки на слетах ваших есть?
- Девки? – Вожников прищурился. – Да сколько угодно.
- А они того... это самое...
- А как же! Если понравишься.

Напарник снова замолчал, пошмыгал носом, а потом спросил:

- Гош, а как ты думаешь, я им точно понравлюсь?

Егор скосил глаза, едва сдерживая усмешку:

- Точно-точно! Парень ты молодой, весь из себя видный.
- Правда? Не, короче, это самое, без подколов?
- Истинно так!

– Гош... – как видно, выпитое пиво подвигло напарника на болтовню. – А правда, говорят, ты к бабке Левонтихе ездил?

Егор при таких словах чуть руль из рук не выпустил. Ну, надо же! И про бабку уже знают – ну, деревня, в одном конце чихнут, в другом прокомментируют.

- Ездил. Меч заговаривал.

– А-а-а... А Валька-продавщица говорила – будто, это самое, венец безбрачия снимать, она к Левонтихе за тем же захаживала... Ха! Не помогло.

– Передай Вальке – голову откручу, – нехорошо усмехнулся Вожников. – Чтоб всякие поганые слухи не распускала. И ты смотри у меня...

- Да я ж это... Гоша, это самое... короче – молчу.
- Пей, вон, пиво лучше.

Догадались, блин – венец безбрачия. Егор хмыкнул. Ему, между прочим, еще и двадцати пяти нет. И куда жениться? А самое главное – на ком? Вот как-то так получилось, что не на ком, хотя вообще-то девки на Вожникова кидались еще с ранней юности, особенно – после боксерских поединков на приз района. Егор был парень видный – на лицо этакий весьма приятный прихотливому женскому взгляду: волосы вьющиеся, густые, светло-русые, еще и усики, и бородка модная, и серо-стальные глаза, к тому ж весь из себя – мускулистый, подтянутый, прыгучий – в боксе тогда в среднем весе выступал, это вот после армии потихоньку заматерел, потяжелел изрядно. Девки были, да, и немало... но – одно дело секс, и совсем другое – жениться. Вожников, когда слышал от какой-нибудь про «концерт такой здоровский вчера в телевизоре был – Ваенга и – ах – Стас Михайлов», так строить какие-то серьезные отношения с подобной девицей ему уже категорически не хотелось. И здесь не в одних музыкальных пристрастиях дело – Егор, к слову, не такой уж и завзятый меломан был, просто слушал, что нравилось, что к душе ближе лежало. Но вот девицы... Нет, попадались среди них и умные, и даже шибко продвинутые, и даже – страшно сказать – такие, с которыми, может, и сладилось бы, но... Кто ж в эту глушь поедет? Декабристок нет. Хотя и в материальном смысле все у Вожникова нормально было, он даже дом начал строить, уже и кирпич завез, и проект с архитектором разработал лично. Однако – все дела: пилорамы, лесовозы, делянки – здесь, в глуши, за лесами да за болотами, хоть и до райцентра недалеко – всего-то километров сто... ну, сто тридцать. Разве, по российским-то меркам, расстояние?

А честно сказать, просто побаивались его девки. И боксер, и лицом приятен, да еще и умен и... ну, небогат, но без проблем денежных, уж, казалось бы – завидный жених не только по местным меркам. Но вот просто всего в нем много – и то, и другое, и третье... даже и реконская тусовка, как здешние говорили – блажь.

Молодой человек скривился и неожиданно для себя вздохнул. Да встретится еще подходящая, ладно... а то удумали – венец безбрачия, и вовсе не затем Егор к бабке Левонтихе, местной колдунье, ездил – совсем за другим делом. Встретились как-то случайно в городе, на

джазовом фестивале – Вожников туда заглянул музыку «живую» послушать, – увидел знакомое лицо, туда-сюда, разговорились. Он даже потом колдунью почти до самого дома подвез. И та – в машине еще, не в «уазике», в «Опеле», джипе – вдруг такое сказанула... Мол, есть в тебе, Георгий – так Левонтиха Егора называла – одна способность, в роду твоём некогда от отца к сыну передававшаяся, да вот давненько уже утраченная. Способность предчувствовать некие нехорошие события в ближайшей округе дней примерно за восемь-десять, а то и больше даже.

– Ну, вот ты сам-то, Георгий, не помнишь? Может, и с тобой иногда что-то подобное уже случилось?

Случалось, а как же! Вот тот предпоследний бой – закончившийся обидным нокаутом. Пусть техническим, ну и что же...

Действительно, тогда и ехать не хотелось, и на ринг ноги не несли... что-то такое было. И – перед тем, как отец умер.

– Ну. Вот, видишь! Ежели захочешь, эту способность можно в тебе возродить. Сайт у меня есть – расценки посмотришь, свяжешься...

А что, неплохое дело! Всякую пакость предвидеть – и не допустить, как-то воздействовать! Вот сейчас бы точно знал – стоит ли в баньку ехать? Может, авторитетные люди что худое замыслили? Моргнут своим – те враз и пристрелят, а труп в прорубь кинут... трупы – Леха ж еще. А вдруг и Леха с ними – а вот так бы знал! И бухгалтеры... коли б предвидел – ни одного б гада на работу не взял, не надо было б и бухучет штудировать – не особенно-то захватывающую науку.

Вот и съездил к бабке, как раз позавчера и съездил – гляди-ко, уже и сплетни пошли. Это, верно, Машка-почтальонша... или та же Валька. А Вальке откуда знать?

– Леха, вчера с вами что за коза-то была?

– Да ничегошная такая, титьки – во! – обрадовавшись возобновлению доброй беседы, напарник поводит ладонями, обозначив в воздухе нечто размером как минимум с баскетбольный мяч.

Вожников даже хихикнул:

– Ну, брат, заядлого рыбака сразу видно!

– Да я, это самое, отвечаю! Гад буду! Во-от такие титьки. Не веришь? Так я тебе ее как-нибудь подгоню, козу эту.

– Леха, я не про титьки. Откуда коза, спрашиваю? Наша?

– Не, городская. Из Питера, что ли... да я особо-то не расспрашивал... короче, это самое, водку в пасть, да в койку.

– Из Питера, говоришь?

– Дак к Вальке и приехала. Подруга.

– Вот теперь понятно, оттуда у слухов ноги растут.

– Да, у козы этой такие ноги-и-и... Ух! Короче, как у этих... ну, в цирке еще скажут...

– Акробаты?

– Точняк! Как у них – это самое, от ушей прямо.

– Ладно, сведешь как-нибудь.

– Да не вопрос, брателло!

– Просто посмотреть хочется на такое чудо.

Егор снова задумался, вспоминая свой позавчерашний визит к бабке. Да, собственно, и нечего было особенно вспоминать – ну, заехал, зашел, да, заплатив по таксе шесть тысяч рублей, получил от колдуньи заговоренную при нем же воду – снадобье – в пластиковой бутылочке от «Аква Виты» без газа. Левонтиха, как уходил, еще и проинструктировала: мол, надо в полнолуние этой водой облиться да сигануть в прорубь.

– Что, ночью, что ли?

– Да не обязательно, можно и днем. Нынче как раз полнолуние. Главное, чтоб грозы не было.

Грозы... не, ну надо же, сказанула бабка! Это в марте-то? Чушь какую-то смолола – а еще колдунья.

Егор вчера еще хотел окунуться, затеял с утра баню топить, чтоб не сразу в прорубь – а после баньки, все ж поприятнее. Да и водица заговоренная что-то как-то дурно пахла – Вожников пробочку открывал, принюхивался. Ацетон, что ли... Или этот, уайт-спирит, растворитель... В общем – гадость какая-то, такую удобней в баньке с себя смыть, ежели в проруби не отмоется.

Хотел, да... собирался. Но не срослось вчера, не сложилось. Тут же, с утра, начались звонки, поездки – то трелевочник на делянке заглох, с запчастями решить надо было, то лесовоз какие-то заезжие гаишники остановили, пришлось ехать, вопросы улаживать. Уладил. А вечером – позвонили, в баньку вот пригласили. В дальнюю баньку, попариться с авторитетными людьми.

А заодно – и бабкино зелье испробовать, почему б и нет? Самое для того место и время. Бутылку «заряженную» Егор с собой прихватил... кстати, а где она? На заднее сиденье кидал... вроде...

Егор обернулся и в ужасе округлил глаза:

– Эй, Леха! Ты что это пить собрался, родимый?

А Леха уже крышку на бутылочке бабкиной открутил да хлебнуть собрался... только вот принюхался, губы скривил:

– Это чего это у тебя, Гоша, тут? Спирт, что ли, паленый?

– Ацетон. Дай-ка сюда бутылку... На другое место переложу, чтоб ты случайно не выпил.

Свернув на лесную дорожку, Вожников сбавил скорость, но, тем не менее, примерно минут через двадцать «уазик» уже подкатывал к небольшой, огороженной новым забором, усадьбе, у распахнутых ворот которой стояли два снегохода и черный «Хантер».

– Ты туда, в ворота, и заезжай, это самое, – показал рукой Леха. – Сейчас Иваныч выбежит, сторож.

И в самом деле, из просторной бревенчатой избы с высоким, под затейливым навесом, крыльцом, навстречу машине выскочил седобородый старик в телогрейке и валенках. В руках старик держал ружье да и вообще, вид имел строгий... Правда, увидев Леху, тут же опустил ствол и широко улыбнулся:

– А, Лешенька! И Егор Ильич, вижу, с тобой. А мы вас еще раньше высматривали – а все нет, да нет. Вы проходите сразу в баньку – там ждут.

– Хорошо, – выходя из «уазика», бросил Егор. – Леха, пиво не забудь прихватить. И водку.

– Да не надо ничего, парни, – осклабился старик Иваныч. – Там есть уже все.

– Ну, тогда только свою водичку возьму, – Вожников полез обратно в машину. – А где у вас тут баня-то?

– А вон, мил человек, у реки. Как раз на бережку и будет. Там и прорубь есть – после парилки-то самое оно то.

Егор поспешно спрятал усмешку – вот уж, действительно, прорубь сейчас весьма кстати.

– Гоша, ты че там застрял? – оглянулся уже прилично отошедший по нахоженной в снегу тропке Леха.

Вожников махнул рукой:

– Да иду, иду уже. Полотенца-то взял?

– Обижаешь!

– Да говорю, есть там все, – подал голос Иваныч. – Хорошая у нас банька, по-черному.

Банька располагалась на крутом бережку, метрах в пяти от затянутой льдом и искрящимся на мартовском солнце снегом реки, тут же дымилась и прорубь, к которой вела синяя нахоженная тропинка – видать, в баньке-то частенько парились и в прорубь понырять любили.

– Ну, вот и славненько.

Потерев руки, Вожников обернулся, глянул назад – усадьба была надежно скрыта деревьями, такое впечатление, что здесь вообще одна только та баня – и все.

– А-а-а! Вот и гости. А мы заждались уже, – скрипнув дверью, выглянул из бани распаренный голый мужик лет пятидесяти в войлочной – для парилки – шапке с серпом и молотом. Крепкий, жилистый, но уже с заметным брюшком, он производил бы впечатление добродушного дедушки из отставных военных, если б не усыпанные наколками руки и плечи.

– Здравствуйте, Вадим Георгиевич, – наклонив голову, вежливо сказал Егор. – Извините за опоздание – дороги тут не московские.

– Да уж, не московские. – Встречающий махнул рукой. – Ну, заходите – чего на улице стоять. Сперва попаримся, а потом, за столом – и за дело. Рад тебя видеть, Егор... Это кто?

– Это со мной. Леха.

– С тобой так с тобой, ладно.

Глубоко посаженные, под кустистыми бровями, глаза Вадима Георгиевича сузились, так, что непонятно было, действительно ли он рад гостям или задумал что-то нехорошее. Мазнул, мазнул взглядом по кусточкам... Вожников, в баню заходя, обернулся, тоже туда посмотрел – увидел, как кусточки дернулись. Кто там сидел, интересно? Снайпер? Взвод автоматчиков? Молодой человек улыбнулся – вот ведь лезет в голову всякая хрень! Ну, при чем тут автоматчики-то?

Быстро раздевшись в просторном – не без изыска, но и без излишеств – предбаннике, гости вслед за Вадимом Георгиевичем подались в дышащую травяным жаром парилку, где на полке орудовал веником другой «авторитетный» человек, лет на десять старше первого – тощий, низенький, с лысой, обрамленной венчиком седых волос, головой.

– Эк вы тут, Федор Кузьмич, наподавали!

– Ни-чо! – бодренько откликнулся «авторитет». – А ну, молодежь, давайте на полку. Что головы пригнули? Жарко?

– Да в самый раз, – ответил Егор.

Зашипела, испаряясь жаром, брошенная на камни вода. Мельницами замахали веники, распространяя вокруг духовитый березовый запах, унесся, осел на бархатно-черных от копоти стенах пар.

– Еще и дубовые веники есть, – похвастался Федор Кузьмич. – И эвкалиптовые. А ну-ка, Егор, поддай-ка парку!

Егор и рад стараться – наподавал так, что все из парной выскочили, он один и остался, с остервенением охаживая себя веником по плечам... Потом выскочил и по снегу – в прорубь! Ах, вот это дело!

Долго, правда, не купался – скоренько забежал обратно.

Вадим Георгиевич, в парную заходя, обернулся:

– Ну, что? Еще заход, а?

– Не, я тут посижу, отдышусь немного, – помотал головой Егор.

– Отдышись, отдышись. Пиво, вон, пей или квас.

– Спасибо.

Молодой человек дождался, когда все скрылись в парной и, взяв прихваченную с собой бутылку, вылил на себя заряженную воду. Мельком глянув в висевшее на стене зеркало, машинально почесал родинку на левом плече – небольшую, в виде трилистника – и, перекрестившись, снова побежал к проруби. Так, с разбега, и бросился, не обращая внимания на завис-

шую над головой зеленовато-свинцовую тучу. И откуда она взялась-то? Вроде только что ясно было... и вдруг – на тебе, гром! Случается, конечно, гроза и в марте, – но очень и очень редко.

Померкло, закатываясь за тучу, солнце. В темном грозном небе сверкнула молния. Снова ударил гром.

Глава 2

Снег и тьма

Что-то повисло перед глазами, какое-то зеленое мерцающе-плывущее марево. Провалившийся в черноту Егор пришел в себя, почувствовав, что не может вдохнуть... Ну, конечно – вокруг была вода, а где-то наверху искрилась ласковым светом прорубь.

Молодой человек заработал руками, вынырнул, выбрался на снег и тут только почувствовал холод. Сколько он находился в воде? Секунд пять, десять, больше? И что это было – спазм? Или... или кто-то дал палкой по голове – такое ощущение!

Все эти мысли вихрем пронесли в голове у Вожникова, когда он со всех ног бежал обратно в баньку. Забежав в предбанник, рванул дверь парной, окунаясь в быстро охвативший все тело жар. Кто-то из парильщиков швырнул на каменку ковшик водицы... вокруг поплыл липово-медовый запах, приятная истома охватила Егора – отогрелся! – даже потянуло в сон.

На полке двое мужиков наяривали вениками, внизу, на лавке, суетился с шайками какой-то старик... нет, не тот, не «авторитетный»... сторож, наверное.

– Иваныч, ты, что ли? А Леха где?

Старик оглянулся, выронив шайку. Двое, на полке, опустили веники. Егор удивленно моргнул – совершенно незнакомые люди! Старик, еще один жилистый тип с белесым шрамом через всю грудь, да еще двое мужиков, чем-то похожих друг на друга. Братья, что ли? Оба светловолосые, с бородами, только у одного – старшего – борода гуще. На шее у каждого – золотой крест. Да-а, и эти, судя по крестам – парни серьезные. Что же получается, он, Егор, в другую баньку забежал? А что... мог и ошибиться, вполне.

– Мужики, извините, я, кажется, не туда попал.

Молодой человек повернулся к двери, как вдруг жилистый ухватил его за руку и, негромко смеясь, похлопал по плечу:

– Э-э, паря! А мы тебя к завтраму ждали.

– Ага, – остальные парильщики переглянулись. – Это тот, значит, и есть?

– Он, он... вон и примета, – старик ткнул пальцем в родинку на левом плече Егора.

– Ужо видим, – старший бородач усмехнулся и обмакнул веник в кадушку с горячей водицей.

– Егор, – сказал молодой человек. – Егор Вожников...

– Тсс!!!! – зашипели вдруг мужики. – Догадываемся, откель ты... Одначе много-то не болтай! Егор так Егор – Георгий.

– Я тут случайно, извините, что помешал. Нырнул, вот, в прорубь и...

– Ла-адно, – слезая с полка, протянул бородач. – Сейчас домоемся, отдохнем, а завтра с утра и выйдем. Ты, Егорша, дорогу-то добре ведаешь?

– Леха, приятель мой, указывал, я только рулил. Но не заблужусь – точно! Послушайте, мне пора, наверное, извините, что...

– Сядь, посиди, паря! На вот, выпей, охолонь.

Егор вслед за всеми вышел в предбанник, тускло освещенный солнечными лучами, пробивавшимися сквозь небольшое, затянутое куском грязного полиэтилена, оконце и, усевшись на лавку, хлебнул из предложенного младшим бородачом плетеного жбана. Хм... что за напиток-то? Не пиво, нет. Похоже – брага... нет, квас, только очень забористый.

– Хороший у вас квасок.

– Добрый.

– Спасибо, я все же, пожалуй, пойду. Извините, если что не...

Вожников вдруг замолк, с удивлением глядя, как парильщики сноровисто натягивают на себя одежду – порты, длинные рубахи с вышивкой, кафтаны – неужто в деревнях до сих пор так еще одеваются? А что там у них в ножнах? Кинжалы? Ножи? Одна-а-ако...

– Ты чего голяком-то сидишь? Одежку, что ль, на заимке оставил?

– Вожеозерские робята хваткие, мороза не боятся!

Переглянувшись, братья – да, похоже, что так, братья – гулко захохотали.

Говорили они как-то странно, использовали много старинных слов, какие-то диалекты, Егор далеко не все понимал, так, с середины на половинку, точнее, частью – понимал, частью – догадывался.

– А говор-то у тебя, паря, смешной!

Смешной? Егор улыбнулся – кто бы говорил-то!

– У вас в Заозерье все так говорят или токмо князя да бояре?

Князя?! Бояре?! Эвон, куда беседа зашла. Оп-па! А что это старик-то так суетится, едва ль не кланяется – одежду парильщикам подает, сапоги...

Сапоги! У одного – зеленые, юфтевые, у другого – коричневые. Отличные сапоги... от тех, что в магазине продаются. Мягкая кожа, узор... К тому же – кафтаны эти, а вон, у деда – армяк! Именно так эта одежда и называется. Кинжалы, опять же, ножны, пояса тщательно выделанные.

Молодой человек ощутил легкое волнение – а не свой ли это брат реконструктор? Если так, интересно было бы пообщаться... только дела свои сначала закончить.

– А вы к кому прие... – начал было Егор, да вот только не успел закончить. Резко повернувшись, старший бородач вдруг зажал ему рот рукою и прошипел:

– Тсс!!! Слышите?

Вожников, честно говоря, ничего такого не слышал, а вот парильщики сразу насторожились.

– Ходит кто-то за баней, эвон – снег скрипит, – шепотом произнес тот бородач, что помладше.

– Верно, Данило, – так же тихо отозвался старший. – Окружают.

Обернувшись, Данило ожег взглядом Егора:

– Не он ли, Иване, людишек с собой привел?

– Угу... И сам голяком – с нами париться? Зачем? Мыслью – они неслышно за ним шли.

– И то верно... Одначе что делать будем?

– А что делать? – Иван неслышно вытащил из ножен кинжал. – Пробиваться будем – не тут же сидеть? Ты, – он строго посмотрел на Вожникова, – первым выскочишь... вроде как – в прорубь. Отвлечешь их, а мы уж – навалимся. Антип, – он посмотрел на жилистого. – Ты потом в лес, а я – следом.

– Сла-адим! Лишь бы этот вот выскочил, – Антип похлопал Егора по плечу: – Смогешь?

Молодой человек безразлично пожал плечами:

– Да выскочу, мне-то что? Только вот, для начала б в парную.

– Ишь, в парную ему... Беги давай! И да поможет нам Господь и святой Георгий!

Истово перекрестившись, Иван взмахнул кинжалом и кивнул на дверь:

– Беги! Живо!

– Ну, вы, блин, даете, – Егор покосился на тускло блеснувшее лезвие.

– А у окошка-то они не ходят – пасутся.

«Опасаются», – машинально перевел Вожников, покосившись на окно... Нет! Вообще не полиэтиленом оно было затянато. Бычий пузырь! Старина, блин... И еще игры какие-то тут непонятные.

– Ну, Егорша – пора!

Хлопнув парня по плечу, Иван кивнул жилистому Антипу, и тот резко распахнул дверь.

Ну, только бы девок не было... А и будут – так что?

– Эх-ма! Раскудрит-твою налево!

С веселым матерком молодой человек выскочил из бани и со всех ног помчался к проруби. И черт-то с ними со всеми – окунуться да обратно в парилку... лучше, конечно, к своим. Однако тут, похоже, одна банька-то – вот эта. Ладно, некогда сейчас... Егор не чувствовал мороза – бежал... Но не добежал. Из росших по всему берегу кустов выскочили ему наперерез сразу двое. Молодые краснорожие парни в нагольных полушубках и странных округлых шапках, отороченных потертым рыжеватым мехом. Глядя на Егора, парни глумливо ухмылялись, а в руках... в руках держали короткие копыя!

– Може, погоняем его, как зайца, а, Ждан? – с непонятым азартом воскликнул один. – На стрелу возьмем – то-то повеселимся!

– Не, – сплюнув, откликнулся другой. – Тимоха сказал – на копыя брать. А то б погоняли.

– Ну, на копыя так на копыя.

Покладисто кивнув, красномордый половчей перехватил копыя и буром попер на Вожникова.

Подскочил – ударил!

Ввухх!

Эва, ведь не зацепил, зараза! Хорошо, Егор вовремя увернулся.

– Э, ты что, псих, что ли?

– Гли-ко, Ждане – вертлявый попался!

Вожников закусил губу – у него почему-то складывалось такое впечатление, что тут все – психи. Да, у баньки тоже возникла какая-то возня...

– Дай-ка, я его...

– Не, Ждан, я – сам.

– Ну, как знаешь.

Ввухх!!!

Снова дернулось, рванулось копыя, в тусклом мартовском солнце сверкнуло злобой жаждущее крови острие... Хорошее, кованое...

Правда, Егор пристально его не рассматривал – готовился, попрыгал... легко – все ж боксер! – уйдя с линии атаки, перенес вес на левую ногу, и, правой рукой перехватив древко, левой ударил нападавшего снизу – апперкотом – в челюсть. Резко, быстро, умело – как когда-то на ринге.

И секунды не прошло, так – миг. Выронив копыя, краснорожий кубарем покатился вниз, к проруби, впрочем, Вожников этого не видел – ведь перед ним оставался еще и другой – Ждан... Который, похоже, еще не понял, что же все-таки произошло.

– Эй, Стяпан! Я ж говорил – тропка скользкая. Ладно, теперь уж сам.

Сам? Ну, давай, чего уж.

Подскочив ближе, Егор сделал ряд обманных движений, целью которых было увести противника с тропы... так и вышло – сделав неверный шаг, недотепа Ждан левой ногой провалился в сугроб, на миг отвлекся. Вожникову этого было более чем достаточно – резкий прямой удар – джеб – в переносицу. И – полный нокаут.

Кто-то бросился сверху, от бани – младший братец, Данило.

– На вот, армяк, накинь.

Гляди-ка, какой заботливый! То на парней голым выставил, то – армяк...

– В сугроб, в сугроб – живо!

Егор так сразу и не сообразил, зачем это бородач схватил его за руку, потащил за собой в снег... Что-то просвистело над самой головой, и рядом, в сугроб, ткнулась, провалилась до самого оперения стрела!

– Это что еще тут за робин гуды?

– Ловко ты их, Егорша! Теперь тихо сидим – в вербах стрелки засели. С-сволочи!
– И долго нам тут валяться? – Вожников натянул армяк... и едва не словил стрелу.
Даже несколько – наверное, с полдесятка ударилось в снег рядом.
– Не высывайся из-за бугра, паря!

– А?

– Голову, грю, пригни. Ничо, недолго. Старика, псы, прибили, да Иване, брате, не лыком шит! Недаром Тугой Лук прозван. Ишшо поглядим, кто кого! Да и глядеть нечего...

Ждали и впрямь недолго – откуда-то с пригорка донесся крик:

– Э-эй, как вы?

– Да ничо, живаху.

Данило вскочил на ноги, следом за ним поднялся и Егор – смешной, в армячишке, да босиком по снегу.

Сверху, напряженно поглядывая по сторонам, спускались Иван с Антипом, оба довольные, с закинутым за спину луками. Подойдя ближе, Иван улыбнулся, похвастался:

– Трех с Антипкой положили в вербах.

– И язм одного на нож взял, брате. Да Егорша двоих – кулаком. Вот, я те, скажу, ударец! Как там?

– Мыслю, нет никого боле, – пригладив бороду, нехорошо усмехнулся Иван. – Полудюжиной и явились, дескать – на нас и столько хватит. Злыдни!

– А, может, так просто заимку проверить решили? Вдруг да мы здесь?

– Может, и так... Оп-па! Гли-ко, шевелятся...

Егор посмотрел на реку. Тот парень – Стяпан – уже пришел к себя и, оглянувшись, побежал к противоположному берегу, к лесу.

– Врешь, не уйдешь!

Иван сдернул с плеча лук. Пропела стрела. Черная бегущая фигурка, дернулась, нелепо взмахнув руками, да, повалившись в искрящийся синеватый снег, так там и застыла.

Данило кивнул на застонавшего Ждана:

– А этого в баньке спытаем. А ну, Егорш, подмогни-ка Антипу.

У самого предбанника, в щедро окрашенном кровью снегу, недвижно лежали двое – давешний седобородый старик – Вожников так и не знал, как его звали – и какой-то незнакомец со шрамом вместо левого глаза. Круглая заячья шапка его валялась рядом, в сугробе, сальные волосы лежали вокруг головы страшным окровавленным нимбом.

– Деда убил... Кор-рва! – Данило с остервенением плюнул убитому в лицо.

Не до конца понимая, что вообще происходит, Егор с помощью Антипа затащил пленника – именно пленника, а как иначе назвать? – в предбанник. Ждан постанывал и держался за челюсть. Хороший вышел джеб, приятно вспомнить, и рассказать не стыдно!

– Сколько вас? – с ходу поинтересовался Антип. – А ну говори, шпынь, не то долго помирать будешь!

Парень лишь хлопал глазами да стонал:

– Ы-ы-ы... а-а-а...

– Ой, Егорша, чую – выставил ты ему челюсть.

– А чего он – копьем? – обидчиво дернулся молодой человек. – Тебе его жаль, что ли?

– Не его, паря – нас. Как же мы теперь от него хоть что-то вызнаем... Хотя! Найдем, как... Давай его на лавку... ага...

И вот тут, в предбаннике, Егор, наконец, ощутил холод. Да так, что весь содрогнулся, зубами застучал... еще бы!

– Я-я-я это, пожалуй, в парилочку.

– Давай!

Махнув рукой, Антип повернулся к «шпыню»:

– Эй, нелюдь. Говорить не можешь – кивай. Или мотай головенкой. Вас полдюжины, так?

– У-у-у, у-у-у, – парняга с готовностью затряс головой.

– Ну, слава те, Господи. Вы ведь за ним шли, за Егором? Ах, нет?... Но – по нашу душу? Ага... Просто глянуть? Ну-ну... так я и мыслил.

Окончания столь любезной беседы Вожников дожидаться не стал, убежал в парилку, сразу же швырнул на камни несколько ковшиков подряд, схватил веник... Правда, долго париться ему не дали: в парную заглянул старший братец, Иван, за которым маячила узкая, с редкой бородкой, физиономия Антипа:

– Все, Егорий. Уходим. Сейчас на заимку пойдем, да двинем подальше, утра не дожидаясь – от греха.

– Угу...

Быстро окатившись «летненькой» водицей из небольшой шайки, Егор накинул армяк, сунул ноги в принесенные кем-то – наверное, Антипом – лапти (!), да вслед за братьями зашагал по берегу вверх, к усадьбе...

К усадьбе... Найти Леху, уехать поскорее отсюда... Это что ж такое творится-то? В чистом виде сто пятая... ну, эти-то – молодой человек неприязненно покосился на своих спутников – понятно, защищались. Хотя... вон, Антип бежит, догоняет, на ходу наклонился, руки кровавые о снег обтер. Ой, не зря он в баньке задержался... бедный Ждан. Хотя с чего он бедный-то? Сам пришел – точнее, пришли – напали, едва кишки из него, Егора, не выпустили! Копьями-то махали со всем остервенением, мать их... Если б не бокс – остался бы он на снегу, не ходи к бабке, лежал бы вот так, раскинув руки... голый, блин. Одно хорошо – холодно бы не было.

Поднявшись к усадьбе, молодой человек закрутил головой в поисках «уазика» или, на худой конец, снегоходов. Вот тут же они стояли, у ворот, а УАЗ – во дворе... Черт! Удивленно шурясь от бьющего прямо в глаза солнца, Вожников осознал, что пришел вовсе не туда, куда надо бы. Не та оказалась усадьба! И забор не тот – частокол какой-то, и двор маленький, и дом – не дом, а избенка курная, почти по самую крышу в сугробе.

– Эй, мне, наверное, не сюда надо. Усадьба-то где?

– Она и есть, паря, – обгоняя, буркнул Антип. Обернулся. – Ты одежду-то свою где кинул?

– Теперь уж не помню... Да и вообще – трудно соображать, – честно признался Егор.

Антип махнул рукой:

– Ла-адно, сыщется что-нить. На заимке много чего есть. Жаль старика, похоронить бы, да некогда. Прав Иван Борисыч – уходить поскорей надо. Ждан – пленник – сказал, их сюда одноглазый весянин привел... полдюжины воев. Еще три дюжины – на Пашозерский погост пошли, думали нас там застать. Просчитались. А ведет их – Афанасий Конь, младшой воевода московский.

– Младшой воевода? – честно говоря, Вожников такого термина не припоминал, и от реконов раньше не слышал. – Боярин? Служилый человек?

– Точно – служилый, – Антип неожиданно расхохотался. – Нас словит – выслужится, дальше некуда. Пару деревенок Василий-князь ему, уж верно, пожалует.

Пару деревенок...

Егор еще хотел что-то спросить, да Антип не дал, опередил:

– Данило Борисыч бает, будто ты голыми руками – двоих. Правда ль?

– А чего ж неправда? – молодой человек рассеянно повел плечом. – Я ж боксер, хоть и бывший. Одному – джеб, апперкот – второму.

– Силе-о-он! Ладно, еще поговорим, паря.

«Сам ты паря!» – входя в курную избу, буркнул про себя Вожников. Пригнуться не успел – стукнулся лбом о низкую притолочину, выругался... Братья с Антипом засмеялись.

– А они тут пошуровали, – осматриваясь, задумчиво произнес Иван. – Эвон, все разбро-
сано.

Младший, Данило, хохотнул в бороду:

– Серебришко искали, шпыни!

Егор слушал вполуха, пораженный неожиданно открывшейся ему картиной, точно сошедшей с полотен передвижников. Типичное житье-бытье угнетенных гнусным царским «прижимом» временнообязанных крестьян какой-нибудь Пустопорожней волости: минимум мебели – опрокинутый стол, сколоченный из тесаных досок, лавка, распахнутый настезь сундук. Все правильно, машинально отметил молодой человек, доски в старину только тесали, не пилили. И сундук такой – даже не старинный, древний.

– Да-а-а, – присев на лавку, с усмешкой протянул Иван. – Ну, что, Егорша, сыщешь тут свою одежонку? Хо! Лучше и не ищи – одевай, что есть.

Молодой человек так и сделал – а что, лучше голым ходить, в армяке да в лаптях? Ничуть не стесняясь, натянул на себя исподнее – узкие полотняные порты, нижнюю – тоже из полотна – рубаху, поверх нее накиннул рубаху шерстяную, крашеную, похоже, дубовой корой... нет!

Конечно же, крапивой с квасцами!

Цвет такой характерный, буровато-зеленый. Это ж надо – и тут реконструкторы! Ну, кому другому придет в голову рубахи из грубой шерсти ткать да крапивой красить? Кстати, не такое уж и простое дело, весьма даже трудоемкое. Конечно, можно все заказать – есть в Москве магазинчики, на подобной продукции специализирующиеся – мечами торгуют, кольчугами да вот, одежонкой. Весь комплект русского ратника – служилого человека века четырнадцатого – запросто можно купить, что у реконов вовсе не возбранялось, однако и уважения не вызывало. Иное дело – ежели сам делал, сам ковал, сам красил – рецептов на специальных сайтах полно, да и в социальной сети «Вконтакте» групп немерено, в основном почему-то «римских» – всякие там легионы, варвары... Да тевтонцы еще. У них, впрочем, тоже рукодельцы уважались, а еще – те, кто по латыни говорить мог, а в случае Егора – на каком-нибудь средневековом русском говоре, они ведь сильно меж собой отличались, москвич от рязанца, смолянин от новгородца. Последние, кстати, к древнему языку ближе: «щ» не выговаривали, часто заменяя двойным «ш» – ишшо, пишша... или даже – пишта, «цокали» – цто? цево? зацем? согласные удваивали, гласные глотали... а, к примеру, рязанцы, наоборот – тянули: о-о-о... а-а-а-а... у-у-у... Егор за долгие вечера наострился на разных старинных диалектах болтать, мог, как рязанец или москвит, мог – как новгородец. Вот и этих «чертей» понимал – их говор от современного языка не так уж и сильно отличался... может, кое-как научились, да и посчитали – сойдет, ладно... Вот опять! Надев армяк, Егор вскинул голову – что ж, это все ж реконструкторы, выходит? Очень похоже, что так. Кому еще в курной избенке жить надо, без телевизора, телефона, ноутбука? Ничего ведь тут такого не было, даже хоть какого-то инструмента – дрели, плоскогубцев, кусачек... Топора – и того... Хотя нет! Топор все-таки был: вон, в уголке валяется. Егор не поленился, поднял... и ахнул! Вот вам и топор – настоящая боевая секира! Изящная, между прочим, вещь, вполне приличной убойной силы – куда там сабле! Длинное прочное древко, серебристое – полукружьем – лезвие. И метать, при нужде, можно, и зверя дикого бить, и дровишки порубать на костер.

– Вижу, приглянулся тебе топорик, – неслышно подходя сзади, сказал Антип. – Так бери... и вот тебе пояс да нож. Сапог своих не сыскал?

– Нет.

– Ну, некогда сейчас, надевай уж поршни, в лаптях далеко не уйдешь.

Да уж, точно не уйдешь, тут Егор был согласен – обычному мужику-крестьянину, скажем, еще даже веке в девятнадцатом одной пары лаптей едва-едва на три дня хватало. Так что с лаптями... Поршни!

Эти вот, поданные Антипом, башмаки с кожаными ремнями именно так и назывались. Ну, поршни так поршни – лишь бы впору пришлись...

Присев на лавку, Егор быстро натянул обувь, прошелся: впору.

Обрадовался, хоть, казалось, с чего бы? К чему? До «уазика» только дойти да рвать поскорее отсюда, ото всех этих непоняток-разборок, или... или все же «авторитетов» попытаться отыскать?

– Слышь, Антип, а кроме этой избы, тут что поблизости? Ну, усадьба, заимка охотничья в какой стороне?

– Это и есть заимка. А боле тут ничего. Хаживали вкруг, не видали.

Вожников хмыкнул – не видали они.

– Антипко, в амбаре глянь, – встав, распорядился Иван... Иван Борисович.

Вообще, как-то странно братья ко всем относились: к Егору – явно покровительственно, но вроде как почему-то держали за своего, а вот Антипа, похоже, вообще за полчеловека считали, гоняли по любому поводу. Странно, но этот, хотя и довольно молодой еще мужик, но вовсе не безусый юноша – судя по виду, Антипу было едва за тридцать – слушался Ивана с Данилою беспрекословно. Хотя и без раболепства тоже, просто молча делал указанное. Вот и сейчас без лишних слов бросился во двор, да вскоре притащил откуда-то лыжи. Странные, надо сказать, лыжи: широченные, явно охотничьи, подбитые беличьим мехом! Очень удобно и практично – с горки вниз не скользят. Крепления... хм... ремни какие-то. Да уж, не беговой пластик... на котором по лесу-то, по сугробам, не очень побегаешь. И опять же – досочки тесаные, выделанные тщательно, ясно дело – вручную.

Что ж, лыжи так лыжи – Леху, «уазик», усадьбу поискать надо!

Экипировавшись, все четверо вышли во двор и, не оглядываясь, покинули заимку, направляясь к ближайшему лесу. Впрочем, лес тут был везде, а вот дорога... с дорогой дело выглядело плохо. Нигде ее что-то не наблюдалось. Ни дороги, ни усадьбы, ни колеи... ни лыжни даже!

И эти-то еще, блин, попутчики, лыжники хреновы... Трупы в снегу бросили, в полицию никто, похоже, заявлять и не думает... ну дела-а-а!!! Некогда, говорят. Куда торопятся-то? А ведь всю троицу наверняка кто-то преследует, не зря ж они так спешат, да и ведут себя – вполне соответствующе. Как беглецы! Натворили, накосячили что-то? Ну, Егору-то с ними явно не по пути, ему б только отыскать знакомых... ну, или хотя бы «уазик». Незачем в чужие дела ввязываться, тем более – такие, с трупами.

– Что, пойдём, что ль...

Иван... Иван Борисович... посмотрел в небо, поправил на голове шапку – круглую, отороченную каким-то дорогим мехом, Егор не мог определить, каким именно, но точно – не нутрией.

Антип вдруг повернулся к Вожникову:

– Ну, веди, друже. Ты ж у нас проводник. Места-то здешние не забыл?

– Да не забыл, – ответил молодой человек.

Еще б забыть. И на байдарках тут по всем рекам хаживал, и так приезжал – на рыбалку, знал всю округу, как свои пять пальцев... ну, почти. Считал так, по крайней мере, и думал, что имеет на то все основания... а вот оказалось, что нет! Вот именно в этом месте – и не был. Севернее, южнее – да, а вот здесь – нет, не случилось как-то. Карту, правда, помнил – если вниз по речке спуститься – как раз в соседний район попадешь, на Лидь-реку, Колпь, Чагоду. Все волжского бассейна речки, если даже на лыжах сейчас пойти – потом в любую сторону можно: Белозерск, Череповец, Вологда, Рыбинск... Только вот не нужна сейчас никакая Вологда, никакой Рыбинск – домой бы поскорее добраться! Добраться, да думать – как из всего этого вылезти? Трупы-то рано или поздно найдут, не рыбаки, так позже – летом – туристы.

Хотя мертвяков-то и звери запросто подобрать могут, а если так – то и беспокоиться особенно нечего. Разве что парней тех жалко, ну, так они первые напали, причем со всей серьезностью. Ну-ка – копьем в брюхо! Не бокс бы, так для Егора совсем плачевно дело бы закончилось. Так что какая тут, к черту, жалость? И все-таки... все-таки, кто б они ни были – а все ж люди. Похоронить бы... тем более деда – тот-то вообще не при делах.

Антип хлопнул Вожникова по плечу:

– Пошли, пошли, друже. Котомку на-кось возьми.

Ну, пошли так пошли. Кинув на плечо поданный Антипом мешок, Егор взял в руки палку – почему-то одну, но тоже по виду – старинную... Впрочем, в древности так вот, с одной палкой и ходили. А как же! Свободной-то рукой, ежели что – кинжал из-за пояса выдернуть, саблю – мало ли кто в лесу встретится? Зверь или человек – что еще хуже: поди знай – враг, друг.

Пошли. Заскрипел под лыжами плотный, слежавшийся за зиму снег. Осмотревшись и примерно прикинув, что к чему, Вожников направил лыжи параллельно реке, немного покрутился по всей округе и, не отыскав ни дороги, ни усадьбы, к ней, к реке, и спустился – куда еще-то? Хоть баньку какую-нибудь отыскать, а рядом – жильё.

Антип и братья шли позади молча, не выказывая и намека на недовольство: раз ведет проводник, значит, знает. Егор усмехнулся: интересно, с чего это они его за проводника-то приняли? Верно, кого-то такого ждали.

Шли себе, шли, Егор все глаза проглядел, а никакого намека на жильё нигде не увидел. Похолодало, и желто-красное солнце уже наполовину скрылось за хмурыми вершинами елей.

– Ночью, видать, морозец зарядит, – промолвил Антип. – Пока не стемнело, надо место для ночевки выбрать.

И то правда, пора. Ножи, топор-секира есть, можно устроиться хоть с каким-то комфортом, пусть относительным, минимальным, но все же.

– Ночевать будем, – хрипло распорядился Иван. – Место приглядывайте.

Антип углядел первым:

– Во-он в том распадке, Иван Борисович, самое милое дело.

Вожников кивнул – и в самом деле, место для зимнего бивуака неплохое: овражек с крутыми склонами, рядом ельник, можно нарубить лапника, да и сухостоины недалече маячили – словно специально для костерка.

– Сейчас костер запалим, – приказал – именно приказал! – Иван Борисович. – Антип, Егорий, давайте дрова да шалаш, а мы с Данилой – за дичью. Тебе, Егорша, кто больше глянется – зайчик или рябчик?

– Рябчик повкусней будет.

– Ну, рябчика и запромыслим.

Немного передохнув, братцы закинули на плечи луки и, привязав к стопам лыжи, исчезли в густом ельнике.

– Запромыслят, – проводив их взглядом, усмехнулся Антип. – Недаром Иван Борисыч Тугим Луком прозван. Да оба любят охотиться, как говорят – охота в охотку... А ну-ка, Егор, поспешай! Сруби во-он ту сушину, а я пока снег для костерка утопчу, да накидаю лапника.

Все делалось правильно, споро и без особой спешки – как и положено в зимнем походе: расчистили-утоптали снег, наложили рядом лапника – сесть, запалили из хвороста костерок, притащили сушину – потом, как костер прогорит, сунуть в угли – пусть тлеет, дает на ночь тепло – это вместо туристского шатра с печкой. Кстати, полог бы какой-никакой не помешал.

Вожников оценил склоны оврага, затем выбрался наверх, осмотрелся:

– Давай-ка, Антип, во-он тех мелких елок нарубим – вроде как крыша.

Напарник молча кивнул, и оба быстро зашагали в ельник, благо и шагать-то далеко не надо было – молоденькие елочки росли совсем рядом, за ивами и осинкой.

Накрыв «крышу», молодые люди вновь спустились в овраг, к разгоравшемуся костерку. Развязав котомку, Антип вытащил котелок (запасливый!), черпанул снегу да поставил в огонь – топить воду.

– Если чая нет, я тут недалеко, на старой березине, чагу видел – заварим. Принести?

– Неси, – улыбнулся в усы Антип. – Парень, ты, я вижу, приметливый. Да! Корья-то березовогохвати еще.

Пока то да се, закипела натопленная из снега вода – заварили чагу, уселись дожидаться братьев. Начинало смеркаться.

– До темноты придут, – перебирая котомку, уверенно протянул напарник. – Гляди-ко, и соль у старика завалилась! Запасливый. Хлебушка б, да уж ладно, как-нибудь.

Антип смотрел на соль с таким видом, с каким смотрят на кусок золота или на какой-нибудь там приличных размеров бриллиант, Егор даже поежился – именно так относились к соли в средние века, все время ее не хватало, даже самая малость – богатство. А как иначе пищу на зиму сохранить?

Напарник все делал степенно, основательно – сняв котелок, поставил рядом, в утопанный снег – стынуть, затем, умело работая ножом, принялся мастерить из принесенной Егором коры туеса. Все правильно – кружек-то, похоже, у беглецов не имелось.

Вообще, на взгляд Вожникова, этот Антип производил довольно странное впечатление: с одной стороны – покладистый, улыбчивый, а с другой – иногда ка-ак зыркнет... К тому же это ведь он пытал, а затем убил – убил, убил! – того несчастного парня, Ждана... Несчастного? Был бы Ждан половчей, еще посмотреть, пил бы сейчас Егор чагу или валялся хладным трупом в сугробе, и вороны растаскивали б кровавые кишки из распоротого копьем брюха. Да-а-а...

– Слышь, Антип, а те парни, которые на нас напали, они вообще кто?

– А то ты сам не ведаешь! Афоньки Коня, московита, людишки по нашу душу. – Антип прищурился, зачерпнул туесом заваренную в котелке чагу, отпив, крякнул: – Аа-а-ах!

– А чего они такие отморозки-то? – не отставал Вожников. – Копья, ножи, луки – что, не могли из карабина пришибить? Или эти парни из тех людей, что легких путей не ищут? Я так понимаю, вы им где-то дорожку перешли, а я – с вами за компанию, как в том тосте...

– Егорша, а братья-то рады, что ты к ним пришел, – словно не слыша, перебил напарник. – Как обозвался – так и обрадовались, все ж их поля ягода.

– Так кто они такие-то, эти братья?

Антип сдвинул брови:

– О том, Егорий, тебе и знать покуда незачем. Догадывайся сам, а меня – уволь. Как батюшка мой покойный, Чугрей Хлынов, говорил (а он сам от какого-то мудрого человека слышал): многие знания – многие печали.

– Философ твой батюшка, – хлебнув чаги, хмыкнул молодой человек. – Как, говоришь, его звали-то?

– Чугрей Хлынов. Да слышал поди, есть такой город.

– Все равно, странное имя – Чугрей. Старообрядец, что ли?

– Сам ты обрядец! – Антип обиженно вытряхнул остатки чаги в снег. – А батюшка мой, хоть и из простых людей, да мудрый.

– Кто б спорил? – развел руками Егор. – Ты, стало быть, Антип Чугреевич, та-ак...

– Чугреевы мы... А Чугреевич это уж ты, Егорий, чересчур.

– Ну, Чугреев так Чугреев – мне какая разница? Еще чаги налей... не чай, а все ж после такого забега неплохо.

Чугреев пододвинул котелок ближе:

– Пей, пей. Чага есть, а снегу еще натопим. Ты мне вот скажи – правда ль, что одним кулаком... да обоих?

– Да что там, – Вожников даже смутился немного. – Боксер я, не ясно? Пусть бывший, но все таки до камээса дошел, по «юношам», правда. Да, если б не бросил, может быть... Впрочем, чего уж теперь об этом?

Напарник непонимающе поморгал, а потом снова спросил про удары.

– Да, да, удары, – замахал руками Егор. – Особые такие удары... как и вообще, в боксе.

– Особенные удары, говоришь? Вот-вот! – Антип неожиданно обрадовался. – Вот и я про то! Ты что же – боец кулачный?

– Говорил же уже! Ну... можно сказать и так.

– И меня можешь таким ударам обучить?

– Тебя? – молодой человек скептически оглядел напарника. – Тебя уж, пожалуй, поздно, возраст не тот. Хотя кое-что покажу, удар поставлю. Слушай, а вы меня в баньке специально, что ль, дожидались? Все-таки стремно как-то – не удивились даже.

– Да уж, ждали, – кивнул Чугреев. – Янько-весеянин, охотник местный, третьего дня еще обещал проводника прислать, сам-то не захотел с нами. Борисычи думали его силком принудить, да потом старшой, Иван Тугой Лук, смекнул – а что толку? Лесища-то тут какие... заведет, да сгинет, а мы потом – выбирайся как хочешь. Ведь так?

– Так. Значит, этот Янка... Янько меня к вам и прислал... так вы подумали?

– А как же, мил человек?!

Антип засмеялся и тут же закашлялся, схватившись за туес с чагой. Напился, сплюнул в снег, зыркнул вокруг глазами – узкими, глубоко посаженными, непонятно какого цвета:

– А Янько нас не выдаст, не думай. Он хоть и изгой, а все ж два сына – в Хлынове. Знает, если что – достанем. Не-ет, незачем ему нам вредить, себе дороже. Не он шпыней московитских навел, сами они по наши души явились – погоня! А к займке по случайности вышли, воевода их, Афонька Конь, видать, человек основательный – все по пути проверяет, даже самую мелочь старается не упустить. В одном погорел – не тех людишек отправил, не думал, верно, что мы там, на займке, на погосте нас искал Паш-озерском, да еще на Харагл-озере – Янько все туда нас хотел направить... Вот, тебя дождались... Не думали, что с вожской земли проводник будет.

– С какой-какой земли?

– А с такой.

Антип вдруг подсел ближе и, положив руку Егору на плечо, сочувственно покачал головой:

– Чую, Егорша, были когда-то и твои предки с землицею... может, даже и своеземцы, не смерды, не закупы. Увы, увы... А теперь что ж? Землицу похватили, поделили, род почти что под корень извели, ты вон сам, почитай, как изгой, скитаешься, никому не нужный... Ведь так? Молчишь? Вижу, что так... Да не переживай, паря! Есть, есть на Руси-матушке местечко, где тебя завсегда примут, завсегда рады будут... Такому-то бойцу! Туда со мной и пойдешь... опосля, как Борисычей, куда им надобно, доведем... Ну, как? Согласен?

Неопределенно пожав плечами, Вожников подкинул в костер дров. Сейчас как раз настало самое время спокойненько, никуда не спеша, определиться – как, собственно, дальше быть? Что делать? Все эти люди – Антип, Борисычи – вызывали подозрений не меньше, а, может, даже и больше, нежели убитые ими «шпыни». Кто ж они такие все-таки? Свои братья реконструкторы? Судя по одежке и причиндалам, поговору – да. Однако чего ж тогда таятся, толком о себе ничего не рассказывают? Антип Чугреев молчит, как партизан на допросе, Борисычи... так с ними Егор и не говорил еще по душам. Поговорить сегодня? А смысл? Если накосячили что-то серьезное (а по всему видно, что так оно и есть!) – не расколются ни за что, да за лишние вопросы могут и язык отрезать... хотя проводник им явно нужен... пока. А потом что? Да что угодно! Эти трое, по всему видать, люди крайне серьезные, крови не боящиеся... беглые зэки? А что? Очень похоже. С зоны сдернули в леса, забрались в первую же избенку, одежду казенную сменили на ту, что нашлась. А те, что их преследовали – тоже

беглые, видать, не поделили что-то. Правда – стрелы эти, копьё, говор... Как-то странно все это! Странно и непонятно.

И что делать? А ничего – спокойно вывести всю троицу поближе к жилым местам... скажем, к тому же Пашозеру – вполне себе людный поселок, со связью, с дорогой... Туда их и привести! Если они не оттуда пришли – а то ведь увидят телефонную вышку, дома, озеро – догадаются. А, с другой стороны – не должны! Они ж тут чужие, а он, Егор – местный... ну, почти. К тому же – боксер, хоть и бывший.

Вожников улыбнулся: что ж, так и следовало поступить – к Пашозеру так к Пашозеру, а дальше видно будет. Не по лесам же, в конце-то концов, с этой подозрительно троицей бегать. В Пашозеро, да... Знать бы еще теперь, в какую это сторону? Понятно, что на запад, а, если по реке? Река-то петляет! Ладно, справимся как-нибудь.

Борисычи, как и обещали, явились до темноты, оба раскрасневшиеся, довольные, с дичью:

– Держи, Егор, рябчиков! Готовьте с Антипкой. Что тут у вас в котелке-то? Чага? Ах, хорошо испить – употели. Налей-ко туес... Ох, добре...

С добычей Чугреев расправился быстро – обжег, да сунул на угли, никакого вмешательства Вожникова и не понадобилось. Братья – видно было – притомились, да, напившись чаги, подремывали на лапнике в ожидании ужина, вскоре и воспоследовавшего – чудесные оказались рябчики, упитанные, жирные, да и приготовил их Антип умело – в собственном соку.

Все четверо уплетали дичь за милую душу, жаль вот только соль экономили, и все ж и почти без соли – вкуснотища! И, главное, много – три дня запросто можно было есть. Подкрепившись, повалились спать, сунув в костер сушину. Тихо было кругом, благостно, правда, где-то вдалеке, за крутым, поросшим хвойным лесом холмом, выли на луну волки – вот тоже опасность еще та, хорошо хоть не напали в ночи. Слава богу, похоже, не чуяли, далековато выли.

Враги поджидали их по дороге на Пашозерский погост, у самого зимника, там, где рядом с дорогой сочился со скальных выступов водопад, наполовину скрытый тонким искрящимся льдом. Вожников хорошо знал эти места – здесь, неподалеку, они с друзьями частенько ловили рыбу.

Первым насторожился Антип, встал на лыжах как вкопанный, втянул носом воздух... и тут же упал, пронзенный пропевшей смертную песню стрелой.

– В лес! – махнув рукой, закричал Иван Борисович. – Скорей к лесу!

Пригнувшись, все трое побежали, так быстро, как только могли, жаль, сильно мешали лыжи, да ведь не сбросишь же их на ходу, не отвяжешь – некогда. Тем более, и снег на пути не везде твердый – сугробов еще было немерено. Снова просвистела над головой Егора стрела, сбила шапку, вторая едва не поразила парня в плечо, хорошо, поскользнулся, упал, да так удачно – в кусточки, – что смог наконец-то избавиться от лыж, а уж дальше – ползком, ползком – к лесу.

Там, в густом бору, и укрылись, там уж не страшны были стрелы, там и перевели дух, осмотрелись... осмотрелись бы, а не дали! Словно псы, выскочили из-за деревьев воины в кольчугах и шлемах – трое бросились на Борисовичей, один – ловкий такой парнишка с узким безусым лицом и серыми сверкавшим из-под шлема глазами – на Егора. Так себе соперник, если б не кольчуга – так «в весе курицы». Правда, меч при нем, ишь, размахался... маши, маши...

Егор выхватил секиру, взмахнул – враг пригнулся, и тяжелое лезвие со свистом разрезало воздух. Мимо! А вот меч – ловок, ловок парняга! – едва не пронзил Вожникову грудь, хорошо хоть успел отпрыгнуть, да снова махнул секирой. Да так, что поразил бы юного супостата прямо в голову, разрубил бы шлем, как нечего делать, а вместе со шлемом и череп...

Увы! Враг неуловимо дернулся, отклонился, и в тот же миг резким выпадом ударил клинком по древку... Выбитая из рук Егора секира упала в снег. На тонких губах врага заиграла торжествующая усмешка, а в серых, с презрительным прищуром, глазах его словно бы улыбнулась смерть.

Рано радуешься!

Вожников сжал кулаки – боксер он или кто? Подпустить соперника ближе, пусть замахнется и – крюком в челюсть! Полетит в сугроб вверх тормашками, никуда не денется, меч в одну сторону, сам – в другую. Ну! Давай, давай, подходи же!

Враг подошел, замахнулся все с той же ухмылкой...

Егор ударил...

Что-то сверкнуло в воздухе... и отрубленная рука Вожникова, играя кровавыми брызгами, полетела в снег.

Не успел, не успел, бли-и-и-ин...

Один из братьев – Данило – уже лежал с пронзенной копьем грудью, второй – Иван Тугой Лук – что-то яростно крича, еще отбивался от наседавших врагов, но видно было – из последних сил. Кто-то просто зашел к нему сбоку, метнул топор, раскроив череп. Брызнула кровь пополам с мозгом, Иван Борисович, покачнувшись, тяжело осел в снег.

Впрочем, Егор все это уже воспринимал плохо, правда, и боли не чувствовал, лишь только с удивлением смотрел, как из разрубленного предплечья фонтаном бьет-плещет кровь.

А враг – совсем юный, мальчик еще, не мужик – смеясь, снова взмахнул мечом... Ломая ребра, острый клинок, словно зубы голодного хищника, впился Егору в грудь, доставая до сердца.

И – сразу померк свет, словно кто-то выключил рубильник. И ничего уже больше не было – ни боли, ни грусти, ни сожаления, только звенящая тьма и – смерть.

Глава 3

Путь

– А-а-а-а-а!!!!

Закричав, Егор проснулся в холодном поту, вскочил с лапника, в ужасе глядя на руку... левая оказалась на месте... и правая.

Господи! Вот ведь, приснится же! И главное – все так правдоподобно, натурально так. Парень с мечом. Крюк в челюсть. Блеск клинка и... фонтан крови!

Черт! Правая рука, кстати, болела – как раз там, куда пришелся удар.

– Ты чего разорался, Егорий? – приподнял голову Антип. – Привиделось что?

– Да уж, – молодой человек махнул рукой. – Привиделось.

Вокруг еще было темно, и луна на небе казалась столь же яркой, что и в ночи, однако на востоке, за хмурыми вершинами елей, уже занимались оранжевые зарницы.

– Рассвет скоро, – проснулся и старший, Иван Борисович. – Соберемся-ко, рябчика поедим, да в путь. А, брате?

Данило Борисович, поднявшись, молча кивнул и уселся поближе к тлеющим углям:

– Антип, налушил бы щепы.

Чугреев тут же выхватил нож:

– Сейчас, господине, сейчас.

Не прошло и минуты, как шаявший палево-рубиновым светом костер вновь запылал ярким веселым пламенем. Борисовичи радостно переглянулись и с завидным аппетитом принялись уплетать вчерашнего рябчика, да так, что только хруст стоял! Не отставал от них и Антип, а вот Вожников что-то не чувствовал голода: может быть, вчера переел, а, может, потому, что сон нехороший привиделся.

Смачно рыгнув, Чугреев облизал косточку и, бросив ее в костер, потянулся к котомке, вытащил из нее какой-то сверток:

– Эвон!

Сразу запахло чем-то прогорклым, тухлым.

Иван Борисович даже нос пальцами зажал:

– Это что за вонища-то?

– Сало медвежье! – с важностью пояснил Антип. – Старик-то запасливым был. От волков по весне – первое дело. Почуют шатуна – ни за что вослед не пойдут. Так что мажем лыжи!

– Да уж, запасливый дед, царствие ему небесное.

Размашисто перекрестившись, Данило Борисович встал на лапнике на колени и принялся вполголоса молиться, то и дело крестясь и кланяясь. Ему тут же последовали и остальные – старший братец Иван, Антип Чугреев, Егор... А почему б и не помолиться-то? Коли все так делают, так негоже белой вороной быть, тем более и сам-то Егор – православный, бабушкой еще в сельской церкви Фрола и Лавра крещенный.

– Господи Иисусе Христе...

– Николай Угодник Святый...

– Святый Георгий...

– Богородица Дева...

– Удачи пошли, успеха во всех делах наших скорбных.

Щурилась в светлеющем небе луна, тускло мерцали звезды, ширился, золотил верхушки деревьев рассвет.

– Господи Иисусе Христе!

Помолившись, смазали медвежьим салом лыжи, вскинули на плечи котомочки. Старший – Иван Тугой Луг Борисович, бороду рукой пригладил:

– Ну, инда и в путь. Веди, Егорша!

Егор и повел. Не к Белоозеру, куда беглецы хотели, нет – в Пашозеро, как сам для себя решил. А зачем с этими придурками по лесам шататься? До Пашозера, как молодой человек прикинул еще вчера вечером, было где-то километров двадцать или чуть больше – почти целый день идти, по крайней мере – до полудня, лыжи-то не беговые – охотничьи. А что тут ближе-то? Если только в соседний район выйти... или даже в Вологодскую область.

Шли по зимнику, большей частью тянувшимся по льду неширокой речки, но временами, срезая углы, взбиравшимся и на холмы, и дальше – по лесам, через болота, летом бы тут ни за что не пройти, потому и «зимник».

Солнце, поднявшееся в светло-синее, словно протершаяся джинса, небо, светило путникам в спины, лишь иногда уклоняясь в сторону из-за изгибов пути. Сразу взяв темп, шагали ходко, никаких перекуров не устраивали: странно, но все трое невольных спутников Вожникова оказались некурящими, как, впрочем, и сам Егор; ну он-то понятно, все-таки спортсмен бывший, а вот эти?

А тоже – почти спортсмены, шли так, что сам Вожников ухайдакался и несколько сбавил ход, а сзади уже наступали на пятки, зубоскалили, подгоняли:

– Что, Егорий, устал?

Устал... А почему б и не устать-то? Километров десять уже в таком темпе прошли, будто черти по пятам гнались, Егор уже и дыхалку сорвал с непривычки, а этим хоть бы хны! Ну, лоси!

Егор мысленно прикидывал карту – еще немного, и будет скала с водопадами, а уж от нее можно считать – рядом. Скала. Та, что во сне.

Черт! Взобравшись по зимнику на небольшой холм, Вожников пошатнулся – словно обухом по голове ударили. Давление? Или просто устал? И перед глазами возник вдруг – так натурально! – тот самый парень с мечом! Блеск клинка. Взмах... И отрубленная рука взлетела к небу, орошая сугробы рубиново-красными каплями. И так заныла, заболела в том месте, где была перерублена, Егор даже идти не смог, и стон не сдержал, схватился за предплечье.

– Эй, паря! Ты что там?

– Да что-то рука.

– Затекла, что ль? Бывает.

Бывает еще и не то. Но чтоб два раза подряд одно и то же видение... И, главное, вот прямо сейчас, сей момент, Вожников почему-то точно знал: подойдут к водопадам, так оно все и случится – напорются на засаду и погибнут все! Так оно все и будет.

Вдохнув полной грудью утренний еще не отошедший от ночного морозца воздух, молодой человек помотал головой и сплюнул в снег. Откуда такая уверенность? Погибнут – да! Несомненно. Все трое.

– Да что ты, прости, господи, встал-то? Путь потерял?

Егор сделал еще пару десятков шагов, чувствуя, как скользят по снегу широкие, подбитые беличьим мехом лыжи.

И снова – словно ударило в голову! И правую руку – ожгло! А ноги уже остановились, не шли...

А парень – тот юнец с мечом – возник перед глазами и ухмылялся!

Да что ж такое-то! И вообще, откуда они тут взялись все? С мечами, с копьями. Этот вопрос пока оставался без ответа, а вот предыдущий... Вот тут-то Егор уже начал кое-что понимать! Колдунья! Бабка Левонтиха все же не обманула со своим зельем! Если принять это за аксиому, то... То напрашивается вывод – он, Егор Вожников, все-таки получил, что хотел: возможность предвидеть будущее: пусть локальное, пусть только ближайшее, пусть – только

самые нехорошие вещи. Но ведь предвидел же! Иначе б откуда этот сон, эти видения? А вдруг – да правда? И ноги не хотят идти...

Пройдя еще несколько метров, Егор снова увидел перед глазами юное ухмыляющееся лицо воина, снова почувствовал острую боль в правой руке... и не смог уже больше идти. Потому что – знал, потому что – предвидел! Работало бабкино зелье.

– Возвращаемся! – обернувшись, решительно заявил Вожников. – Сбились с пути малость.

– Хо! Сбились? – Иван Борисович нервно расхохотался. – Так ты проводник, аль хвост собачий?

– Да немного совсем. Сейчас вот чуток вернемся назад, а потом свернем.

Беглецы, конечно же, были недовольны, но все ж не спорили да и не ругались долго: послушно повернув назад, вновь пошли за Егором – а куда им деваться-то? Ворчали только:

– Ну, парень, заве-о-ол!

Шли опять-таки – ходко, но теперь проводник вовсе не чувствовал такой обреченности, «отрубленную» в «схватке» руку уже не пронзала боль, и не висела перед глазами ухмыляющаяся рожа юного убийцы в сверкающем стальном шлеме. А главное, на душе стало как-то... ну, не то чтобы хорошо, а спокойно, что ли. Вот ведь бабка!!! Если, конечно, это она, если не показалось все! Да нет, не должно бы.

Пройдя назад половину пути, Вожников уверенно свернул направо, на неширокую поворотку, вскоре приведшую путников к заснеженному лесному озеру, в которое впадала – или вытекала – узенькая речка, даже, скорей, ручей. Местные жители, кстати, произносили это слово с ударением на первый слог – рúчей. Ну, понятно – финно-угры, вепсы – у них всегда ударение на первый слог падает.

Немного переведя дух, по этой речке-ручьё и двинулись дальше, ибо направление совпадало с тем, что держал в уме Вожников – к югу. Прошагать километров двадцать-тридцать, а там уж и выйти к какой-нибудь реке Водского водораздела, без разницы, к какой – Лиди, Колпи, Чагоде. Там, рядом – Боброзеро... интересно, жилая деревня? А пес ее... Лидь – точно нежилая, дачная. Зато Заборье, Подборовье, Ефимовский – жилые! Ладно, раз не пускает бабка в Пашозеро, так хоть туда. Борисычи да Антип, судя по всему, мужики опытные, охотники-рыбаки, вон как прут, бульдозером, никакой волк не угонится, никаким танком не оставишь. Сам-то Егор опять уже уставать начал, хоть и молодой мужик, здоровый, спортсмен тренированный. А вот поди ж ты! Едва стали на привал, так сразу в снег и пал. Руки разбросал, лежал, отдыхая.

– На, рябчика пожуй, Егорий. Теперь-то верно идем?

– Теперь – верно. Говорите, в Белозерск вам?

– Да, к Белоозеру.

– Ну, до Ефимовского провожу... или до Заборья, а уж там доберетесь по железке. Деньги-то есть у вас?

– Деньги? А как же! Она!

Хохотнув, Иван Борисович сунул руку за пазуху и швырнул Егору маленькую серебряную монетку весом грамма три, с витиеватой надписью.

Молодой человек не сдержался, ахнул:

– Неужто ордынский дирхем?

– Она, она, денга татарская! – Иван Борисович самодовольно убрал монетку обратно. – Немного, но денег таких есть. С полкошки.

С полкошки! Кошка – так в Средние века называли на Руси сшитые из кошачьих шкур (они считались наиболее крепкими) кошельки, крепившиеся к поясу. Вон-вон она, «кошка», или «калита», к поясу Ивана Борисыча привешена – Егор как-то раньше и не замечал, не до того было.

Ишь ты... Ну, точно, реконы! Кому еще-то на поясах «кошки» носить?

– Мужики, разговор к вам есть.

– Вечером и поговорим. Как на ночлег станем.

Однако ордынский дирхем! Как новенький!

Снова пошли. Потянулись по берегам реки угрюмые хвойные леса, изредка перемежающиеся зарослями осины и пустошами. Проложенный по заснеженной неширокой реке зимник то и дело пересекали звериные следы – заячьи, лисьи, волчьи. Как-то за лесом показалась деревушка в две избы, судя по поднимающемуся дыму – жилая. Однако беглецы к избам не повернули, ходко прошагали мимо. Да и что проку в этих избенках? Круглый год живет там обычно какой-нибудь пенсионер, чаще всего – уставший от большого города петербуржец (точней – ленинградец) или даже москвич. Купил на старость избенку, вот и отшельничает, многим такое нравится. Раз в месяц за продуктами к автолавке выберется, и дальше живет, охотится, рыбку ловит, книжки умные при свечках читает, потому как – что еще делать-то? Ни электричества, ни нормальных дорог, ни связи.

Вожникова подобные глухие места отнюдь не удивляли – бывал, знал, привык – скорее, поражало другое – «зимники». Это были вовсе не тракторные дороги, а типичный санный или лыжный путь, уже достаточно за долгую зиму наезженный, не заметный. И кому тут надо бродить-то? В здешней глуши и народу-то столько нет. Заезжие охотники, туристы? Да, как видно, они, больше просто некому. За дичью да за рыбкой хаживали... что же, они добычу-то на санях увозили? Ой, едва ли, едва ли. Откуда ж тогда санный путь? Вот как тот хотя бы, что вел к Пашозеру? Еще лет сорок назад оно б и понятно было – колхознички на лошадках ездили, что кому надо, возили – навоз с дальних ферм, молочко в сорокалитровых алюминиевых флягах. Тогда, в те времена – еще понятно, но сейчас?! Ишь ты – сани. Не слишком ли большая роскошь даже для хозяев предназначенных для весьма состоятельных людей охотничьих баз? Одну-то лошадь прокорми, попробуй, а если несколько? Держала одна из хороших знакомых Егора лошадку – все время на дороговизну жаловалась.

Однако... в бане – бычьи пузыри, луки, стрелы, одежда, кошелек-кошка, ордынский дирхем... Это все сделать довольно трудно, Егор, как человек, долго и продуктивно общавшийся с реконструкторами, очень хорошо себе это все представлял. Все окружающие вещи сейчас, казалось, просто кричали – пятнадцатый век!!! Ну, или – четырнадцатый – невелика разница. Но нет... Это было бы слишком уж невероятно... невероятно – но факт! Факты – от них-то куда денешься? И, главное, с луками все, со стрелами, с мечами... Если еще кто-то подобный встретится – тут и думать-гадать больше нечего! Прошлое! Проклятая бабка! Нет... тут, выходит, он сам, Егор, и виноват. Ишь, восхотел предвидения!

И, если все так, как он только что себе представил, если Егор Вожников очутился – сам себя перенес! – в русское средневековье, то... То все встает на свои места, все очень даже логично получается. Спутники его беглецы, но вовсе не беглые преступники из какой-нибудь зоны, по пути обобравшие краеведческий музей. Не-ет! Местные. Борисычи – явно не простые люди, бояре, а, может быть – даже какие-нибудь удельные князья. Привыкли повелевать, по всему видно, да и держат себя с гордостью, нет, не с гонором, а именно с гордостью, а к Егору и – особенно – к Антипу Чугрееву – относятся покровительственно, как старшие к младшим, словно бы, вне всяких сомнений, имеют на это право. А ведь не шибко и старше-то! Сколько старшему братцу лет? По виду смотреть – около сорока где-то.

На второй ночевке, как развели костер, да братцы вновь вернулись с добычей – на этот раз с зайцем, – Егор повнимательнее присмотрелся ко всем троицам: Борисовичам, Антипу. К тому, как они разговаривали, а особенно к обуви, к одежде, поясам да пресловутым кошелькам-«кошкам». Молодой человек украдкой даже плащик Ивана Борисовича пальцами пощу-

пал. Знатный плащик и – сразу видно – вручную выделан: квасцами с корьем дубовым крашен, подбит волчьей шкурою, а уж фибула... фибула... любо-дорого посмотреть! Еще б потрогать...

– Иван Борисович, разреши застежкой твоей полюбоваться. Красивая.

Старший хмыкнул в усы:

– Да любуйся! А что красна – так ты прав. Никита Коваль на мою свадьбу выделал, нашей, нижегородской работы, вещь!

Ишь ты, «нижегородской работы»... а ведь и в самом деле – вещь! Да еще какая! Усевшись поближе к костру, Вожников с любопытством покрутил в руках фибулу – изящную, изображавшую святого Георгия верхом на коне, попирающего копьём свернувшегося кольцами змия. Ажурные золотистые – золотые? – проволочки, разноцветные сияющие краски: карминно-красная, солнечно-желтая, небесно-голубая, травянисто-зеленая, пурпурная, густо-синяя, изумрудная. Чудесная вещь! Как и техника изготовления – перегородчатая эмаль называется, секрет ее считается напрочь утраченным со времен монголо-татарского нашествия.

– А вот, видать, сохранилась, – шепотом произнес молодой человек. – Как раз с тех, монголо-татарских времен...

– Каких-каких времен? – доедая зайчика, переспросил Иван Борисович.

– Монголо-татарских. Ну, времен ига.

– Мудрено говоришь, Егорша. Совсем непонятно. Иго какое-то... его на лошадей надевают, а при чем тут лошадь? – старший почесал бороду. – Татары нам всем зело знакомы, а монголы... о таких никто и слыхом не слыхивал. Что за люди-то?

– Да так, – скрыв удивление, ответил Вожников. – Красивая застежка! Купили где-нибудь?

– Говорю ж, Никитка Коваль, рядович мой, на свадьбу сделал.

Вернув фибулу, Егор опустил глаза: ну, неужели...

Молодой человек, сжав секиру, машинально дернулся было к лесу – прочь, прочь!

– Дров собрался порубить, паря?

– Да не, просто смотрю – не затупилась ли?

– Не об кого еще твоему топору затупиться-то! – враз захохотали Борисовичи, а вслед за ними и Антип.

– Ну, хочешь, так поточи, а мы спать будем. Ты уж – вместо сторожи ночной. Потом Антип сменит.

Егор кивнул:

– Пусть так.

Все улеглись, положив в костер сушину, тут же и захрапели, лишь Вожников остался сидеть на лапнике, вглядываясь в выдавленные по кромке лезвия топора маленькие вытянутые буквы. Именно вытянутые, не строгие – это все для скорости письма, и такой вот, уже отошедший от прежней строгой графики, шрифт, именуется поздним уставом и относится... относится... относится... Эх, черт, еще вспомнить бы! Интересовался ведь, запоминал – у Старой Ладоги на слете Дирмунд Кривой Нож учил, «ранятник», викинг-норманн, в миру – Дмитрий Анатольевич Синева, кандидат исторических наук, археолог, человек, прошлым всерьез занимающийся, профессионально, а не как Егор – от случая к случаю. Хотя вот тогда и Вожников заинтересовался, любил знающих людей послушать, вот и запомнил: самый ранний шрифт – строгий, прямой – устав, замучаешься его выписывать, а этот вот, вот именно такие буквы, уже не столь строгие и словно бы скошенные, это... нет, судя по слишком уж склонившейся «к» – это даже не поздний устав, а полуустав, век этак четырнадцатый, пятнадцатый, самое его начало. Да, именно так и говорил Дирмунд, Дмитрий Анатольевич. Хороший, кстати, мужик, помнится, пили с ним бражку – олут... да так, что потом головы трещали, словно от удара тяжелой палицей или, уж, по крайней мере, шестопером.

Что ж, если они... надо хотя бы вызнать, куда идем-то? Впрочем, это и так ясно – на Белоозеро. А вот кто напал? Кто преследует?

– Кого пасемся-то? – Егор повернул голову к проснувшемуся напарнику. – Волков, что ли?

– А что нам волков-то пастись? – поднявшись на ноги, потянулся Чугреев. – Он, волк-то, не дурак, понимает – нападать на четверых – себе дороже. Был бы из нас кто один – накинулись бы давно всей стаей, и сало б медвежье не помогло!

А вот это уж точно – не помогло бы. Одному в зимнем лесу – смерть быстрая и лютая. Волки! Потому-то Вожников давным-давно отбросил мысль просто кинуть своих более чем странных спутников, да двинуть обратно одному. Ага, двинешь, как же! Быстро чьим-то завтраком станешь. Или обедом, ужином – тут уж без разницы. Тем более сейчас, когда вот оно как все обернулось... или – не обернулось еще? Проверить бы... Вот ежели еще в лесу какая-нибудь деревня встретится – без телевизионных антенн-тарелок, без электричества, вообще без современных вещей... Ладно, пускай не деревня, пусть – просто люди. Если они – по облику, по оружию, по повадкам тоже из средневековья, тогда уж все ясно будет... Невероятно, но факт!

Егору, конечно же, очень не хотелось бы, чтоб так было, но... Вещи-то говорили сами за себя, и весьма красноречиво. В отличие от обычных людей, историческими реконструкциями не занимавшихся, Вожников это очень хорошо понимал. И – если все так – то что теперь? Продолжать сомневаться, старательно обманывая самого себя? Зачем?

Чуть отойдя, Антип шумно помочился в снег и махнул рукой:

– Ладно, спи, Егорий, моя нынче черед сторожить – уж до утра.

– А эти? – Вожников кивнул на храпящих братьев. – Их-то когда черед придет? Или все наша будет? Слушай, Антип, ты так и не сказал – кто они вообще такие-то?

Чугреев посмурнел:

– Про то нам с тобой знать не надобно, говорил ведь уже. Знай, что люди они непростые – того и хватит.

– Хм, непростые, – не унимался молодой человек. – Бояре, что ль?

– Бояре? – Антип замялся и махнул рукой. – Ну, считай, что так.

Подвинув лапник поближе к шающему костру, Вожников молча улегся спать. Вот и поговорили, блин. Ничего нового не узнал. Хитрые – чужого человека пасутся... тьфу ты – опасаются!

Утром встали и снова прошагали весь день, сделав лишь небольшой привал – слегка подкрепиться. Егор мало-помалу принаравливался к такому темпу, но все равно едва за своими спутниками поспевал, вернее – они его все время подгоняли. После полудня вышли на широкий зимник, через пару верст спускавшийся через болото к реке, судя по всему – Колпи или Лиди, никаких других в здешних местах – пусть и в средневековье – не должно было быть.

Ох, скорей бы... скорей бы показалась деревня, или какие-то люди, скажем, охотники...

Надо будет уговорить Борисовичей остановиться там на ночлег, а потом... А что потом? Уйти в леса одному – опасно и глупо. Да и не отпустят его, среагируют обязательно – Иван Борисыч из лука белку в глаз бьет, да и братец его, Данило, и тот же Антип немногим-то в меткости уступают.

Обе речки, и Лидь, и Колпь, Егор знал – хаживал на байдарках (и не один раз), когда еще был школьником, но с той поры больше не довелось, потому и насчет деревень-поселков молодой человек был не очень уверен, не зная в точности, где они располагались. Тем более, если они древние. Люди-то, конечно, тут и в средние века жили... только вот конкретно – где? Понятно, что где-то около реки, но...

Молодой человек посмотрел под ноги: если предположить, что эта вот речка Лидь, то там – вот здесь уже, должна быть железная дорога и станция – Заборье, а за ней – Тургошь. Но нету железки! И поездов что-то не слышать. А ведь должны были дойти уже!

Господи... во попал-то! Господи-и-и-и...

Жуткая тоска навалилась на Егора, так, в тоске этой, он и уснул, хорошо хоть кошмары не снились.

С утра ярко сверкало солнышко, а вот в полдень повалил хлопьями снег, густой, совсем еще зимний. Мягко падал на плечи, словно издевался – вот вам весна! А подождите-ка до мая! Уж тогда, так и быть, может, и растаю, а до той поры – ни-ни, даже и не надейтесь.

Еще вчера с надеждой высматривающий признаки близкой цивилизации Вожников нынче заметно приуныл, даже шел тише, полностью погруженный в свои невеселые мысли, что немедленно вызвало реакцию беглецов:

– Эй, эй, Егорша! Притомился, что ль? Этак мы с тобой к Белеозеру до распутицы не успеем, будем тут, в лесах, лета ждать.

Белеозеро. Белоозеро, наверное, город такой, довольно большой и знаменитый – еще по «Повести временных лет». И что ему, Вожникову, там делать-то? А здесь? Мысль вдруг ожгла – колдунью, колдунью надо искать, может, обратно отправит. В Белоозере-то, чай, легче найти... да и вообще – город есть город.

Егор сплюнул в снег и прибавил шагу – просят же. Нет, во мужики закаленные – прут и прут, словно немецкие танки к Волге! Даже Антип, и тот оказался двужилым – а с виду не скажешь. Один он, Егор, тут за хлюпика, за маменькиного сынка – так, что ли, выходит?

А вот фиг вам!

Упрямо склонив голову, Вожников закусил губу и, поудобней перехватив палку, попер со всей возможной скоростью, да так, что и не заметил, как спутники его остались далеко позади, где-то за излучиной, так, что и не видать – снегопад же! Остановился, лишь когда услышал крики:

– Эй, эй! Егории-и-ий! Жди-и-и-и!

Ха, жди! То-то! А то ишь, привыкли – умеем и мы кое-что.

– Ну, ты, брат, и двинул!

Шумно дыша, выскочил из снежной пелены Иван Борисович, за ним показался Данило, братец, а уж потом – в арьергарде – Чугреев Антип.

– А мы думали – спекся ты давно.

Егор скривил губы:

– Ничего! Еще побегаем.

– И куда мы теперь? – негромко поинтересовался Данило.

– А туда, – Вожников махнул рукой. – Все по реке.

Немного отдохнув, путники направились дальше, слава богу, слежавшийся за долгую зиму снег не проваливался, лыжи скользили легко. Да и непогодь скоро закончилась, сквозь разрывы жемчужно-серых облаков вспыхнула, загорелась, мелькнула сверкающая лазурь, а следом за ней – и солнце.

Егор прищурил глаза, улыбнулся – ну, наконец-то, давно бы так! И тут же вдруг сильно сдавило виски. Так просто, ни с того, ни с сего... Вожников резко замедлил шаг, физически ощутив что-то подозрительное, чужое. Снова помогало бабкино зелье? Да, похоже, что так: молодой человек отчетливо почувствовал спиной чей-то недобрый взгляд. Погоня? Может быть. А, может – и местные. Охотники, рыбаки... Так это ведь хорошо! Наконец-то – люди. Вот и прояснится все окончательно, они ж явно сами по себе будут, никак с беглецами не связанные.

А вдруг... Вот нет-нет, да и шевелилась однако мыслишка. А вдруг у них мобильники есть? Где-то в глубине души Егор все же на это надеялся.

Вдруг заболело, зануло сердце. И – словно что-то ударило в голову: резко, с болью... А перед глазами вдруг возникла стрела – не одна, несколько, они вылетели из-за кустов, пронзив грудь Егора, поразили и Борисычей, Данилу – так вообще ударили в шею, а вот Антип уклонился, бросился в снег...

– Эй, Егорий, чего встал?

Молодой человек вздрогнул:

– Что, Иван Борисович?

– Говорю – чего застыл-то? Притомился?

– Что-то нехорошее чувствую, – устало признался Егор. – Словно идет кто за нами. Следит.

– Следит?

Обернувшись, Иван Тугой Лук подозвал Чугреева, что-то хмуро сказал. Антип с готовностью кивнул, Борисыч же махнул рукой Вожникову:

– Идем дале, паря. Посматривать будем.

Посматривать... Неплохо сказал. Интересно, за кем только? Егор, конечно, что-то такое нехорошее чувствовал, но вокруг никого из чужих не видел.

– Пошли, пошли, не стой.

Снова закрипели по снегу лыжи, группа на этот раз растянулась, так что, оглянувшись на излучине, Егор едва смог разглядеть далекую фигурку Антипа. Чугреев шел на лыжах медленно, сильно припадая на правую ногу – подвернул, что ли? Или так, притворяется для чужих взглядов.

За излучиной Иван Борисович приказал остановиться и ждать. Антип, впрочем, приковылял быстро, да как только с излучины завернул, так и вовсе хромать перестал. Прав оказался Егор – притворялся.

– Ну? – нетерпеливо спросил Данило. – Что там?

– Прав Егорша, идут за нами, – Чугреев задумчиво почесал бороду, черную, цыганистую, разбойничью, прищурился. – Не так давно – но идут.

Иван Борисович вскинул глаза:

– Погоня? Афонька Конь, подлюга, нагнал все ж таки!

– Нет, господине, – отрицательно дернул головой Антип. – Афонька Конь и людишки его здешние места не дюже ведают. Те же люди, что за нами идут – то там, то сям по бережку путь срежут. Местные! Но от того нам не легче.

– Знамо, не легче. Мы ж для них чужаки.

Данило пожал плечами и хмуро посмотрел на Чугреева:

– Как, Антипе, мыслишь – они на нас нападут?

– Вот уж не скажу, господине.

– Зато я скажу! – отогнав вновь нахлынувшее видение, вступил в разговор Вожников. – Обязательно нападут. Достанут стрелами.

– Стрелами, говоришь? – Данило недоверчиво ухмыльнулся. – Чего ж сразу стрелами-то?

– А чего бы и нет? – решительно поддержал Егора старший брат. – Четверо дюжих мужиков... стрелами-то нас сподручнее. Ты б, Антипе, где засаду устроил?

Приложив руку к глазам, Чугреев посмотрел вперед:

– Да во-он за тем мыском, где ельник. Просто дождался б, когда мы за мыс свернем, срезал бы по бережку путь... да стрелами б и встретил. Мило дело, мы ж на реке-то, как на ладони все.

Иван Борисович замолчал, задумался; в светлой окладистой бороде его маленькими искорками блестели снежинки.

– Помнишь, брате, Бешмай-татарин рассказывал... – негромко произнес Данило. Старший братец неожиданно улыбнулся и махнул рукой:

– Вот и я, Данил, как раз Бешмайку вспомнил. Тако и мы сладим. Егорий, Антип – теперь не торопитесь.

На это раз Вожников остался позади вместе с Антипом, Борисычи же ходко усвистали за мыс, да там и свернули к ельнику.

– Отчепляй лыжи, Егорий, – проводив братьев взглядом, быстро распорядился напарник. – Не совсем отчепляй, а так, чтоб едва держались.

– Зачем? – недоуменно спросил молодой человек.

– А затем, что мы тобою сейчас – заместо живца. Свист как только услышишь, сразу в снег падай, усек?

– Усек. Да, конечно.

До Егора наконец-то дошло, парень даже усмехнулся, оценив хитрый план Борисовичей – переломить ситуацию в свою пользу, из дичи превратиться в охотников. Теперь лишь бы те, чужаки, не перехитрили.

– Ложи-и-сь!

Резво отпрыгнув в сторону, Антип с силой толкнул своего спутника, и тот кубарем полетел в сугроб, отбросив лыжи.

– Ты совсем уж офонарел! – заругался было Егор, но...

...но тут же прикусил язык, увидев перед своим носом впившуюся в снег стрелу с серым дрожащим оперением!

Ввухх!!!

Совсем рядом впились еще две!

Средние века, однако... ну, точно!

Выходит, правы Борисовичи... Если не погоня, то... то – кто? Кому тут надобно стрелами?...

– Эй, парни, вставайте! – донесся насмешливый крик.

С заснеженного мыса, из ельника, показался Иван Борисович. Довольный, он деловито забросил на плечо лук:

– Немного-то их и было, лиходеев всяянских, всего-то четверо, как и нас. Потому и не нападали – решили на стрелу взять.

Быстро вскочив на ноги, Вожников стряхнул снег:

– Так вы их что... всех?

– Всех, – с еле заметной досадой отозвался Иван Борисович. – Хотел, конечно, одного-пару ранить, да опосля поспросить. Не вышло! Ловки больно.

– На свои головы легки, – скрипя лыжами, к беседующим подошел другой брат, Данило. – Все четверо – наповал.

– Жа-аль.

– Вот и я говорю. Хотя что их жалеть-то, шпыней подлых? Не мы нападали – они. Кто хоть были-то? На Афонькиных не похожи.

– А пошли-ка, брате, глянем еще разок.

Убитые лежали друг против друга, видать, только-только свернули к мыску, где и были встречены разящими без промаха стрелами. Один – лет сорока, жилистый, седобородый, с узким землистым лицом и покатыми плечами, трое остальных – совсем еще молодые парни, подростки, жить бы да жить. И с чего им вздумалось нападать? Или они вовсе нападать и не собирались? Это Борисовичи почему-то так решили... и – Егор.

Видение-то все-таки было! Предчувствие! Не зря ведь бабка Левонтиха говорила...

– Этот, видать, за старшого у них.

Наклонившись, Антип проворно обыскал трупы людей, вовсе не походивших ни на охотников, ни на рыбаков. Даже на туристов – и то не тянули, а, скорее, напоминали бродяг. Одеты в нагольные полушубки, посконные рубахи, порты из сермяги, обмотки – лапти... нет, на некоторых – поршни, из кожи, не из лыка. При все при этом – острые широкие ножи, луки со стрелами, на шее у старшего – какой-то странный серебряный амулет в виде уточки.

– Поганые! – брезгливо скривился Иван Борисыч. – Крестов нету.

Данило зло сплюнул:

– Туда им, шпыням, и дорога – в ад! Эй, Антипе! Глянь-ка в котомке.

Чугреев и без мудрых указаний уже развязывал заплечный мешок – котомочку – трофейную, так скажем. Егор с любопытством вытянул шею: какие-то оставленные, видать, для навару, кости, бережно завернутая в тряпицу соль, металлическая пластинка – кресало и кремь, плетенная из лыка баклажка.

Антип, не думая долго, вытащил затычку, хлебнул... да, прикрыв глаза, улыбнулся блаженно:

– Бражица!

– Дай-ко!

Принялись приговаривать баклажечку. Напиток (явно из сушеных ягод) показался Егору странным – каким-то прогорклым, кислым... впрочем – на любителя, скажем, Антип выпил с большим удовольствием, даже губами причмокнул:

– Жаль, шпыни мало взяли.

Данило Борисович рассмеялся:

– Ага, делать им больше нечего, как нас бражкой поить.

– То не бражка, – помотал головою Антип. – То вино весьянское – олут.

– Все одно – бражица. Эх, медовухи бы сейчас!

– Э, сказанул, – старший, Иван Тугой Лук, засмеялся. – Лучше уж, брате, стоялого медку.

Ничо! Вот доберемся, вот выберемся.

– Так татары ж, брате, не пьют.

– В Орде-то не пьют? Ага, как же!

В Орде... Вожников задумчиво посмотрел в небо, светло-голубое, высокое, чуть тронутое белыми кучерявыми облаками, подсвеченными снизу золотисто-оранжевым светом уже клонившегося к закату солнца. Вот и еще один день прошел. Очередной день. И что? А ничего хорошего. Господи!

Молодой человек неприязненно покосился на своих спутников, потом перевел взгляд на трупы... Как много у них стрел, и все разные. Егор чуть отошел, наклонился и поднял упавший в снег колчан. Вот эти, тупые – на белку, на соболя, раздвоенные – на куницу или лису, а эта вот, граненая... вообще, странная стрела – бронебойная, что ли?

– От такой, пожалуй, и кольчужка не спасла бы, – незаметно подойдя сзади, молвил Антип. – Знавал я в Хлынове одного мастера, как раз такие наконечники делал. И как-то ходили мы в Орду, на Жукотин, так... Ладноть! – Чугреев вдруг резко оборвал сам себя и, скосив глаза на Егора, хитро прищурился: – Слышь, Егорша, ты потом, как к Белоозеру выведешь, куда?

– Хм...

Вожников не знал, что и ответить – ну, выведет, скорее всего, примерно-то дорогу знал.

– Может – Белоозеро все же?

– Так я про то и говорю. В Орду ж мы с Борисовичами не пойдем, уж дальше-то они сами.

В Орду...

Молодой человек помотал головой, словно отгоняя нахлынувшие нехорошие мысли:

– А ты, Антип, куда все меня зовешь-то?

Чугреев осторожно обернулся на допивавших баклажку Борисовичей:

- Опосля поговорим, ага? Не для лишних ушей это дело – для наших с тобой токмо.
- Опосля так опосля, – кивнул Егор.

– Скоро пурга, однако, – опасливо посмотрев в быстро затягивающееся тучами небо, Антип сплюнул в снег. – Надо бы в лес свернуть, а, господа мои?

– К лесу – так к лесу, – кивнул Данило Борисович, а его старший братец без лишних слов повернул лыжи к берегу.

Идти стало труднее – цеплялся за ноги густой подлесок, колючие еловые лапы царапали руки и лицо, словно бы не пускали куда-то. Небо над могучими соснами и елями клубилось плотными серыми облаками. На глазах становясь ощутимо низким, оно словно бы наваливалось на землю, облепляя все вокруг, как выброшенный из тарелки прокисший кисель. Все зверье в лесу куда-то попряталось, даже птицы с ветки на ветку не перепархивали, то ли люди их испугали, то ли предстоящая непогода.

Путники уже начали присматривать удобное для остановки место – под какой-нибудь раскидистой елью, как вдруг задул верховой ветер, раскачал вершины деревьев, погнал по небу облака – вот уже и появились лазурные разрывы, и – пока только на миг – проглянуло солнышко.

– А, кажись, пронесет! – Иван Борисович с довольной улыбкой перекрестился. – Слава те, Господи!

И в самом деле, окружающая обстановка начинала потихоньку радовать – ветер разогнал тучи, заголубело небо, засверкало над лесом солнце. Можно было спокойно продолжать путь.

Поразмыслив, беглецы решили выйти к реке с другой стороны, за излучиной, таким образом, срезав, по прикидкам Егора, километра три, а то и больше. Сговорились, ухмыльнулись друг другу – пошли.

Лес вдруг стал редеть, и лыжи заскользили куда веселее. Вскоре четверка оказалась на большой поляне, в конце которой чернел частокол. Деревня!

- Обойдем? – опасливо обернулся Чугреев.

Иван Тугой Лук хмыкнул:

– Думаю, там нет никого. Ни дымов не видать, ни людей, даже собак не слышно. Да и местные-то охотники нас давно бы заметили.

– Да уж, это точно. Брошенная деревенька-то, – согласился Данило. – Зайдем – чего кривулями плутать зря? Может, соль там сыщем или... если вдруг снова непогодь – заночуем.

- Инда так и поступим. – Иван Борисович махнул рукой: – Пошли, парни.

Валялись в снегу сорванные с петель ворота, и, как только лыжники миновали их, явственно запахло гарью. Пять засыпанных снегом по крыши изб – большая деревня! – амбары... ага, вот они и горели-то! Пепел ище!

Направляясь следом за Борисовичами к самой большой избе, Вожников вдруг зацепился лыжей о какое-то бревно.

Наклонился...

- Господи!

Не бревно это было, а труп! Труп пронзенного стрелой мужчины.

Боже! Боже! Опять эти стрелы, армяки, копья...

- Дня три назад убили, – со знанием дела определил Антип.

– А вон еще мертвяк, – Данило Борисович указал на крыльцо, на ступеньках которого тоже валялся припорошенный снегом труп, только этот не был поражен стрелой. Несчастного просто зарезали... Нет!!! Зарубили мечом... или секирой.

– Мечом, – снова пояснил Чугреев. – Вона, удар-то чрез ребро прямо в сердце. Хорошо били, умело. А вот того, глянь, Егорша – секирою.

Молодой человек обернулся... и его чуть не вырвало от одного вида разрушенной надвое головы!

Господи... значит, все так и есть... Уж точно – средневековье!

Подошедший сзади Иван Тугой Лук хлопнул Вожникова по плечу:

– Ну, че встал, паря? Пойдем, глянем.

Проникающий через распахнутую дверь свет падал на скучную обстановку избы. Сложенный из камней очаг, стол с лавками... Нехитрая домашняя утварь: глиняные горшки, деревянные миски, кадушки. В углу стояла рогатина.

Егор и хотел бы, конечно, увидеть хоть какой-нибудь приклепанный к стеночке календарь с голыми девками, однако в душе понимал уже, что совершенно напрасно надеется...

– Эвон, под лавкой-то!

Иван Борисович наклонился и вытащил из-под лавки... мертвого ребенка! Опять же зарубленного – из залитой коричневой запекшейся кровью груди торчали белые ребра...

Вожников вроде бы никогда не был хлюпиком, но тут не выдержал, и, выбежав на двор, завернул за угол, закричал – его вырвало.

Очистив желудок, молодой человек еще немного постоял так, согнувшись, и, более-менее придя в себя, вскинул голову. За углом, близ плетня, торчали какие-то пугала... почему-то сразу три. Что, птиц так много?

Егор присмотрелся и...

Лучше б он этого не делал!

Никакие это были не пугала – люди! Посаженные на кол люди!

Значит – правда... тупое и дикое средневековье!

– Господи-и-и-и!

– Здоров ты кричать, Егорша! – хмыкнул вышедший из избы Иван Тугой Лук. – Думаю, ночевать мы тут не будем, дальше пойдем... Ну, чего встал-то? Мертвяков не видал?

– К-кто их, интересно... и за ч-что... – заикаясь, промолвил Вожников.

– Верно, соседуски, – Иван Борисович шумно высморкался. – Из-за землицы али из мести. Всяко бывает. Леса! Народ кругом дикий.

Егор сплотнул слюну. А ведь просто все! Взять да поинтересоваться, коли уж они бояре или даже князья.

– Иван Бо... Еще спросить хочу.

– Ну, спрашивай.

– Иван Борисыч, вот скажи-ка, а какой сейчас год?

– Обычный год, – с некоторым удивлением отозвался боярин... или князь. – Как и прошлый, малость подождливей только.

– А лето, лето какое? Ну, от сотворения мира?

– От сотворения мира? – Иван Борисович ненадолго задумался, зашевелил губами. – Тебе зачем надо-то?

– Да так...

– От сотворения мира шесть тысяч девять сотен осьмнадцатый. Ну да, так и есть – в березозоле-ветроносе месяце, по-гречески – в марте – как раз Новый год и начался.

– Шесть тысяч девятьсот восемнадцатый... – обалдело повторил Егор... Это ж... это ж...

Глава 4

Шесть тысяч девятьсот восемнадцатый...

– Шесть тысяч девятьсот восемнадцатый год... Однако...

Уже на реке, осмысливая увиденное и услышанное, молодой человек принялся вычислять более привычную дату – хоть как-то призвать мозги к порядку. Да и отвлечься... безжалостно зарубленный ребенок, мертвые на кольях... Жуть!

Итак... раз год начинался в марте – по крестьянскому календарю, не по церковному, значит, нужно отнять от числа сотворения мира пять тысяч пятьсот восемь лет... или – в случае с мартовским годом – пять тысяч пятьсот семь. Ну да – год новый как раз только что начался, а старый – наш – с января... Значит, значит – сейчас у них на дворе тысяча четыреста девятый год! Апрель, если точнее. Ну да, ну да – то-то Борисычи все Едигея вспоминали... И кто у нас сейчас правит? В Москве... нет, не Дмитрий Донской, тот уже умер... Ага – сын его, Василий Дмитриевич... у которого с Борисовичами какие-то разборки. Значит, Борисычи тоже какие-нибудь князья, а не простые бояре.

Господи-и-и-и... Пятнадцатый век! Самое его начало. Да разве может такое быть? Сложно представить, а ведь есть – вот оно! Вот она, баня, попарился, блин... Вот они – прорубь и зелье – водица заговоренная Левонтихи-бабки. Ой, а может, не зря все же колдуний казнили, как вот эту волхвицу? Точно, бабка подсуропила, зельем своим... точнее, уж тогда не бабка, а он сам, Егор Вожников, виновник всех своих бед. Он же хотел снадобье, хотел всякую пакость предвидеть – вот и предвидел теперь. Только не у себя, а... Черт побери! Левонтиха-то честно про грозу предупреждала, мол, не нужно в грозу-то, нельзя! Егор тогда не внял – какая, блин, в марте гроза-то? А ведь была гроза! И молния – вот теперь-то он вспомнил – блеснула! Может, от этого и случилось все? А как же... как же теперь назад? Опять в прорубь нырять? А снадобье, воду волшебную? Ее-то откуда взять, с собой-то не прихватил ничего – занырнул в чужой мир голым! В буквальном смысле слова занырнул.

Нет, вот теперь, хоть и не хочется верить, однако же все логично, все на своих местах – и беглецы, и странные люди в лесу, луки, стрелы и прочее. Теперь ясно, куда железная дорога делась, да мост, да сотовой связи вышки – не построили еще, не успели, через пятьсот с чем-то лет только выстроят.

И что теперь? Одна тысяча четыреста девятый год... Чего делать-то? Одному не выжить, это вообще-то любому человеку, вовсе не обязательно реконструктору, ясно было б. Значит, надо добраться... ну, хотя бы до Белоозера, а уж там поглядим... Антип, кстати, пару раз недвусмысленно намекал, звал даже в ватагу. В банду? Идти? А куда же еще-то! Кому он, Егор, тут нужен? Или – с Борисовичами... так те, похоже, в нем нуждаться не будут.

Вот, блин, судьба! Пятнадцатый век... Еще бандитствовать не хватало для полного счастья. От всего на голову свалившегося тут волком завоешь – Господи-и-и-и!

Вожников и сам не заметил, как уснул, а проснулся от тычка в бок: Антип разбудил, Чугреев:

– Вставай, Егорий, вставай! Твой черед сторожить.

Это слово он произнес особенно, с ударением на средний слог, не сторожи́ть, а сторо́жить.

Ну, сторо́жить так сторо́жить, тем более – и впрямь его очередь. Егор про себя усмехнулся: Борисычи, уж конечно – бояре, сторо́жить им не по чину.

Еще было темно, горели за редкими облаками звезды, и тощий, какой-то обглоданный огрызок месяца покачивался, зацепившись рогом за кривую вершину высокой сосны, росшей неподалеку от устроенного путниками бивуака. Все так же шаял в низинке костер, все так же

выли волки. По пятам шли, гады, надеялись на поживу! Хм... А ведь не зря надеялись! Тех четверых, трупы... волки – они ж подберут, обглодают до последней косточки, да и косточками кому поживиться – найдется. К тому ж – ледоход скоро, весна, а по весне все эти реки-речушки – горные и неудержимые, как стремительно несущийся сель. Вожников вспомнил, сколько продвинутых байдарочников тут погибло – и не сосчитать! Как в древности говаривали – «без числа». Приедут в конце апреля за экстримом – получают сполна, вся река по берегам, как федеральная трасса – в памятниках да в траурных венках.

Чу! Где-то за спиной вдруг скрипнул снег. Егор быстро обернулся – зеленовато-желтым пламенем сверкнули прямо напротив глаза. Волк! Ах ты ж, зараза. Молодой человек выхватил из костра головню, швырнул не глядя. Зверя как ветром сдуло. Значит – сытый. Еще бы...

Еще б человеческое жильё увидеть... посмотреть. С чего бы вот так безоглядно Борисычу верить... Хотя, а как тут не поверишь-то?

К человеческому жилью путники добрались примерно через десяток дней, когда по узкому зимнику вышли к какой-то большой реке. Увидав ее, Антип бросился на колени прямо в снег и долго молился, после чего, вскочив на ноги, крепко обнял Вожникова и даже облобызал:

– Ну, Егорий! Ведь вывел все ж таки. Молодец! А, господа мои? – Чугреев обернулся к братьям. – Теперь, как уговаривались, на Белеозеро? Или, может, в Устюжну, в Вологду, как?

– Ты еще скажи – в Ярославль, в Суздаль! Почему ж не в Москву? – нервно усмехнулся Данило Борисович.

Старший же брат, Иван Тугой Лук, лишь покачал головой, наставительно заметив, что «на Белеозере» и людищи свои, и глаз чужих меньше.

– Явимся на посад, не в сам город, там и поживем, вроде бы как купцы – там таких много – пока реки ото льда не отойдут. А уж потом... потом поглядим. Тут уж с вами рассчитаемся, не сомневайтесь, да... – Иван Борисович неожиданно покраснел, и, обернувшись, погрозил кулаком кому-то невидимому. – Ну, поглядим, князь Василько! Ужо найдем в Орде правду.

– А не найдем ежели? – Данило сплюнул в снег.

– А тогда – в Хлынов! – сжал кулаки старший брат. – Наберем ватагу, да... ух!

– Так, может, тогда, господа мои, сразу в ватагу? – несмело предложил Антип.

Братья разом замахали руками:

– Что ты, что ты! Думай, что говоришь-то. Мы разбойники, что ль?

По этой широкой реке (Шексне, как определил Вожников) и пошли дальше, и уж тут-то путь был наезжен, такое впечатление, будто впереди шел большой санный обоз, оставляя после себя лошадиный навоз, кострища и кучи всякого мусора – какие-то огрызки, рыбы кости, даже выброшенную кем-то изрядно прохудившуюся баклагу.

А ближе к вечеру встретился и ехавший на лошади с волокушами-санями мужик. Крепенький такой бородач в коротком полушубке мехом наружу, справных юфтевых сапогах и волчьей шапке. На боку у мужичка болтался изрядных размеров кинжал, а к седлу были приторочены кожаные дорожные сумки.

Пятнадцатый век – понятно... и логично, о чем разговор? Просто – немного невероятно... так, слегка.

Незнакомцев мужичок встретил без страха. Придержав коня, поклонился в седле:

– Здравы будьте, добрые люди.

– И ты, человеце, здоров будь. С Белеозера?

– Не, с починка еду. Сына старшого навещал. Язм Микол Белобок, своеземец, может, слыхали?

– Не, – Борисычи, переглянувшись, пожали плечами. – Не слыхивали. А до Белеозера долго ль еще?

– Да недолго, дня три. Вы, смотрю, приказчики, гости?

– Они самые и есть.

– С каких земель?

– Устюжане.

– Добрый городок. Слышал.

– Ты, мил человек, скажи – нам тут дальше заночевать есть где?

Своеземец Микол неожиданно задумался, даже сдвинул на затылок шапку:

– Было бы где – да. В Почугееве, село такое тут, большое, в пять домов, там и постоянный двор... Токмо он занят, да и избы все – обоз перед вами идет с Ярославля. Гости ярославские чего бают – страсть! Будто Едигей-царь, с Москвы выкуп забрав, все земли полонит, жжет, грабит. Стон по всей Руси-матушке стоит от ратей его безбожных... Правда ль? Жжет?

– Да, лютует царь ордынский, – с видом знатока покивал Иван Тугой Лук. – Все потому, пока в Орде заматня была, Москва им дань не платила – а и кому было платить? Сегодня один царь, завтра – другой, послезавтра, прости, господи, третий. Кому, спрашиваю, платить-то?

– Инда так, так, – согласился Микол. – Ну, поеду, пора уж. А вам присоветую еще до села на постоя встать. Тут скоро деревенька будет, в три избы, как раз напротив острова, так вы в крайние ворота стучите, да Голубеева Игната спросите – он вас на ночь и приютит. Мужик хороший, возьмет недорого – всего-то денгу. Есть у вас деньги-то?

Иван Борисович надменно хохотнул:

– Денгу заплатим. Благодарствую, мил человек, за совет, да за помощь.

– И вам пути доброго.

– Интересно, – проводив его взглядом, негромко протянул Вожников. – А этот чего же на нас не бросился, ватагу свою не собрал? Подстерегли бы, да...

– Ой, дурень, дурень! – от души расхохотался Антип.

Егор даже обиделся:

– Чего сразу дурень-то? Те вон, парни, в лесу – ведь напали бы, сам говорил.

– Так то – людишки лесные, дичь! Для них каждый чужак – враг, а для местных, наоборот – деньги. Тут ведь торговый путь! А ну-ка, поди, побезобразничай – враз огребешь от здешнего князя. Да и людно тут, эвон, – Антип показал рукой. – Не та ли деревня? Вон и остров напротив как раз. Нам в крайнюю избу, туда... Голубеева Игната спросить.

Вожников уже ничему не удивлялся – еще бы! – ни массивному, высотой в полтора человеческих роста, тыну из заостренных бревен, ни сколоченным из дуба воротам, кои, заскрипев, отворились, едва только Антип назвал Игната, ни бросившихся было на гостей огромным цепным псам.

– А ну, цыть! – прикрикнул на собак неприметный, среднего роста, мужчина, на вид лет пятидесяти, но еще крепкий, с седоватой бородкой и темными, глубоко посаженными глазами. – Ну, я Игнат. Вы насчет ночлега? Ярославские гости-купцы?

– Не, ярославские дальше проехали, а мы – с Устюжны, – пригладив бороду, Иван Борисович протянул на ладони денгу. – На вот, Игнате, бери.

– Возьму, что ж, – недоверчиво попробовав монетку на зуб, хозяин, как видно, остался доволен. – Что без товара-то? Одни лыжи.

– Обоз-то давно уже в Белеозере.

– Поня-а-атно, – усмехнулся Игнат. – По зимней дорожке пойти не решились, летней дожидаетесь.

– То так.

– Не вы одни тако. Ладно, в людскую горницу проходите, располагайтесь, потом челядина пошлю – позвать посидать. Эй, Федько! Федько, да где тебя собаки носят-то?

На зов прибежал парнишка лет пятнадцати, смуглый, худой, с копной темно-русых волос и давно не мытыми руками. Все, как положено – штаны с прорехами, заплатки на локтях, сношенные лапти. Живая картина из пьесы «Богач и бедняк». Игнат тут, выходит, за кулака,

а Федька – работник, батрак, значит. Хотя, конечно, более правильно другое: Федька – это челядин, либо обельный холоп – бесправный раб попросту.

– Язм, господине, токмо и собирался... у-у-у...

Получив от хозяина увесистого «леща», паренек скривился от боли, и низко поклонился:

– На зов явился... вот он я.

– Вижу, что ты, хвост собачий! Гостей в горницу проводи!

Никаких признаков цивилизации Вожников ни во дворе, ни в избе не обнаружил, да и не искал уже. В бревенчатой избе, рубленной в обло с покрытой сосновой дранкой крышей, оказалось ничего себе: тепло и даже как-то уютно – закопченные иконы в углу, да топившаяся по-черному печь, дым из которой, скапливаясь под стропилами, выходил в деревянную трубу – дымник. Старина, чего уж! Все сработано на совесть – без единого гвоздя, с дощатым, выскобленным добела полом и тремя волоковыми оконцами, вырубленными в смежных бревнах и закрывавшимися – «заволакивавшимися» – досками, естественно, тесаными, не пилеными.

Войдя, все сняли шапки и перекрестились на иконы.

Федька повернулся к Борисычам, безошибочно признав в них старших:

– Я, господа мои, вам на сундуках постелю – все ж спать пошире.

А вам, – парнишка перевел взгляд на Егора с Антипом, – на лавках.

– На лавках так на лавках, – согласился Вожников. И тут же пошутил: – Слышь, Федя, а у вас тут мобильная связь берет?

– Берет? Не-а, – подросток замахал руками. – Никто тут ничего не берет, и у вас не возьмет, пастися не следует, татей нету.

Иван Борисович деловито осведомился про баньку, мол, а не истопил бы хозяин?

– Дак и велит истопить, коль попросите, – широко улыбнулся парень. – Но только за...

– Понятно, – не сдержался Егор. – За отдельную плату. Ну, что, господа, будем баньку заказывать? Я – так бы за милую душу.

– Да, – погладив бороду, кивнул Иван Борисович. – Коли время есть, чего ж не попариться? Скажи хозяину – пусть велит. Мы, сколь скажет, заплатим.

– Сейчас же и передам, – уходя, низенько поклонился отрок.

– Может, нам еще и девочек заказать? – пошутил Вожников, на что Борисовичи хором сплюнули:

– Тьфу ты, срамник! Еще что удумал!

– Да я так просто, – засмеялся Егор. – Ну, не хотите, так как хотите. Кстати, откуда ты, Иван Борисович, взял, что Игнат – своеземец? Может, он боярин, или из детей боярских, а?

Его вопрос снова вогнал Борисычей в смех:

– Ну, скажет тоже – боярин! В такой-то курной избе? А усадьба, похоже, его, знать – своеземец, однодворец даже.

Возникший теоретический спор на темы социальной истории русского средневековья был прерван появлением Федьки. Вежливо постучав, парнишка, не дожидаясь ответа, распахнул дверь:

– Хозяин в баньку зовет. С полудня еще топлена – мылись. Сейчас бабы ополоснут, чтоб чисто, – и прошу.

– Квасу пусть хозяин твой в баньку пришлет.

– И кваску, и бражицы!

Попарились быстро – не до пару, грязь бы поскорей смыть, к тому же не хотелось заставлять долго ждать гостеприимного хозяина. Помывшись, уселись в предбаннике – охолонуть, Федька как раз притащил глиняный жбан с квасом. Забористый вышел квасок, хмельной! Егор две кружечки выкушал – захмелел даже.

- Еще кваску, господа мои? – изогнулся в поклоне подросток. – Я живо сбегаю.
Тут только Вожников заметил свежий, расплывшийся под левым глазом парня синяк – кто-то хорошо, от души приложился. За дело?
- Не надо бегать, – одеваясь, промолвил Иван Борисович. – Сейчас и за стол, так?
- Так, – кивнул Федька. – Хозяин ждет уж. Ухи наварено – налимья, осетровая, стерляжья. Да студни, да каши разные.
- Ну, вот и пойдём, – потянувшись, Данило смачно зевнул. – Там и выпьем. Егорий, ты что застрял? Еще париться хочешь?
- Да нет, только водой окачусь.
- А мы пока – в избу. Ты давай тут недолго.
- Да быстро. – Егор придержал в дверях Федьку: – Сам-то кваску выпей.
Юноша в страхе отпрянул:
- Да не можно мне! Вдруг да хозяин прознает? Убьет! Для гостей квасок-то.
- Да не убьет, – ухмыльнулся Вожников. – И не узнает. Садись вон, пей. Давай, давай, не отказывайся!
- Благодарствую. – Быстро опростав кружку, подросток утер губы рукавом рубахи и неожиданно улыбнулся: – Добрый квасок. Упарился за сегодня весь, уфф...
- Пей еще... Давай, давай, не стесняйся. Что хозяина-то так боишься? Раб ты ему, что ли?
- Раб.
- Я так и подумал, – Егор потянулся. – Ох, господи, ну и глушь тут у вас.
- У нас-то еще не глушь, – обиженно сказал Федька. – Есть места и поглуже.
- Егор со смехом хлопнул его по плечу:
- Да кто б спорил, Федор? Кто тебя этак в глаз-то приложил?
- Да так, – скривился парень. – Бывало и хуже. В прошлом месяце на конюшне выпороли, едва кожу всю не стянули, думали, я крынку с медом украд – а я ее, крынку-то, и в глаза не видел. Вот тогда было больно, а сейчас... синяк – тьфу.
- Да-а, – прищурившись, Вожников снова плеснул квасу, да, выпив полкружки, отдал остатки Федьке.
- Благодарствую.
- Слышь, Федя, а это Игнат – он все же кто?
- Игнате – хозяин.
- Ты еще «боярин» скажи.
- Не боярин, врать не буду. Своеземец, земелька есть, стадо в сорок коров, да лошади, да свиньи, да всякая птичья мелочь...
- Понятно – типа фермер, значит. Или, как в простонародье говорили – кулак. А ты у него в работниках... в холопах... – Егор с усмешкой подмигнул собеседнику и опять потянулся. – Ла-а-адно, больше пытать не стану. Пора! Ты, Федор, загляни вечерком, после ужина – поболтаем, ага?
- Ага, – юный собеседник кивнул и, почему-то вздрогнув, понизил голос: – Добрый ты человек, господине. Приду.

Ужин прошел весело, в беседе. Пока гости уминали ушицу да пироги с кашами, какой-то седобородый дед нараспев читал былины про Илью Муромца и всех прочих. Потом, когда уже пошли орехи да всякие сладкие заедки под медовуху, подсел к столу какой-то непонятный тип лет сорока; все, как и положено – при бороде, в посконной рубахе с кушаком, с вышивкой, в кожаных постолах. Подсел, завел разговор, все выспрашивал про разные города – про Ярославль, Владимир, Устюжну... Борисычи отвечали односложно, Антип вообще в разговор не лез, да и Егор отмалчивался – а чего говорить-то, коли в Устюжне никогда не был, а в Ярославле с Владимиром хоть и бывал, но так, проездом. Вот и молчал, да иногда о своем думал

– все ж лезли в голову разные мысли – не робот, чай, человек, – в пятнадцатый из двадцать первого века попал, и что – дальше поскакали?

Переживал Егор, уж конечно, и пытался себя занять разговорами, хоть какой-то беседой – поговоришь с кем-нибудь, все не так грустно покажется. Ла-адно, и в пятнадцатом веке люди живут... жили... и колдунью разыщем и... может быть, чем черт не шутит?

Хозяин, своеземец Игнат, надо отдать ему должное, все ж управлял застольем: хмельное подливали вовремя, да и тосты произносились часто.

Борисычи с Антипом – видно было – захмелели, а вот у Егора тот, легкий квасной, хмель давно прошел, выветрился, а новый не брал, потому как закуски было в избытке, а вот выпить, считай, что и нечего – медовуха, чай, не водка, не виски, не кальвадос.

«Ишь ты, кальвадос ему! – посмеялся сам над собой Вожников. – Граппу еще вспомни!»

Он заметил у Игната серебряный браслет с узором из ма-а-аленьких таких шариков – зернь называется, а на бревенчатой стене – доспех из металлических продолговатых пластин, друг на друга чуть-чуть напозающих и кольцами скрепленных, бахтерец. Все правильно – пятнадцатый век, не раньше...

Гости и хозяин, захмелев, раскраснелись и затянули песни, большей частью, естественно, Егору незнакомые. Он и не подтягивал, просто сидел, слушал.

– Э-э! – допев, повернулся к нему Игнат. – А ты что не поешь?

– Так песен этих не знаю.

– Тогда свою затяни!

– И затяну, запросто! Наливай.

– Эхх...

Шел отряд по берегу,
Шел издалека,
Шел под красным знаменем Командир полка.
А-а-а-а! А-а-а-а!

– Эй, подпевайте!

Командир полка.

Дирижируя обглоданной рыбьей костью, Вожников допел песню до конца и довольно хмыкнул:

– Вот!

– Хорошая песня, – тут же заценили собравшиеся. – Это в Заозерье такие поют?

– Где поют – там поют, – уклончиво ответил Егор и спросил: – А что, водки-то у вас нету?

– Чего-чего?

– А, ладно, медовуху тогда наливай!

Ну, не брала Вожникова медовуха, слабенькая все же, сейчас – под такие песни – водки бы, да девчонок позвать – народный хор!

– А что, Игнат, девчонки-то у вас не поют?

– Чего ж не поют-то? Сейчас кликну. Эй, Федька, раскудрит твою так! А ну, челядинок, девок зови! Да чтоб с песнями. А мы пока выпьем, ага?

– Наливай, сказал же! Ну, чтобы все!

Тут же не замедлили явиться и девки, правда, без кокошников, в серых посконных рубашках с вышивкой и с какими-то дешевыми бусиками. Такие же браслеты, а еще – лапти. Ну, уж так-то зачем? Неужели покрасивее нельзя было?

– Ты, Игнат, чего девок-то не придел? Как-то, честно говоря, убого.

– Ась?

– Ла-а-адно, проехали. Петь-то они будут?

Кивнув, хозяин усадьбы ухмыльнулся и, громко хлопнув в ладоши, приказал:

– Пойте!

Девушки переглянулись, вздохнули.

– Укатилося красно солнышко за горы оно за высокоя, – тоненьким, писклявым голоском начала одна.

– За лесушко оно да за дремучия, за облачко оно, да за ходячия... – подхватили другие, точно такими же тонкими голосами, у Егора аж барабанные перепонки задрожали – резонанс. А захмелел уже изрядно – вот она, медовуха коварная!

Покачал головой, в ладоши похлопал, а потом спросил:

– А «Напилася я пьяна» хотя бы нельзя? Или что-нибудь из седой старины, типа «Синий, синий иней» или «В реку смотрятя облака»? Что, не знаете таких?

Испуганно переглянувшись, девчонки поклонились разом:

– Не гневайся, батюшка, не ведаем таких!

– Ну, блин... Я ж не «Шизгару» прошу! Ну, давайте тогда «Листья желтые», ее-то все знают... Листья желтые над городом кружа-а-атся, с тихим шорохом нам под ноги ложа-а-атся! Не понял? Что молчим? И эту не знаете? Игнат, что за дела-то?

– За такие дела велю их завтра на конюшне высечь! – пьяно ухмыльнулся Игнат. – Ух, корвищи! Не знают, что петь!

– Не вели сечь, батюшко! – хором взмолились девушки. – Хочешь, мы те про Соловья-разбойника споем?

– Не умеют петь, пусть тогда пляшут. Голыми! – снова пошутил Егор.

– Голыми? – Игнат ненадолго задумался и вздохнул. – Не, голыми им нельзя – утопятя еще со сраму в проруби. Мне – прямой убыток.

– Да шучу я!

– Так про Соловья-разбойника будете слушать?

– Послушаем, чего уж. Пусть поют.

После веселого – обильного, с хмельным и с песнями – ужина гости полегли спать, едва только растянулись на приготовленных ложах – кто на широких, застеленных медвежьими шкурами сундуках, кто – на лавках. Сразу и захрапели – и Борисычи, и Антип. Иван – Тугой Лук – Борисович, правда, сказать успел:

– Тебе, Егорий, нынче сторожу нести. Вижу, не так уж ты и хмелен, молодец.

– Да с чего тут хмельеть-то? Была б водка, а так...

Поворочавшись – все равно не заснуть, да и нельзя – «сторожа!», Вожников вышел на крыльцо, подышал воздухом, прогоняя остатки ненужного хмеля. Ночь выдалась тихой и теплой, падавший было мокрой крупой снежок вроде бы перестал, сквозь разрывы туч проглянули серебристый месяц и звезды. Хорошо! Нет, правда. Словно в каком-нибудь пансионате а-ля рюс. Так и кажется, что вот-вот выйдет кто-нибудь выкурить в тишине сигаретку... Да-а-а...

Что-то скрипнуло. Чья-то тень бочком скользнула к крыльцу. Молодой человек вздрогнул – кого еще черт принес? Ах, это ж, кажется...

– Федя, ты, что ли?

– Язм, господине.

– Молодец! – Вожников приглашающе махнул рукой. – Давай, поднимайся, на крыльчке с тобой постоим, побазарим.

Парень как-то затравленно оглянулся:

– Лучше уж, господине, в сенях.

– В сенях так в сенях, – пожал плечами Егор. – Только темно там.

– Это и хорошо, что темно – никто не увидит. Слово к тебе есть!

– Хм, надо же – слово! Ладно, проходи, говори свое слово.

Оба уселись в сених на старый сундук и с полминуты сидели молча. Вожников слушал тишину и... тяжелое дыхание подростка. И чего он так дышит-то? Как паровоз прямо.

– Ну? Что молчишь-то?

– С мыслями, господине мой, собираюсь.

– Слышь! Сказал же уже – хватит прикалываться. Что хотел-то?

– Уйти отсюда хочу, – хрипло прошептал Федька. – С вами!

– Ну, так и пошли завтра, – Егор хмыкнул – забыл ведь на миг, где он! – Хочешь уйти – уходи.

– Храни ты Бог, господине! – такое впечатление, что парнишка пал на колени.

А ведь действительно – пал!

– Э! Э! Ты что творишь-то? А ну, встань!

– Благодарствую, – взволнованно продолжал подросток. – Добрый ты человек, я сразу приметил. Не каждый бы вот так согласился. Господи! А старшой-то твой как? Может, он-то меня взять не захочет.

– Захочет, – спокойно уверил Егор. – Вообще-то, ему без разницы. А ты, я смотрю, местный. Дорогу прямую покажешь, а то почти месяц уже по лесам кружим.

Федька истово перекрестился:

– Куда хочешь проведу, токмо возьмите с собою в ватажку!

– Куда-куда тебя взять? – переспросил Вожников. – В какую еще ватажку?

– В такую, в какую и вы... – в шепоте парня явственно слышался сплав отчаяния и надежды. – Тут мне жизни нет, хозяин, Игнат, сгноит, мол – тать. А какой я тать? Ничего ни разу без спросу не взял, так, крынку молока токмо выпил – за то и бит был, едва отлежался. Язм из лука неплохо бью и бою оружнему научусь, обузой в ватажке не буду...

Егор вконец рассердился:

– Да откуда ты взял про ватажку-то?

– А кто ж вы тогда? – искренне изумился подросток. – Игнат ведь не зря Онисима к вам за стол посадил – тот Устюжну добре ведает, а вы – нет, хоть и устюжанскими гостями сказывается. Зачем? Ясно – ватажники. И не в Белеозеро, верно, идете – подале, в Вожскую землю, даже и в Хлынов, так? Можешь, господине, и не говорить, я все понимаю. Токмо возьмите, а?

– Хозяин, говоришь, на вшивость нас проверял? – задумчиво промолвил молодой человек.

– Не, обо вшах речи не было. И это... при чем тут вши?

– Это, Федя, образное такое выражение – аллегория или аллитерация... как-то так, я в науке о русском языке не силен, – под влиянием юного своего собеседника Егор и сам уже понизил голос до шепота, хотя вроде кого тут опасаться-то?

– Игнате сеночь вязать вас замыслил, – чуть помолчав, неожиданно предупредил Федька. – Веревки мне приказал из овина принести.

– Вязать? – удивленно переспросил Вожников. – А зачем, спрашивается?

– Так я ж сказал! Не круглый же дурак Игнат-то, – подросток тихонько засмеялся. – Смекнул уже, кто вы такие.

– И кто ж?

– Ушкуйники, ватажники, разбойные люди – все одно! Возьмите меня с собой, а я укажу, как с усадьбы выбраться.

– Укажешь, укажешь, – послышался вдруг чей-то приглушенный голос. – Никуда ты не денешься. Да, Егорий, язм тож своеземцу этому, Игнату, не верю. Такой запросто может воеводам московским сдать.

– Господи, Антип! – узнав говорящего, Егор облегченно перевел дух. – Тебе что не спится-то?

– Так поспал уже, тебя вот подменить вышел, – Чугреев смачно зевнул и распрямил плечи. – Слышу – а у вас тут беседа.

– Парень вон, к нам просится.

– Возьмем! Думаю, Борисычи против не будут... да и не по пути скоро нам с ними. – Антип уселся на сундук между Вожниковым и Федькой. – Так ты, паря, говоришь – выведешь?

– Да влегкую, вот вам крест! – снова перекрестился подросток. – Хоть сейчас... нет, чуть попозже.

– А лыжи-то у тебя есть?

– Найду, где взять.

– Постой с лыжами, – быстро сказал напарнику Егор. – Слышь, Федя, я так и не понял: у хозяина лошади, сани есть?

– Можно и на лошадях! – воспрянул парень.

Радостный возглас его однако был на корню перебит Чугреевым:

– Нет! На лошадях не можно. Конь изрядно серебра стоит, хозяин это так не оставит, искать будет, снарядит погоню.

Федька дернулся:

– Да некого снаряжать, господине! Мужики-то все наши, холопи да закупы, в лесу, на полянке, бревна на новый частокोल рубят.

– Все равно, – упрямо стоял на своем Антип. – Вот если ты, Федька, сам собой убежишь, Игнат подумает-подумает, да и махнет рукой – а и черт-то с тобой, еще со всяким дерьмом возиться! Тем более и людей под рукой нету. Ведь так подумает, а?

– Ну, так, – с неохотой согласился парень.

– А если лошади пропадут?

– Тогда да, может и в Почугеево рвануть, ударить в набат, людей кликнуть – татьба ведь! Татьба!

– Вот видишь, Федя! – Чугреев негромко засмеялся и хлопнул парнишку по плечу. – А на будущее тебе совет – глаза завидушие обуздывай, что не унести – не бери. Понял?

– Понял, – Федька сглотнул слюну. – Так что – меня с собой берете?

Антип хмыкнул в кулак:

– Берем, берем – куды ж тебя теперя девать-то? Пойду, господ разбужу.

– Гли-ко – господ! – шепотом повторил подросток. – Неужто и господа нынче в ушкуйники подалися?

– Подалися, а что ж? Времена такие настали, Едигей половину Руси разорил, куды мелким людишкам, своеземцам, деваться? Да и боярам некоторым... ладно, ждите тут.

Скрипнула дверь. В избе, в горнице, послышались приглушенные голоса – видать, поднимались-одевались Борисовичи. Воспользовавшись этим, Федька отпросился за лыжами и «небольшой котомочкой».

– Ну, что, готовы?

Ага. Похоже, снарядились.

– Я, Иван Борисыч, всегда готов, как пионер когда-то, – бодро отрапортовал молодой человек. – Федьку-то, местного, берем?

– Берем, берем, путь укажет... – Иван Борисович неожиданно смущенно крякнул: – Эхх... Негоже, конечно, чужих холопей сманивать, ну да Бог простит. Тем более парень-то предупредил все же о хозяине своем, злыдне. Где он сам-то?

– Кто, злыдень?

– Да не злыдень, Егорша – парень. Как его – Федька, что ли?

Федька оказался тут как тут – ждал на крыльчке, потом, как все вышли, тихонько поминал, зашагал первым. Шли по заднему двору, вдоль амбара, мимо овина, конюшни, коровника. Тут парнишка остановился:

– Он-вот, лествица. Подыдем, да...

Егор с Антипом помогли поднять из снега массивную тяжелую лестницу, прислонили к коровнику, по очереди забрались на крышу... И тут залаял, заблажил пес!

– Тихо, Карнаух, тихо! – выругавшись, Федька быстренько спустился обратно во двор. – Тихо, Карнуша, свои. На вот тебе косточку... Ешь.

Лай тут же стих. Слышно было, как звякнула цепь, затем донеслось довольное урчание.

– Кушай, Карнаух, кушай.

Еле слышный свист. И вот уже Федька снова на крыше:

– Теперь туда, к частоколу. Лествицу перекинем и...

Лестницу едва затащили, хорошо, Борисычи – мужики дюжие – помогли. Крякнули, поднатужились, перекинули на частокол – так и выбрались, бросив сперва лыжи. Спрыгнули в сугроб, приземлились мягко, слава богу, ногу никто не подвернул, только Федька ушибся малость, застонал.

Егор настороженно оглянулся:

– Что случилось?

– Досадила чуток. Ничо, идти можно.

– Тогда пошли.

Встав на лыжи, беглецы направились к реке. Шли уверенно, быстро – проводник нынче был местный, надежный, и шпарил так, что Вожников едва за ним поспевал.

– Да не беги ты так! Сам же сказал – погони не будет.

– Не будет, то так, господине, – оглянувшись, согласился подросток. – Одначе все ж хочется ноги поскорей унести.

– Вижу, достал тебя твой опекун. Эх, был бы на дворе двадцать первый век – в полицию б на него накатали телегу!

– Телегу? Не! Сейчас на санях токмо. Аль вот – на лыжах.

– Тьфу ты, господи.

Егор не знал, как и отреагировать – вроде как посмеялся парнишка, однако на шутку-то не похоже, больно уж голос серьезен, да.

Ух, как они все погнались, лыжники чертовы! Вожников все пытался нагнать Федьку – да тот так летел, словно на крыльях, лишь бы от усадьбы Игната Голубеева подальше. Видать, достал своеземец...

– Эй, Федька... обожди.

Куда там. Неслись, черти средневековые. Ох, дать бы вам всем в морду, что ли? Может, легче бы стало на душе? А что? Ивану Борисычу – апперкот в челюсть, Даниле, братцу его – хук слева, Антипу – по печени, Федьке... Не, Федьке никуда не надо – негоже боксеру детей бить.

– Ну, вот оно, Белеозеро, и есть! – первым взобравшись на пологий, с парящими черными проталинами, холм, обернулся Федька. – Пришли.

– Пришли?

Переглянувшись, Борисовичи, побросав лыжи, рванули вверх прямо по проталинам, следом бросились и Антип с Егором.

– Господи! – Иван Борисович, сняв шапку, взгляделся вдаль и размашисто перекрестился.

Слева – если смотреть с юга, с холма – от устья Шексны, на фоне огромного, белого, с заметно подтаявшим припоем, озера, тянувшегося до самого горизонта, громоздилось скопище серых, неприметных избушек да огороженный деревянной стеной терем, словно из какого-то исторического фильма. Да, еще были церкви, тоже деревянные, некоторые – с позо-

лоченными маковками. Егор ничему не удивлялся уже – все так, как и должно было быть в тысяча четыреста девятом году.

– Ране тут, у реки самой, город-то стоял, – сняв с головы шапку – жарко! – со знанием дела пояснил Федька. – Потом мор случился, почитай, с полгорода перемерло. С той поры и перенесли городок, отстроили.

Антип ухмыльнулся:

– А я слышал, ушкуйники новагородския его пограбили да сожгли, не так?

– Не, город они не жгли, – помотал головой подросток. – Игнат, хозяин мой, говорил – Погост Серединный только. Гаврилы Лаптева, сыне боярского, погост.

– Слышь, как там тебя? Федька? – сплюнув, с ленцой повернул голову Иван Борисович. – Знакомые в Белеозере есть?

Подросток вновь помотал головой:

– Не, господине, нету. Да я тут и был-то всего пару раз – овес хозяйский на ярмарку возили.

Егор скривился:

– Тьфу ты, господи! Овес!

– Погодь! – резко оборвал Иван Борисович. – Как я вижу – у тебя, Егорий, в Белеозере тож никого нет, так?

– Так, – кивнув, Вожников пожал плечами. – Я ж говорил уже.

– И это – нехорошо есть, – задумчиво погладив бороду, промолвил старший братец. Глубоко посаженные, непонятного цвета глаза его сверкали какой-то грозной решимостью и – вместе с ней – недоверием, правда, недоверием вовсе не к проводникам, а к общей сложившейся сейчас ситуации.

– Да, братушко, наобум, сразу, идти – волку в пасть! – поддержал брата Данило Борисович. – Чай, Белеозеро-то с полсорока зим под Василием.

Иван Тугой Лук хмыкнул:

– Ха! С полсорока? Да зим три дюжины. Потому и пастись должно.

– Думаешь, брате, уже и тут гонцы московитские? Ловят нас, ждут?

– Не думаю, – старший братец мотнул головой, словно отгоняя какое-то видение. – Не успели еще, не могли успеть.

– А погоня?

– И те – вряд ли. Хоть и умен Афонька Конь-воевода, а все ж покуда сообразит, где нас искать – так и дороги растают. Так и будут людишки его до лета сидеть, ждать – а куда им деться-то?

– А вдруг да успеют?

– Успели б – так и мы б их заметили. Где-нито позади костерок, дымок... Не-ет, братец! Не могли успеть. А пастись все ж надо – вдруг да узнает нас кто? Князю тутошнему доложат, а тот, от усердия глупого, возьмет да прикажет имать. Ведомо ведь, как мы с Васильем...

– Как кошка с собакой!

– Вот-то именно.

Иван Борисович оглянулся:

– А ты что скажешь, Антип?

Чугреев почесал черную цыганистую свою бороду, потерябил блеснувшую в левом ухе серьгу – тоже еще, модник-метросексуал! – утробно высморкался в подтаявший снег и, чуть помолчав, молвил:

– Были у меня тут знакомцы. Да-авно.

– Дак что ж ты молчишь-то?!

– Не уверен, что они в Белеозере, – мотнул головой Антип. – Времена нынче непростые: кто затаился, кто в Хлынов к ватажникам-братушкам ушел, а кого уж и в живых нету. Ну, схожу, конечно, гляну, а вы пока здесь...

Недоверчиво скривив губы, Данило Борисович махнул рукой:

– Нет уж! Мы с тобою пойдем. Разом!

– Ну – разом так разом. Только это, не в сам город надо – на посад, есть там одна корчемка. Кем вот только сказаться-то?

– Скажите – туристы, – с усмешкой посоветовал Вожников.

Иван Борисович отмахнулся:

– Вечно ты, Егор, непонятные слова говоришь.

– Тогда – охотники, рыбаки... или это – этнографическая экспедиция.

– Чего-чего?

– Ну, типа – нефть ищем. Ха!

– Как говорили, так и скажем, – быстро произнес Чугреев. – Купцы мы, только не сами гости торговые, а помощники – выехали, мол, в важские земли – соль договориться купить, а, как договоримся – потом уж и вывезем, на стругах сперва, потом – обозом.

– Да-а, – подумав, согласился Данило. – Так и надо сказать. Хитер ты! А что корчмарь?

– Старый знакомец, если жив еще, – Антип кашлянул и перевел взгляд на Егора. – Человек верный, но все ж пастись надобно, языком-то зря не молоть.

– А что ты на меня-то смотришь? – обиженно встрепенулся Вожников. – Нашел самого болтливого, ага.

– Не только про тебя говорю, – ничуть не смущаясь, Чугреев кивнул на Федьку. – Про него тоже. Начнут расспрашивать – кто да зачем? – вот так, как придумали – и говорите. А вообще лучше с корчемными ярыжками языки не чесать.

Егор неожиданно рассмеялся:

– Далась тебе наши языки, конспиратор хренов. Ну, что, идем, наконец?

– Вот теперь – идем.

Егор все же радовался – ну, ведь пришли, наконец, пришли. Хоть куда-то вышли. Почитай, целый месяц по лесам шатались, и это зимой-то! Ну да, да, зимой, март – по здешнему месяц еще студень, снежный, а вот наступивший апрель – снегогон, так в древности и прозывался. Солнце уже пригревало совсем по-весеннему, прилетели, гнездились на вербах грачи, все больше появлялось проталин, с холмов потекли ручейки, зазеленела на полянках первая травка, поднялась по склонам оврагов молодая крапива, мохнатым золотом зацвели цветки мать-и-мачехи – первые признаки близившегося тепла. И лед на реке стал ненадежным – трещал, исходил у берегов бурым припоем, хотя ясно было – недели две постоит еще, может, и три – а уж потом...

Потом – ледоход, с бурным, высвободившимся из оков течением, со страшным треском сталкивающихся льдин, с мелким ледовым месивом – шугой, и – еще через неделю – чистая, бурная вода... для плавания еще мало пригодная: слишком уж велика скорость, опасно. Егор когда-то на байдарках сплавлялся, и что такое весенний паводок, знал.

Егор на ходу улыбался – все его почему-то радовало сейчас, и блекло-синее небо, и улыбающееся за легкими облачками солнышко, и золотившаяся лыжня... впрочем – какая лыжня? Санный путь! Да-да, самый настоящий. Вот он – город.

– Лыжи, это, снимайте, – останавливаясь, оглянулся идущий впереди Антип. – Во-он тот двор, крайний.

Погруженный в свои мысли Егор и не заметил, как пришли. А, посмотрев вперед, увидел то, что ожидал: бревенчатые, крытые дранкой и соломой избы, серые угрюмые заборы, невысокий частокол с наглухо запертыми воротами и – отовсюду – громкий собачий лай.

Молодой человек усмехнулся:

– А не очень-то жалуют здесь чужих.

– Чужих нигде не жалуют, – обернулся Чугреев... коего тут же подозвали Борисычи.

О чем-то пошептались...

Антип хмуро кивнул и, подойдя к Егору, тихо сказал:

– Федька у нас – лишний. Борисычи сказали...

– Понимаю – «скрипач не нужен»! – произнес Вожников фразу из старого фильма. – Не нужен так не нужен – пусть себе идет парень по своим делам.

– Не-е, – оглянувшись на подростка, Чугреев нехорошо прищурился и понизил голос: – Ты не понял, Егор. Отпускать его никак нельзя – вдруг да про нас ляпнет? Сейчас мы его вдвоем... во-он в том овражке. Да быстро управимся, снежком потом присыплем и...

Егор дернулся, вдруг осознав, что напарник его говорит совершенно серьезно, без всякого намека на шутку – пусть даже плоскую и грубую. Действительно – предлагает парня убить. Вот так, просто... Ну, беспредел! И, главное – на людях... ну, почти на людях. Впрочем, Вожников и в самом глухом лесу на такое дело ни за что бы не подписался, что он, киллер, что ли? Да и киллеры-то за большие бабки душегубничают, а тут... просто так человека валить? Пусть и пятнадцатый век, а как-то не очень.

А Чугреев уже подзывал Федьку – кричал что-то, по-доброму щурясь от бьющего в глаза солнышка, вот еще немного и... Упыри-Борисычи стояли поодаль, посматривали на избенки, что-то вполголоса обсуждая.

– Пойдем-ка к овражку, Феденька. Поможешь лыжи прикопать.

– Ага. Сейчас!

Больше не думая, Егор ухватил Чугреева за рукав:

– А ну-ка, стой! Может, по-другому решим с парнем? Чего он кому расскажет-то? Сирота. Беспризорник.

– Дак и я Борисычам говорил, – неожиданно согласился Антип. – Чего зря убивать? Я б парня в ватажку взял... мы б с тобой взяли, а?

Вожников нервно расхохотался:

– Да взяли бы, чего там!

– Во! – не на шутку обрадованный собеседник от души хлопнул Егора по плечу. – Так и знал, что согласишься! Ну и правильно – чего тут тебе одному? Сгинуть токмо. А Федька – ты прав – отороче ловкий, пригодился бы. Тем более – каждый человек на счету, негоже разбрасываться!

– Так чем тогда...

– А Борисычи?

– Сейчас я с этими упырями поговорю! Уж как сумею...

Молодой человек ухмыльнулся, в деталях представив, как обмякнет, уйдет в нокаут от прямого в челюсть грузный Иван Борисович и – тут же, через секунду-другую – его «молодший» братец. А чего боксеру-то? Главное – на расстояние вытянутой руки подойти.

– Иван Борисыч, Данило...

Братья разом оглянулись:

– Что у вас там? Не заладилось?

– Да так...

Еще десяток шагов – много. Борисычи – те еще волки, почувствуют что не так – сорвут луки... А стреляют они – Егор давно убедился – метко.

– Решили вот Федьку не трогать...

Пять шагов... три... Изумленные глаза «упырей»...

– Решили к себе в бан... в ватажку взять. Пригодится!

А вот теперь – пора! А ну-ка...

– В ватажку? – братья переглянулись. – А чего ж Антипка нам про то не сказал? Побоялся перечить, что ли?

– Верно, так.

Иван Борисович неожиданно хохотнул:

– Ну и дурень! Ватажка – дело хорошее, тем более – пока еще лед на реках сойдет да пути-дорожки просохнут. Месяц пройдет – точно.

– Не, брате – лучше не рисковать! – возразил Данило. – Сам же сказал – пастись надобно.

– Пастись – то так. Одначе с ватажкой Антип неплохо придумал. Ежели вдруг да московиты...

– Да где он людей-то для ватаги сыщет!

– А это уж его дело, – Иван Борисович дернул бородой и упрямо набычился. – Так скажу: ватаге вашей – быть! Ежели что – подмогнете, а уж за нами не станет. Токмо вот еще что: содержать вас не будем – нет серебришка столько, так что кормитесь уж сами... И жить потом будем – по отдельности.

– Да как же так, брате? – все не унимался Данило.

А не стукнуть ли ему в печень?

– Они ж, с ватажкой-то, вдруг да похощут выдати нас?!

– Если дурни – так и могло б быть, – невозмутимо улыбнулся старший. – Одначе Антип – не дурак, да и Егор – тоже. Понимать должны – ежели уж совсем их обложат, так куда податься?

– И куда?

– Так к нам же, Данило! В княжество... в наше княжество, так!

– Сперва на него ярлык получить надобно! А вдруг да...

– Получим! И Васильку Московскому нос утрем. А не утрем – так сами, как думали, подладимся в Хлынов, к ватагам... и этих с собою возьмем, призовем... – сплюнув, Иван Борисович резко повернулся к Чугрееву: – Антип! Эй, Антипе. Ты отрока-то брось... пусти... Да идите вмести к нам – в корчму подадимся.

Во, вышла беседа! Егор покривился, разминая пальцы. Разборки-непонятки одни. Княжество, ярлык...

И все равно – от них, от того же Антипа отставать не надо. Сгинешь уж точно. Потому как средние века – один пропадешь.

Пройдя вдоль частокола по узенькой, вытопанной в просевшем снегу тропке с желто-оранжевыми потеками мочи – видать, страждущие опраивались тут же, особо не заморачиваясь, путники остановились возле массивных ворот из тесаных, почерневших от времени досок. Антип, недолго думая, изо всех сил забил, забарабанил по воротам кулаками, а потом, повернувшись – и ногами тоже. Со двора донесся истошный собачий лай, а чуть погода послышался чей-то хриловатый голос, вовсе не показавшийся Егору приветливым:

– Кого там несет?

– Гости торговые! – прокричал Чугреев. – Со слугами, без обозу!

– Много вас?

– Да пятеро.

За воротами завозились, заскрипел засов.

– Две денги за ночь, – снова раздался голос.

Антип тут же возмутился:

– Ого! А не дороговато будет?

– Так ведь не с каждого – со всех.

– Ну, со всех – еще куда ни шло.

Левая створка ворот наконец-то отворилась, и взору беглецов предстал... самый настоящий татарский баскак – толстый, кривоногий, низенький, с круглой, бритой наголо головой, кучей черной бородкой и такими же черными реденькими, уныло свисавшими по бокам рта усами.

– Ну, здоров, Ахмет, – пройдя во двор, ослабился Чугреев. – Не узнаешь, что ли?

– Узнал, узнал, – татарин прищурил свои и без того узкие глаза, так, что Егор даже засомневался – а видит ли он сейчас вообще хоть что-нибудь.

Впрочем, нет – видел:

– Здрав будь и ты, Антип, и вы, торговые гости.

– Ну, вот, – Антип обернулся с самой светской улыбкой. – Прошу любить и жаловать – Олександр, хозяин постоянного двора, крещеный татарин.

– Ты ж сказал – Ахмет!

– Так и я и говорю – крещеный. Олександр – то он в крещении, но все зовут – Ахмет Татарин.

Иван Борисович с ухмылкой взглянул на кабатчика:

– А нам-то как тебя называть, человеце? Ахмет или Олександр?

– А хоть горшком назовите, токмо в печь не сажайте!

Прикрикнув на живо утихомирившегося цепного пса, Ахмет-Олександр гостеприимно пригласил гостей в корчму – приземистую, вытянутую в длину, избу, рубленную – «по круглякам» – в обло, с многочисленными галерейками и пристройками, окромя которых во дворе еще имелось с полдюжину бревенчатых и дощатых строений. В дальнем Возников с ходу опознал баньку, а в ближнем, судя по воротам – ригу или овин. Поднявшись по невысокому крылечку, гости вошли в корчму.

Егор вовремя пригнулся, едва не ударившись лбом о низкую притолоку, и, выпрямившись, разглядывал обстановку, уже, надо сказать, привычную – слюдяные окна, закопченная икона с теплившейся тусклым зеленоватым светом лампадкой, длинный, сколоченный из толстых досок стол, лавки, поставцы-подсвечники.

– Вы от поспидайте сперва, а язм распоряджуся с банькой. Помоетесь?

– Охотно!

Радостно потеряв руки, Иван Борисович уселся за стол и, дождавшись, пока рядом расположился братец, милостиво кивнул остальным:

– Инда присаживайтесь по-простому, рядком. Ты, Егорий – ближе к нам, а ты, Антипко, в уголок, во-он на ту лавку.

– А Федя? – возмутился Егор.

Все трое посмотрели на него с большим удивлением:

– Федька на кухне поест, как слуге и положено.

Ах, ну да, ну да... Слуга... Ох, надоели. Свалить что ли от всех вас в город? А что... погулять, размяться – чего тут, в клоповнике этом вонючем, сидеть?

– Гости-то – вы? – взглянув на Борисовичей, с поклоном осведомился Ахмет Татарин. – А Антип и...

– То Егорий. Воины, стража наша.

– Ага, понятно, – хозяин «отеля» что-то быстро прикинул в уме. – Народу у меня много – все пути летнего ждут, с распутицы позастряли. Инда место найду, вам, гости торговые – в овине. Не побрезгуете?

– В овине так в овине, и хуже иногда приходилось.

– Ну, вот и славненько. Я слугу пошлю – он там печку протопит, тепло будет. А сторожа ваша на ригу пусть идет, там тоже печка. Можно и слугу туда же... ежели стража ваша не против.

– Да не против, – ухмыльнулся Егор. – Пусть с нами ночует, что ж.

– Договорились!

Громко хлопнув в ладоши, хозяин «отеля» подозвал обслуживающий персонал, столь же колоритный, как и он сам: двух парней лет двадцати в посконных рубахах и постолах.

– Митька, Середко, живо гостям еду! Да девкам скажите – пушай дров наколют да воды натаскают в баню. Ну, вот, – Ахмет широко улыбнулся гостям. – К вечеру и банька, а до того, опосля, как пообедаете – отдохнете.

Поели примерно так же, как и у своеземца Голубеева Игната, на этот раз, правда, за все заплатив – Борисовичи расщедрились, так что ж! Те же каши, кисели, из разной рыбы ушица – налимья, стерляжья и совсем дешевая – окуневая. Еще и дичь, и пироги – с кашей, с капустой, с вязигой. Пока ели, пришли в трапезную и другие постояльцы в разноцветных, с крученым узорочьем да пуговицами кафтанах, подпоясанных разноцветными кушаками, при бородах, пусть даже самых куцых.

Во время обеда Егор не притронулся к медовухе, крепче кваса ничего не испил, а затем отправился в город. Так, посмотреть... Интересно все же, не каждый же раз вот так... в пятнадцатом веке!

Уже было, наверное, часа четыре пополудни, или даже пять, когда Вожников, выйдя за ворота корчмы – кстати, почему-то широко раскрытые – зашагал вдоль заборов к видневшейся неподалеку деревянной церкви, на маковке которой золотился крупный, похоже, что тоже деревянный, крест, сильно напоминавший могильный.

За заборами лаяли псы. Повернув за угол, тропинка протиснулась меж высоких глухих оград, юркнула в темный, сильно пахнувший навозом проулок и, наконец, словно ручей в реку, влилась в достаточно широкую – метра два – улицу, практически безлюдную, если не считать пары беспризорников в каких-то лохматых, немислимого вида полушубках и лаптях.

– Эй, парни! Мне как в центр выйти?

Заслышав Егора, беспризорники сгнули вмиг, как и не было, скорее всего – скрылись в узкой, между глухими бревенчатыми стенами, щели, куда, подумав, решительно направился и Вожников, завидев сверкающий впереди, над избами, крест. Едва протиснувшись, молодой человек оказался на небольшой, довольно-таки людной площади, как раз перед церковью. Овальная в плане, площадь эта тянулась куда-то влево, за церковь и дальше, все к тем же деревянным оградкам с массивными даже с виду воротами, за которыми опять же блажили-лаяли псы.

Тьфу! Молодой человек раздраженно сплюнул под ноги – опять эти заборы! Покосившиеся избенки, оборванцы всюду, а вот, нещадно колотя плетками не успевший вовремя убраться с дороги народец, промчались верхом на конях дюжие молодцы в прошитых ватных кафтанах-доспехах – тегилях. Этаким панцирь с высоким воротником и короткими рукавами. Пожалуй, в холод-то в нем куда удобнее, нежели в кольчуге или, скажем, байдане – той же кольчуге, только из плоских раскованных колец. У каждого молодца на боку болталась сабля или уж, на худой конец, шестопер, а у одного вместо шапки – мисюрка: высокий, с кольчугой-бармицей, шлем.

– А ну, разойдись, тли! Пошевеливайся! Батюшка-боярин едет!

Ну, как же, как же – боярин! Кому же еще-то? Проехал важно на белом коне, в длинном кафтане из синего аксамита с шелковым поясом, на ногах – зеленого сафьяна сапоги, на голове – мохнатая соболья шапка. Красавец, как есть красавец!

Задумавшись, Егор огляделся по сторонам... и едва не получил по лицу плетью.

– Пр-р-рочь с дороги!

Хорошо хоть успел увернуться, все ж бывший боксер, реакция не потеряна. Не, но что такое делается-то?! Вот отморозки! Стянуть с коня, да отovarить – хуком или – как раз удобнее будет – апперкотом, снизу.

– Ты че, утырок, творишь?

Зря кричал Вожников, поздно – всадники уже успели уехать, а народец, в том числе и те, кому только что не по-детски досталось плеткой, как ни в чем не бывало продолжал заниматься своими делами: кто-то что-то покупал, кто-то продавал, рекламируя свой нехитрый товар настолько истошными воплями, что у Егора с непривычки заложило уши.

– А вот – веники, веники, дубовые, березовые, можжевеловые!

– Рыба! Рыбка-белорыбица, с утра словлена – налетай!

– Сби-и-ите-нь, сби-и-итень! Сладок, заборист, горяч!

– Пирог, пироги, только что из печи – прямо в рот мечи! За мортку всего, есть и за полпула!

Мортка, пуло... Вожников усмехнулся: надо же, это все медные монетки века четырнадцатого, да, пожалуй, что так... никто их и в глаза не видел, не дошли. Еще была одна, называлась интересно – «полпирога».

Кто-то дернул за рукав:

– Господине, купи веничек! Можжевеловый, отдам за полпирога. В баньку пойдешь, меня добрым вспомянешь.

Ишь ты – «вспомянешь». Егор невольно отстранился – ну и тип: мосластый, плечистый, бородища пегая в разные стороны, нос – крючком. Такому не вениками торговать, а с кистенем стоять в темном проулке. Да-да, вот именно – с кистенем!

– Рыбка, рыбка-белорыбица, прям из реки... Мефодий! Соседушка! Купи рыбку.

– Нет у тя стыда, Миколай. Снулая твоя рыбешка-то!

– У кого снулая? У меня?! Да сам ты снулый, старый пень.

– Я старый пень? Н-на!!!

Размахнувшись, какой-то седенький, как раз проходивший мимо Егора дед в армяке и треухе, ничтоже сумняшеся заехал торговцу рыбой в ухо! Да так удачно попал – хоть удар, конечно, не боксерский, – что незадачливый рыбак так и сел задом в снег, в потемневший и подтаявший уже сугробец. Сел, но тут же вскочил и тут же отоварил шустрого деда. Треух полетел в одну сторону, дедок – в другую... Вожников хотел уж вмешаться, да не успел – кто-то заголосил рядом:

– Манефу! Манефу-колдунью везут, счас казнить будут!

– Манефу везут! – заволновались кругом, закричали радостно. – Колдунью топить будут!

– А, может, голову отрубят? Или – на кол?

– Скажешь тоже, Мефодий – на кол. Так и колов не напасешься, не-ет! Я ж говорю – в прорубь.

– Не, Миколай, все ж я мыслю – на кол.

Только что разобравшиеся соседи – рыбак и седенький дед – помирились прямо на глазах, словно ничего такого меж ними и не было. Да и правда, что было-то? Подумаешь, один кулаком по уху приложился, другой в скулу. Как говаривал голосом Василия Ливанова мультяшный Карлсон – «пустяки, дело житейское». А чего ж!

Все вокруг вдруг пришли в движение, возбужденно заголосили, побросали все свои дела, быстро сбиваясь в кучи, на глазах перераставшие в довольно-таки многолюдную толпу, в которой опять же упоминали о какой-то «колдунье Манефе».

– Прошло летось она посева все потравила, Манефа-то! Говорят, мстила кому-то.

– А помните, православные, почитай всю осень дожидило? Тоже ее, колдуньи, работа!

Сама призналась.

– Теперь казнят.

– Поделом ей!

– Вон, вон, люди – везут!

В полном соответствии с законами, выведенными когда-то знаменитым философом и социологом Гюставом Лебоном, собравшаяся в мгновение ока толпа охватила, сжала Егора со всех сторон, превращая в кирпичик, в клеточку ее большого и подвижного, разлапистого, как у громадной амебы, тела, захватывая и подчиняя себе сознание.

– Ма-не-фа! Ма-не-фа! – речитативом врезалось в мозг.

– Каз-нить! Каз-нить! Каз-нить!

– Выдать головою колдунью!

Захватив Вожникова, словно магнит хватает железный обломок, толпа повлекла, потащила Егора за собой, делая своей частью неудержимо и властно, так что пытавшийся выбраться хоть куда-нибудь молодой человек с ужасом понял, что сделать это уже невозможно никак, поздно уже, и просто не в человеческих силах!

– Ма-не-фа! Ма-не-фа!

– Казнить волхвицу, казнить!

– В прорубь ее!

Лишь бы ребра не сломали, лихорадочно думал Егор. Вот ведь попал-то! Угодил, как кур во щи... или – в ощип – как правильно? Наверное, и так, и этак можно.

– Везут! – закричали откуда-то сверху. – Везут! На санях, в клетке. Сейчас на крутояре казнить будут.

Толпа уже выхлестнула из города, едва не прихватив с собою половину городских стен, и без того изрядно прореженных и разбитых, в общем – откровенно убогих, вынесла молодого человека на крутой берег, с которого, как в амфитеатре, открывался чудесный вид как вдаль, так и рядом – метрах в пятнадцати-двадцати от глаз Егора, внизу, на льду реки, расположились сани и всадники, последние – числом около двух десятков. Тоже не особенно разодетые, лишь на одном – красный, с желтыми веревочками-канителью кафтан, да у некоторых – разноцветные флажки на копьях.

– Народ Белезерскыя! – привстав в седле, неожиданно громко возопил тот, что в красном кафтане. Как и все в здешней массовке – при бороде, в круглой меховой шапке. – Иматая волхвица, Манефа именем, ворожбу свою и художество признала!

– Признала! – эхом откликнулась-повторила толпа.

– И княжым судом, людьми именитыми, боярами и детьми боярскими, приговорена к битью кнутом и справедливой казни!

– Так ей и надо, колдунье!

– Будет знать, как град на посеы нагонять!

– Смерть волхвице, смерть!

Краснокафтаный махнул рукой какому-то дюжему мужику в сермяжной, с закатанными рукавами рубахе – как видно, палачу. Тот, в свою очередь, призвал помощников – парней в таких же сермягах...

«А могли б и красные рубахи надеть, – как-то отстраненно подумал Егор. – Солидней бы все смотрелось, красочней».

А колдунья-то красива, ничего не скажешь! Достаточно молодая, даже юная, сидит себе преспокойно в санях в деревянной клетке. Кого ж напоминает-то? Какую-то известную молодую актрису... Ведь знакомое, знакомое же лицо... Татьяна Арнтгольц? Гусева? Бли-ин, не вспомнить...

Кто-то опять выкрикнул:

– Смерть волхвице! Смерть!

– Смерть! – радостно подхватили рядом.

– Погодьте, сначала ее кнутом побьют, а уж опосля – в прорубь.

– И правильно – пуцай помучается.

Помощники палача молча вывели «волхвицу» из клетки, тут же к этой же самой клетке и привязали, умело спустив со спины платье... Ух, как смачно ударил кнутом палач! С оттяжкой, с посвистом, оставив на белой девичьей спине длинную кровавую полосу. Несчастная колдунья дернулась, застонала... А палач ударил еще, и еще, и еще. Упали на лед кровавые брызги, волхвица задержалась, заплакала, завывала...

Бирюч махнул рукой:

– Хватит! Еще сдохнет раньше времени. Похлестал малость – пора уж и в прорубь.

Кивнув, палач бережно отдал окровавленный кнут помощнику, другой в это время отвязывал руки колдуньи от клетки, да замялся, видать, узлы-то затянули намертво, так, что и не развязать.

Выхватив из-за пояса нож, палач оттолкнул незадачливого своего помощника, разрезал путы и, схватив волхвицу за волосы, поволол к черневшей рядом с санями проруби, куда и сбросил – столкнул ногами.

Избитая колдунья исчезла было под водой... но вскоре вынырнула, забила об лед руками.

– Не принимает ее водица-матушка! – громко объявил бирюч. – Что делать, православные, будем? Топить далее, або главу рубить?

– Главу! Главу!

– Воля ваша...

Глашатай что-то приказал палачу, вмиг взявшего в руку устрашающего вида саблю. Сверкнул на солнце клинок...

Ввухх!!!

Брызнула фонтаном кровь, и отрубленная голова волхвицы кочаном покатила по льду под крики забившейся в восторге толпы!

Господи... Егора вдруг пронзил запоздалый ужас – куда ж он пришел-то! Погулял, блин.

С громким хохотом палач поднял за волосы окровавленную голову волхвицы, показал – о, как взревела толпа! – всем и... кинул, швырнул в самую гущу. Этакый пляжный волейбол!

– Не берите! Не берите голову, православные! – предупредил кто-то, стоявший позади Вожникова. – Этак они других колдунов ищут. Дотронешься, и твоя голова с плеч!

Глава 6

Волшбица

Возбужденная казнью колдуньи толпа долго не расходилась. Как услышал краем уха Егор, ожидали еще какого-то преступника-лиходея, да не дождались, экзекуцию перенесли на пятницу, и люди недовольно бурчали – это как же? Ведь только все так хорошо началось – молодой волхвице башку отрубили, позабавили народ, и что, все кончилось? Что-то как-то быстро. Маловато будет!

– Пошли-ка, Мефодий, прочь. Видать, ничо тут боле не дождемси!

– Пошли-и-и.

– А кат-то наш, Еремка – хваткой! Ишь как головушку срубил – Манефка и пикнуть не успела!

– А в проруби-то не утопла, ага!

– Так это он неправильно топил! Неумело.

– Ага, неумело. Скажешь тоже! А Манефа потому и не утопла, что она ведьма – это уж каждому ясно.

Говоривший – кудлатый мужик в волчьем, мехом наружу, полушубке размашисто перекрестился на церковную маковку:

– Ох ти, Господи еси!

Тут толпу прорезал крик:

– Православныя-а-а! Грабють!

– Кого грабють-то? Где?

– Да рыбный ряд перевернули, рыбу всю унесли.

– Ой, невелика потеря. То, верно, отроци.

– Може, и так. Все равно – имать их надоть, да отдать кату!

Все эти голоса, крики, волнения пролетали сейчас мимо Егора, он не воспринимал их вообще никак, погрузившись в нахлынувшие вдруг мысли. Вот – прошлое, оно ведь ворвалось к нему не внезапно, а как бы постепенно, складываясь в мозгу в этакую мозаику – беглецы, оружие, усадьба... вот город теперь. И – мертвая голова! Только что – на его глазах! – казненная женщина... волхвица. Надрывный гул толпы. Ну и развлечения у них. Сволочи! Впрочем, в каждой эпохи – свое: у кого-то футбол да дурацкие ток-шоу, а у кого-то вот – казни. Кстати, ежели в современной России вот этак, на главных площадях городов и весей, казнить – так рейтинг до небес зашкалит.

Господи! Вожников перекрестился на церковь. О чем он думает-то? Что за мысли лезут? Да, как же так, как же?

Он шел сейчас, не разбирая пути, шагал, куда глядели глаза, куда несли ноги. Мысли путались, голова гудела, и шея вдруг заболела так, будто это не колдунье, а ему, Егору Вожникову, голову отрубили. Наверное, это все же был запоздалый шок, подстегнутый кровавой казнью.

Какие-то пацаны – «отроци» – с хохотом пронеслись мимо. Выглянув из-за угла, визгливо тявкнула дворняга, наверное, бродячая. С деревянной колокольни неожиданно грянул звон: бумм-бо-оммм... гулкий, как басовая струна.

– Дядько, дай пуло! – набежавшие стайкой отроки окружили низенького недотепистого бородача в лаптях и подпоясанном веревочкой армячке, по всему – крестьянина. Издевались, сволочуги малолетние, задирали:

– Долго лапти плел, дядько?

– Дай полпирога, борода многогрешная!

– Ах вы, поганцы-нехристи!

Выругавшись, крестьянин проворно распустил веревку-пояс, перехватил поудобнее да принялся хлестать огольцов. Одного-второго ожег, приласкал – остальные стали поосторожнее, правда, смеяться не перестали.

Вожников особо-то на них внимания не обращал, шел себе и шел, черт-те куда... пока один из отроков, незаметно подобравшись сзади, не сорвал с него шапку.

– Ах ты ж, гаденыш! – пришел в себя Егор. – А ну, стой!

Ага, будет он стоять, как же! Уже и след простыл... Нет! Не простыл, вон он, малолетний ворюга, завернул, гад, за забор, за угол.

Не думая, молодой человек бросился за подростком – не очень-то быстро тот и бежал, видать, не ждал быстрой погони. Вот он, забор, узкий проулок, а впереди... Нет, не воренок – здоровенный детина с вениками. Пегая борода растрепана, мосластый, плечи – косая сажень. Взгляд недобрый, морда нахальная да еще и нос – крючком! Ухмыльнулся, сплюнул:

– Купи, господине, веник.

Сказал – и ослабился. В левой руке веник держит, правой – поигрывает кистенем. Разбойник! На гоп-стоп решил развести, морда кривоногая. Ладно, поглядим...

Вожников быстро собрался, окончательно обретая реальность, и мысли уже пришли в голову совершенно иные – быстрые, «на сейчас». Тот укравший шапку пацан наверняка заманивал, да и этот оглоед с веником явно не один – слишком самоуверенно держится. Наверняка позади кто-то есть, страхует.

Егор бросил настороженный взгляд назад – ну да, так и есть, вон он, маячит – молодой, мордастый. Ла-адно...

Пряча недобрую ухмылку, Вожников картинно расставил в сторону руки:

– Берите все, жизнь только не трогайте.

– Верно мыслишь! – довольно кивнул кривоногий. – Давай полушубок снимай. Добрый полушубок, медвежий, мне как раз впору придется.

Пожав плечами, Егор проворно скинул полушубок, подошел ближе, протянул, и:

– Носи, мил, человек, на здоровье!

...и – прямым в переносицу!

Хороший такой джеб! Бухх!!!

Оглоед обмяк тут же – вот буквально только что высилась гора мышц, и вдруг – сразу! – вышел мешок с дерьмом. Не дернулся, не покатился кубарем в черный сугроб, просто выключился и тяжело осел наземь.

Туда и дорожка! Но оставался еще и второй. Ага, вот он – с ножичком. Егор быстро подхватил упавший к забору кистень, завертел, идя на мордастого, и, приблизившись до трех шагов, швырнул... все равно куда. Лиходей на секунду отвлекся, отмахнулся, пригнулся...

И получил апперкот в челюсть! Славный удар, славный – чистый, действенный – Егору самому понравился, да и тренер бы похвалил, жаль, не видел.

Стукнувшись затылком об забор, толстомордый медленно сполз вниз по доскам.

– Ловко ты их, господине Егорий!

Вожников поднял голову, увидев в конце проулка тощую фигуру Федьки. Удивился:

– Ты как здесь?

– Тоже в город подался, – меланхолично пожал плечами отрок. – Хотел было с тобой, господине, да постеснялся спроситься.

– Ишь ты...

– Господине, пасись!!!

Выкрикнув, Федька бросился на Егора, толкнул в грудь... оба упали, просвистел над головами с силой пушенный нож, воткнулся в забор, задрожал зло.

– Смотри-ка, в себя пришел! – вскочив на ноги, Егор с неприязнью глянул на крючконового детину.

Тот уже встал, кривился, но, увидав, как Вожников поднимает упавший в черный подзаборный снег кистень, счел за лучшее спешно ретироваться. Сбежал, гад, бросился прочь со всех ног, и это после нокаута!

– Однако силен, братец, силен, – с каким-то уважением вымолвил молодой человек, и, посмотрев назад, столь же удивленно поинтересовался: – А где, кстати, второй-то?

– Да уполз давно, – подсказал Федька. – Если хошь, так мы его быстро догоним.

– Черт с ним, – Егор махнул рукой и подмигнул отроку. – Спасибо, Федор, вижу, ты парень глазастый.

Парнишка смущенно моргнул:

– Так не будем за лиходеем гнаться?

– Не будем. На что он нам? Мы, Федя, лучше сейчас в церковь пойдем. Самое время.

В тот самый храм и зашли, что располагался поблизости – деревянный, с сияющим золотистым крестом. Внутри было благостно, кругом горели свечи, строго смотрел с большой иконы Иисус, с неизбывной добротой взирала на молящихся Богоматерь. Иконы помельче изображали особо чтимых святых – Георгия Победоносца, Николая Угодника, еще кого-то, кого именно – Егор не знал, а спросить у Федьки стеснялся.

А потому стоял, да, периодически крестясь, молился, уж как умел:

– Господи, дай мне силы все воспринять, выстоять и, самое главное, дай надежду вернуться. Туда, к прежней своей жизни, ибо быть здесь я вовсе не должен... Ведь не должен же, правда?

Строго смотрел Иисус. Поигрывал копьём Георгий Победоносец. Николай Угодник вскинул руку в благословении...

– Господи и вы, все святые – помогите же... помогите... хотя бы для начала – все здесь понять и принять.

Оба, Егор и Федька, пробыли в церкви где-то с полчаса или чуть больше. Отрок молился истово, бухался на колени, плакал, что-то просил...

– Еще бы свечки поставить, – тихо промолвил Вожников. – Да жаль, денег нет.

– Денег-то, господине Егорий, на них и не нужно. Пула или полпирога хватит, вона, – Федька подкинул невесть откуда взявшуюся на ладони монетку из позеленевшей меди. – Сейчас у дьячка куплю.

Поставив свечки, кому – за упокой, кому – за здоровье, помолились еще немного, вышли и, повернувшись на паперти, перекрестились, отвесив глубокий поклон.

– Ну, что – теперь в корчму, господине? Или у тебя какие другие дела есть?

Егор грустно улыбнулся:

– Нету никаких таких дел, Федя. Пошли куда в корчму, а там... там видно будет.

Солнце клонилось уже к закату, цепляясь на холмах за черные вершины сосен. Тянулись по городу длинные темные тени, сгущались, фиолетились сумерки, лишь крест на маковке храма все так же сиял, озаренный оранжевыми лучами заката.

– Ворота закрывают в детинце, – услышав донесшийся откуда-то мерзкий достаточно громкий скрип, прокомментировал Федька. – В корчме вечером поснедаем?

– Думаю, что да, – Вожников рассеянно повел плечом. – Неужто Борисычи пожадничают?

– А Борисычи – они завсегда с нами будут? – отрок тут же задумался и уточнил: – То есть мы с ними.

– Не знаю, – честно признался Егор. – Думаю, нет, уйдут, куда им надо. Да мы уж как-нибудь и без них проживем, верно?

– Верно! Ватажку с Антипом соберем – чего не жить-то? Главное, чтоб людей поболее.

Федька радостно засмеялся, в светлых глазах его заиграли багряные остатки солнца.

Ишь ты, ватага! Вожников снова задумался, не обращая внимания на промокшие ноги – лужи кругом, все-таки – весна! Что и говорить – апрель, звенит капель. Даже здесь, на севере, скоро реки вскроются, пройдет ледоход, спадет водица, пути-дорожки высохнут, вот тогда и...

А тогда – куда? Ему-то, Егору, все равно абсолютно, что здесь, в Белоозере, что в каком-нибудь другом месте. Раньше хоть было занятие – шли. А теперь что? Что делать и чего желать?

На постоялом дворе к вечеру оказалось людно до такой степени, что буквально не толкнуться. В корчме за столами свободных мест не было, все скамейки да лавки забиты полностью – кто-то уплетал за обе щеки щи, кто-то лакомился пирогами, большинство же тупо хлебало медовуху, время от времени закусывая квашеной, уже почерневшей капустой.

Бритоголовый кабатчик Ахмет Татарин, завидев новых своих постояльцев, кивнул:

– Господа гости у себя в овине ужинают, и язм вам в ригу пирогов и квас пришлю, лады? Хотя можете и тут присесть, пождите только, пока кто-нибудь не упьется.

– Не, уважаемый, ждать мы не будем, – с ходу отказался Егор. – К себе в ригу пойдем, Антип-то, товарищ наш, там, верно?

– На посад ушел, еще не возвращался. Вы его там не встречали?

– Нет.

Отрицательно мотнув головой, Вожников вышел во двор и, обходя купеческие возы, направился к риге – дощатому сараю для обмолота и сушки снопов. Борисычи обретались чуть подальше – в овине, представлявшем собой приземистый сруб с печью – опять же, все для той же сушки.

– И овин у Ахмета, и рига, – на ходу покачал головой Егор. – А не все одно? Лучше б два овина выстроил, так?

– Не, Егорий, не так, – входя вслед за Вожниковым в ригу, охотно поддержал беседу Федька. – Тут – как какое лето. Когда в овине лучше хлеба сушить, а когда и в риге – в риге-то попрохладнее, да и ветер. Это на зиму, вона, хозяин щели заткнул, да печь истоплена... и все равно – не так уж и жарко.

Жарко точно не было, но и не так, чтобы холодно, вполне хорошо, нормально – лишь бы ночью не прихватил морозец. Впрочем, туристы-спортсмены – люди привычные.

– Правду татарин рек – нету еще Антипа-то, – присев на длинный дощатый ларь, застланный волчьей шкурой, Федька устало вытянул ноги и скинул армяк. – А тут хорошо, спокойно. Вон и свечечка сальная – поди, хозяин велел принести. Я зажгу, а то темно тут.

– Давай, – махнул рукой Вожников, присаживаясь на точно такой же ларь. – Углей вон, в печи посмотри... Ох, тут и запах – не угореть бы!

– Не угорим, щелей много.

Затеплилась, закоптила сальная вонючая свечечка, восковую-то пожалел кабатчик. Снаружи послышались чьи-то быстрые шаги, тут же распахнулись двустворчатые двери-ворота.

– Хозяин-от пирогов прислал да кваску, – проворный корчемный служка поставил на низенький, как видно, недавно принесенный в ригу стол глиняный кувшин да большое деревянное блюдо с пирогами, поклонился. – Угощайтесь.

– Ух, и поедим же! – едва служка ушел, Федька закрыл ворота и радостно потер руки. – Можно пирожок взять, Егорий? Аль Антипа пождем?

– Да что ждать-то? Кушай! А Антипу мы пирогов оставим.

Отрок довольно заработал челюстями:

– Вкусны пироги-то! С вязигой.

Вожников лениво хлебнул кваску, что-то вовсе не чувствуя аппетита. Еще бы – такое-то моральное потрясение! Пятнадцатый век... всерьез, похоже! И еще эта казенная колдунья... колдунья... Так, может быть? Может быть – вот хоть этак попробовать? Найти здесь волхвицу,

обратиться с той же просьбой, что и к бабке Левонтихе – мол, продай водицу-снадобье, чтоб нехорошее чувствовать. А потом – вот так же, в прорубь. Вдруг да повезет? Ведь почему бы и нет-то, отчего ж не попробовать? Попытка не пытка. Осталось только колдунью найти, а с этим, как отчетливо представлял теперь Егор, могли быть большие проблемы. Не жаловали тут волхвиц-то! Кнутами хлестали, топили в проруби, головы рубили, потому и колдуньи наверняка на виду-то быть опасались, прятались, а, если кому ведовством помогали, так только своим, кому доверяли... ну, либо по их – своих – наводке.

Егор неожиданно улыбнулся: пришедшая мысль показалась ему весьма здравой и вполне пригодной к реализации, пусть даже и не сразу. Ну, сколько времени придется искать ведьму? Не день, не два, неделя – это как минимум, а то и две-три... месяц. Тут еще и самому б не спалиться, не то мигом донесут местному князю, а тот пошлет людей – «имать». Всяко может быть, как бы самому головы не лишиться за подобные поиски. Тут надо не торопясь, осторожно...

Кто-то вновь распахнул двери – Антип. Гроыхнул сапогами; завидев пироги да кувшин – ухмыльнулся:

– Вот хорошо – пирогов-то.

– Присаживайся, Антип, к столу, кваску хлебни.

– И хлебну, – пригладив бороду, кивнул Чугреев. – Запыхался что-то. Правда, верных людей еще не нашел, но – на них вышел. Не сегодня-завтра – сыщу. Эх, будет у нас скоро ватага! Ничо, парни, прокормимся, серебришка себе добудем и славы – уж это – кому что.

– Дядько Антип, – осторожно начал Федька. – А и то, и другое – можно? Ну, и серебришка, и славы.

Антип гулко захохотал:

– Слава-то тебе зачем, отроче? Подрасти сперва, а сейчас смекай – слава-то, она не одному, она всей ватажке нужна, чтоб знали про нее, чтоб боялись. Ты, Егор, зря зубы скалишь – без ватаги нам сейчас никак, на что жить-то? Борисычи сказали, что просто так кормить нас не намерены. Ну, кроме того, что они тебе за проводника должны – то заплатят. Немного, конечно – много у них сейчас и нету, но – что-то заплатят. Так... малость.

– Что же, выходит, зря я в проводники вызвался, целый месяц убил?

– Не-е, Егорий, не зря-а, – растягивая слова, Чугреев смешно вытянул губы в трубочку. – Борисычи-то, чай, не простые люди. Отблагодарят, не сомневайся, только б пофартило им.

– Дядько Антип, я ведь тоже с вами – в ватагу? – напомнил о себе Федька. – Сбегать куда, чего где разузнать – я тут, мигом. Ну и – в схватке.

– В схва-атке! – скривившись, передразнил Антип. – Ты хоть оружный-то бой знаешь ли? Саблей рубишь? Палицей, шестопером бьешь? Или кистенем?

Подросток пристыженно опустил голову:

– Не-а.

– Вот то-то, что – не-а. Учить тебя надо... Готов учиться-то?

– Готов, дядько!

– Готов он... – Хмыкнув, Чугреев с хитрецей взглянул на Егора: – Оружному-то бою покуда учиться и не на чем, а вот кулачному... есть тут у нас дока. А, Егорий? Ты как?

– Боксу, что ли, вас обучить? – с удивлением уточнил Вожников. – Так для этого времени много нужно. И тренировки – каждый день до седьмого пота. Да и староваты вы уже оба – даже Федор... тебе, Федь, сколько лет-то?

– Пятнадцатый.

– Ну, вот – я так и думал.

Чугреев нахмурился:

– Так что ж – не научишь?

– Да куда ж я от вас денусь?! Уж чему-нибудь научу, хотя б удар поставлю. – Снова хлебнув кваску, Егор шмыгнул носом. – Только перчатки бы... тут прямо, в риге, и приспособились бы.

– Мешок найдем, а вот рукавицы перстатые...

– Сойдут и обычные рукавицы, только на меху, зимние.

– Сыщем.

Доев пироги, улеглись спать – Антип с Федькой – вдвоем на одном ларе, Егор, как более габаритный – на другом, отдельно. Спали не раздеваясь – холодновато, – укрывшись хозяйской сермягой да волчьими шкурами.

Антип безбожно храпел, Федька во сне вскрикивал, метался. Что из этой симфонии разбудило посреди ночи Вожникова, храп или крик, определить было сложно. Может, ни то, и ни другое, а просто холод? Хотя не так уж и холодно было, вполне терпимо, даже округлая, обмазанная глиной печь для сушки снопов еще не совсем остыла.

Тем не менее Егору не спалось, он полночи ворочался, временами впадая в какое-то забытие, а потом и вообще проснулся. Натянув волчью шкуру, заложил руки за голову, вытянулся – думал.

Тысяча четыреста девятым год... ладно, чего уж теперь без толку повторять-то? С колдуньей, со снадобьем, прорубью – мысль хорошая, а вот с ватагой – однозначно плохая. Это что ж получается, он, Егор Вожников, человек в своем краю не последний, тем более – боксер, будет тут, в прошлом, людей грабить? Этак вот выйдет на узкую дорожку с кистеньком... как тот крючконосый с веником да его мордатый напарник. Что ж теперь, он с этими упырями – одного поля ягода?

Не-ет уж, ватага – банда, если попросту – это уж совсем вариант никудышный, ни в какие ворота. Еще чего – людей убивать, грабить! Вот уж – фиг. Больно надо!

Ла-адно, пока еще Антип ватажку свою соберет, отыщет подходящих типов, пока объект для нападения выберет, наверняка какого-нибудь незадачливого купчишку... тем временем можно и ведьмочку отыскать, колдунью, взять у нее водицу заговоренную, снадобье, да, помолясь – в прорубь. В ту самую, где юную волхвицу топили? Брр! Жуть какая. Неужели – было? Да было, как не было. Прямо на глазах. И все ж – до сих пор не верится. Впрочем, верить – не верить, тут уж – что есть. О другом думать надо – как побыстрее отыскать колдунью.

С утра Антип, зачем-то прихватив с собой Федьку, вновь отправился в посад на поиски старых своих знакомых – ватажников. Борисовичи, столкнувшись в корчме с Вожниковым, пригласили его к себе в овин, где было намного теплее, чем в риге. Там, в овине, и рассчитались, оплатили по факту работу проводника, оценив ее в двадцать четыре денги – пара дюжин – сумма по нынешним временам не очень большая, но и не слишком малая. Егор долго думал, куда бы деть эти мелкие серебряные кружочки? Пробовал было в пояс – так высыпались, а кошель у него не имелось...

– Так ты сходи на торжище, купи. Две денги всего-то.

И правда, совет Данилы Борисовича был вполне здравым – почему б не купить-то? Сходить в посад, голову проветрить, да заодно как-нибудь по-хитрому разузнать там о любой, проживающей в доступной местности, ведьме.

Денежки, завернув в найденную тряпицу, молодой человек спрятал за пазуху, пригладил растрепанные со сна волосы пятерней, да зашагал в посад, все тем же путем – по тропке. Так выходило быстрее, нежели по дороге, тем более дорожка-то уже растаяла, и путь преграждали огромные буровато-коричневые лужи. Кто знает, где у них там дно? Так что по тропинке надежнее будет.

Памятуя о местном гоп-стопе, Егор хотел было прихватить с собой в город секиру, да, по здравому размышлению, от этой затеи отказался: незачем слишком уж привлекать внимание

людей местного князя, мало ли как они среагируют на незнакомца с боевым топором на плече. А ну-ка, где-нибудь на авторынке прошелся бы с пулеметом.

На этот раз день выдался пасмурный, с плотными белыми облаками и редкой просинью. Хорошо хоть дождик не лил, да ведь облака-то были, на взгляд Егора, вовсе не дождевые, высокие, даже солнышко иногда появлялось, выглядывало, сверкало, словно высматривало добычу – ну-ка, ну-ка, а где еще притаился сугроб? Сейчас мы его, враз! А ну-ка!

– Рыбка, рыбка, белорыбица!

– Квас, квасок, раскрывай роток!

– А вот сбитень, сбитень...

– Пирог, пироги, с пылу с жару, недороги...

– Купи, господине, собаку! Добрый псинище – всегда пригодится.

– Да не нужна мне собака. Кошки, калиты – где?

– А вон, в том ряду, за баклажками.

Свернув, Вожников, не обращая никакого внимания на навязчивую рекламу («Купи, господине, баклажку!» «А вот блюдо – самое лучшее!»), обогнул торговцев деревянной посудой – всякого рода мисками, баклагами, блюдами, – быстро сторговал за две денги поясной кошель – «кошку», а на обратном пути, подумав, все ж прикупил деревянный гребень и ложку, подвесив все к поясу на специальных бечевках – карманов-то не было!

– Собаку, господине, купи.

– Не нужна мне собака, сказал же, – молодой человек с подозрением покосился на крупного лохматого пса непонятной породы и покачал головой. – Нет, не нужно. А не знаешь ли ты, уважаемый, кто умеет заговаривать зубы? Болят уж который день, мочи нет, кариес, наверное.

– Зубы? – продавец пса – глуповатого вида парняга лет двадцати с круглым добродушным лицом и толстыми губами, озадаченно взъерошил затылок. – Ране Манефа... тьфу-тьфу-тьфу – тут парень перекрестился и продолжил уже почти шепотом: – Ране Манефа-волшбица всем заговаривала. Она тут, неподалеку, жила, в деревеньке одной. А теперь волшбицу того... казни предали, за колдовство злое. Теперь с зубами даже и не знаю к кому.

– Что, так-так и не к кому? Ты, уважаемый, помоги, а я уж в долгу не останусь, – Вожников многозначительно позвенел недавно купленными кошель, вернее, тем, что в нем находилось. – Болят ведь зубы-то. Болят.

– Ин ладно, – плотоядно взглянув на кошель «болезного», парняга махнул рукой. – Пойду, спрошу у кума, он тут рядом, рыбой торгует.

– Так, может, я сам у него спрошу?

– Что ты, что ты, никто чужому не скажет. А ты, мил человек, тут постой, я быстро.

Прихватив с собой собаку, торговец проворно скрылся за рядками. В ожидании его возвращения Вожников, прислонясь к бревенчатой стене какого-то амбара, с интересом наблюдал, как местные пацаны играют в «чику». Не на деньги играли – денег, даже самых мелких, медных, у них, походу, не было – на щелбаны да на желание. Кто-то, проиграв, громко ржал жеребцом, кто-то, замычав по-коровьи, наклонившись, пил из лужи воду, а вот один – самый мелкий – скинув армячок и перекрестившись, полез на высокую березу.

– Смотри, Ванюх, не свались! – орали снизу.

– Не свалюсь. А свалюсь – так ловите.

– Нашел, мил человеце.

Вожников живо оглянулся: держа на веревке кудлатого пса, переминался с ноги на ногу толстогубый парень:

– Нашел я тебе волшбицу. Токмо это...

– Понял! – Егор живо полез в кошель. – Всякий труд должен быть оплачен. Вот, держи. Надеюсь, денги хватит?

Продавец собаки ухватил денежку с такой неожиданной прытью, что молодой человек понял: слишком много дал! Целую серебряху, когда за глаза хватило бы и медного пула. Что ж, с местными ценами приходилось пока разбираться вот так, на ходу. Да. Может, еще и не пригодится с ними разбираться – вдруг да поможет колдунья, водицы заговоренной даст... вдруг?

– Пойдешь, мил человеку, на позахолмье...

– Куда-куда?

– Ах, ты ж гость, не тутошний, – парень показал рукой. – Вона, по той улице, мимо церкви, за детинец пойдешь, там увидишь избенки худые – в крайнюю постучи. Скажешь, от Микола Рыбника, зубы заговорить. Там и сговоритесь.

– Ну, спасибо тебе за подсказку.

Благодарно кивнув, Егор отправился по указанному адресу, краем глаза кося на возившихся под березой ребят – похоже, самый из них младший все же свалился с дерева и теперь, плача, лежал в грязи. Сломал позвоночник? Да нет, вроде встал, утер сопли.

Выглянувшее было солнце снова нырнуло за облако, много было облаков – все клочковатые, фигуристые, этакие медленно плывущие павы! И небо, нет, все же какое красивое небо, высокое, с синевой, с башнями-облаками, с падающими – льющимися золотистым потоком вниз – солнечными лучами. Словно нимбы сияющие под облаками, а наверху и между – игристая лазурь. Красота!

А вот матушка-земля подкачала, снег едва только сходил, и обнажившиеся пустоши и луга тускло мерцали буровато-седой неуютностью, и улицы – по колено в грязи, и в углах, под заборами, еще догнивали сугробы.

Словно акробат, раскинув руки, Егор прошагал по брошенным в грязь следам – двум тоненьким сосенкам, опасно прогнувшимся под тяжестью тренированного мускулистого тела. Этак не выдержат, упадешь в грязь, сгинешь, не вылезешь – можно и с головой провалиться, что там – по колено!

Ничего, прошел, справился, отыскал указанную собачником избенку, оперся о покосившийся забор из жердей, едва не свалил, прошагал чуть дальше, выбирая место, где поменьше грязи – встал, позвал громко:

– Эй, эй, соседи-и-и!

Скрипнула покосившаяся дверь убогой, вросшей почти по самую крышу в землю, избенки, кто-то возник в проеме, не поймешь – то ли баба, то ли мужик.

– Чего орешь? Кого надо?

– Я от Микола Рыбника. Зубы заговорить.

– Тсс! Да не ори ты так, горе! – существо – судя по голосу, это была все-таки женщина – опасно оглядев округу, махнуло рукой. – Давай заходи в избу. Микола зря не пришлет.

Изба – темная, дымная, грязная, с крытой старой прогнившей соломой крышей, оказалась пуста, если не считать сопевшего в лыковой зыбке младенца. Что-то зашуршало у самого порога, пискнуло, прыгнуло, проскользнула между ногами во двор; Егор невольно попятился – большая, размером с кошку, крыса!

– Садись вон, на лавку... хотя можешь и так постоять. Тебе зубы? Счас коренья дам... три денги!

Уже опытный – спасибо прощельге-собачнику – Вожников покачал головой:

– Одна-ако!

– Пусть две. Ладно. Вот оно, снадобье-то.

Одетая в какую-то невообразимую сермягу хозяйка избы протянула гостю пыльную плетеную баклагу:

– Водой ключевой разведи, да по утрам-вечерам полощи зубы. Пройдут. Денги давай, а?

– Ах да, – хлопнув себя по лбу, молодой человек вытащил из кошелька-«кошки» монеты. – Бери, вот. – Пошутил: – Надеюсь, не из жаб болотных настойка?

– Не из жаб, – усмехнулась волшбица. – Пустырник там, чабрец да еще кой-какие травки.

– Вот и славно, – Егор с благодарностью принял баклагу и, чуть помолчав, спросил: – А насчет другого зелья как? Мне б водицы заговоренной, снадобья, чтоб несчастье предчувствовать. Микола Рыбник сказал – у тебя есть.

– Врет все Микола! – неожиданно отпрянула хозяйка. – Заговоры-наговоры – это не ко мне! А ты иди, куда шел – мимо.

– Да ладно – иди, – Вожников и не собирался никуда уходить, не добившись своей цели. – Я ж не просто так, я ж заплачу... дюжину серебрях, а?

Сказал, и ту же ударил ладонью по кошелю – позвенел денгами.

Волшбица задумалась:

– Дюжину? А не врешь?

– Прямо сейчас и отдам. Вот!

– Добро, – хозяйка, наконец, решилась, как видно, алчность все же пересилила осторожность. – Полдюжины мне давай – не сейчас, вечером, а полдюжины – той, к кому приведу. Она сейчас и медному пулу рада. Только уговор – один приходи. Возьмешь кого с собой – ничего не поимеешь.

– Хм, ладно, приду один. А воду-то она заговорит? Умеет?

– Да умеет, – ухмыльнулась женщина. – Ты про Манефу-волхвицу слышал?

– Слышал.

– Так то – сестрица ее молодшая. Зовут – Серафима.

Вернувшись на постоялый двор Ахмета Татарина, Егор просидел там примерно часов до пяти-шести вечера, после чего, сказав Борисычам, чтоб не искали, покинул ригу. Начинало смеркаться, и росшие неподалеку, над овражком, ивы таинственно мерцали набухшими серебристыми почками. Было довольно тепло, хотя промозгло, пахло свежим навозом, и ветер весны проносил над головой Егора светлые облака надежды. Если удастся... удалось бы!

Показалось, кто-то окликнул сзади... Нет, не нужно оглядываться, вообще, не нужно сейчас никого, сказано же – один. Так, может, взяв снадобье, сразу и нырнуть – вот в ту прорубь, в которой... Нет, пожалуй, не стоит. Черт! А ведь скоро и некуда будет нырять, растает все к черту – может, тогда прямо в реку, или в пруд, в озеро? Насчет этого бабка Левонтиха ничего не говорила, и на сайте своем никаких инструкций по этому поводу не вывешивала. Ладно, поглядим!

Угрюмая волшбица-посредница уже поджидала Егора у изгороди, сгорбленная, с морщинистым усталым лицом, все в той же сермяге, поверх которой набросила овчину.

– Ага, пришел.

– Пришел, – кивнул Егор. – Один, как и договаривались.

– Знаю, что один. Ведаю.

Ведает она... Однако!

В небе уже загорались, играли звезды. Рогатый месяц закачался над деревянными башнями детинца, где-то ударил колокол, неподалеку, за изгородью, взбрыхнул пес. Город постепенно проваливался во мрак – один за другим гасли в слюдяных окнах богатых домов огни свечей, в избенках попроще меркли лучины, лишь на башнях кремля неровно горели оранжевые факелы ночной стражи.

– Надо было и нам факел взять, – запоздало молвил Егор. – Скоро совсем темно станет – как идти-то?

– Так пришли уже, – провожатая хмыкнула и показала в темноту рукой. – Вона, изба-то, видишь?

– Нет, – честно признался молодой человек. – Так, какие-то контуры.

– Непонятно говоришь. Ты не наш, не из наших мест. Гость.

– Вот уж точно, что гость. И очень надеюсь, что временный.

Они остановились возле высокого забора, отбрасывавшего в свете луны мерцающую зыбкую тень. Загремев цепью, глухо тявкнул пес.

– Тихо, тихо, Агнец, свои, – негромко вымолвила волшбица.

Услышав знакомый голос, пес успокоился, и слышно стало, как кто-то подошел к самым воротам:

– Кто?

– Здрав будь, Хярг.

– И ты, Сармина.

Ворота открылись, впуская гостей. Дальше, во дворе, разговор пошел на каком-то особом наречии, как, прислушавшись, догадался Вожников – на финно-угорском. Вепсы! Точнее говоря – весь, древний народ, когда-то, во времена Древней Руси – сильное и уважаемое всеми племя... Кстати, Белоозеро – это же их город, племенная столица вепсов! Был когда-то таким, еще на том, северном, берегу, а нынче – несколько раз перенесенный на новое место – это уже и не город, а так, убогая и усохшая копия былого величия и блеска. Тем более сейчас – под властью алчной и жестокой Москвы.

– Входи, гость, – переговорив с Сарминой, Хярг – низенький, широкоплечий – указал на маленькую избенку, притулившуюся на самом краю двора... скорей, даже – баню... да! Точно – баню, сейчас, в сумерках, темнеющую, словно оплывший сугроб.

– Серафима ждет тебя. И примет. Иди же.

Вежливо кивнув, молодой человек подошел к бане и, остановившись, осторожно стукнул в дверь.

– Войди, – послышался женский голос.

Егор вошел, низко склонившись, чтобы не удариться лбом.

– Вот сюда, сюда, к лавке...

Вожников, наконец, выпрямился, увидев в тусклом свете лучины высокую, одетую в длинное льняное платье девушку с большими, чуть вытянутыми к вискам глазами, темными, как южная ночь. Такие же темные волосы ее ниспадали на плечи, в лице было что-то восточное – быть, может, скулы или, скорее, глаза. Это, впрочем, не портило общее впечатление, скорей, придавало изюминку красоте девы.

– Я – Серафима.

– А я...

– Я знаю – Егор. Положи деньги на лавку, туда.

Молодой человек поспешно выполнил указанное, и волшбица выразила свое удовлетворение легким, едва заметным кивком.

– Сними полушубок, здесь тепло... Кинь на лавку... так... Рубаху тоже сними.

– Но... – несколько замялся Егор. – Я бы хотел...

– Я знаю, чего ты хочешь, – тонкие губы ведуньи тронула легкая улыбка. – Чувствую... Подойди ближе, встань на колени... так... теперь наклони голову. А вот теперь – пей! Не бойся, это просто квас, правда, сильно хмельной, ядреный. Пей, пей!

Молодой человек послушно исполнил все, почувствовав прикосновение нежных девичьих рук... ему вдруг почудилась песня... хотя нет, не почудилась – волшбица Серафима запела! Тихо, вполголоса, на непонятном языке – весянском? Мелодия казалась простой, а припев повторялся все чаще и чаще – речитативом:

– Конди, Хяндикан, Хирб! Конди! Хяндикан! Хирб!

«Конди – по-вепски – медведь», – вдруг всплыла мысль, а дальше... дальше Вожников словно погрузился в сон, легкий, этакую полудрему – спал, но все слышал. И чувствовал, как

все сильнее начинает болеть голова. Сначала чуть покалывало виски, затем будто что-то ударило по лбу – и ядерной бомбой взорвался мозг!

– Конди! Хяндикан! Хирб!

– Медведь, Волк, Лось, – открыв глаза, машинально прошептал молодой человек. – Это что – боги древней веси?

Он лежал на лавке, на своем же подстеленном полушубке, рядом, у изголовья, сидела волшбица и... плакала.

Приподнявшись, Егор схватил ведунью за руку:

– Эй, эй, Серафима! Ты чего? Я что – обидел тебя? Сделал что-то не так?

– Я... я – не могу... Не могу войти в твою голову, не могу помочь... – рыдая, промолвила девушка. – А так не должно быть, нет! Ведь ты не чудовище, не злой оборотень, я чувствую.

– Уж точно – не оборотень, – сочувственно усмехнулся гость. – Что, совсем-совсем ничего не выходит?

– Да есть один способ, – успокоившись, Серафима задумчиво посмотрела на Вожникова и погладила его по груди. – Есть способ узнать... помочь... если ты... если ты захочешь – мы сольемся с тобой в одно.

– Как же? – быстро поцеловав волшбицу руку, прошептал Егор. О, он уже догадался, к чему клонит колдунья... и был вовсе не прочь!

– Ты знаешь, о чем я...

– Да!

Не говоря больше ни слова, ведунья поднялась с лавки и без всякого жеманства сбросила с себя платье. Ее хрупкая юная фигурка со стройными бедрами и небольшой грудью поначалу показалась Вожникову чересчур худой и какой-то угловатой... впрочем, стоило кудеснице опуститься рядом...

Ах, эти глаза – черные и бездонные, в них, кажется, сияли искры, а тело оказалось гибким и безумно горячим. Как соскучился Егор по женской ласке – еще бы! Он и набросился на девчонку, как и положено изголодавшемуся мужику – притянул к себе, с жаром поцеловал в губы, и...

– Это слишком быстро, – с улыбкой призналась волшбица. – Я так ничего в тебе и не поняла.

– Эко дело! Попробуем еще раз, – погладив девушку по спине, лукаво улыбнулся гость. – Еще раз, и... еще... Ведь ты не против, верно?

Вместо ответа Серафима поцеловала Егора в губы. И молодой человек тут же отозвался на любовный позыв, притянул девчонку к себе, тиская, лаская пальцами грудь...

– Ты – чужой! – отпрянув, тихо промолвила Серафима. – Совсем-совсем чужой, из далекого далека.

– Но ты можешь мне?

– То, что ты хотел – ты давно получил, – волшбица неожиданно улыбнулась. – Ведь так?

– Допустим, – неохотно признался Егор.

– Так чего же ты хочешь?

– Просто вернуться домой... – Вожников вздрогнул, увидев, как потемнели и без того темные глаза юной колдуньи. – Ну, что ты молчишь? Скажи же! Ты можешь мне? Я вернусь домой? Ну! Говори же!

Молодой человек ухватил Серафиму за плечи, сжал, встряхнул. Вспыхнули антрацитовые глаза.

– Отпусти, мне больно.

– Да-да, извини.

Егор как-то сразу обмяк, сел на лавке, глядя, как девчонка проворно натянула платье... скорее – просто длинную рубаху, а, впрочем, какая разница? Об этом ли сейчас думать?

– Ты станешь великим воином, – взглянув Вожникову в глаза, прошептала колдунья. – И обретешь большую власть.

– Да не нужна мне власть! Дома-то я буду?

Из темных глаз колдуньи словно вылетели искры, ударили, взорвались у Егора в мозгу. Проклятая ведьма!

– Не-ет, – уже догадываясь, предчувствуя ответ, ошарашенно протянул молодой человек. – Не-ет... Так ведь быть не может... не может быть. Ты шутишь со мной, да?

– Я всегда говорю, что есть. Что я чувствую, вижу. Знаю, людям это не нравится... моя сестра потому и погибла, а я вот пришла... явилась из наших лесов...

– Пришла отомстить? – тихо уточнил Вожников.

– Да.

Молодой человек взял Серафиму за руку:

– Так ты не ответила толком! Вернусь яд омой? Ну! Говори же! Вернусь?

– Нет. Никогда.

Глава 7

Купи веник!

Пока Вожников терял последнюю надежду в жарких объятиях юной волшбицы, на другом конце Белоозера, ближе к детинцу, еще с вечера произошли некие события, повлиявшие на дальнейшую судьбу Егора не меньше, чем встреча с Серафимой.

На огороженной высокой оградой усадьбе, не очень большой, но и не малой, в просторном, выстроенном на подклете доме, в топившейся по-белому горнице, расположившись на приставленных к неширокому столу скамьях, играли в шахматы двое мужчин. Один – дородный, осанистый, с густой светло-русой бородой и добрым широким лицом – был одет в длинный кафтан доброго немецкого сукна, из-под которого выглядывала красная шелковая рубаха – признак явного богатства и положения в обществе, о чем также свидетельствовали и сафьяновые – в сборочку – сапоги, и отстегнутая от широкого пояса, небрежно брошенная на лавку сабля, и драгоценные перстни на пальцах обеих рук.

Напарник его, одетый по-домашнему просто – в холщовое полукафтанье с шелковой плетеной тесьмой – обликом, скорей, походил на монаха или на человека, не придававшего своей внешности особого значения, что по тем временам явно смахивало на вольнодумство, хотя, конечно, совсем-то на смердов походить не пристало – за тем и шелковая тесьма, и в изящных недешевых ножнах кинжалец. Аскетичное лицо, смуглое и худое, тонкий, с едва заметной горбинкой, нос, густые – взлет – брови. Глаза насмешливые, темно-карие, узенькая черная, с проседью борода. Тонкая рука тронула ладью, переставила, дернулись в улыбке тонкие губы:

– Мат тебе, Иване Кузьмич!

Дородный бородач озадаченно поскреб в затылке:

– Ох и умен ты, Ларион, ничего не скажешь! Нет, чтоб сноровку-то мне проиграть...

– Так ты же, господин воевода, тогда первым меня презирать будешь.

Иван Кузьмич замахал руками:

– Да пошутил, пошутил, полно тебе! Еще партейку?

– Охотно. Сейчас велю слугам кваску принести. Печь-то натопили нынче изрядно.

– Да и хорошо ж, Ларион Степаныч! – воевода довольно потер руки. – Жар костей не ломит, а тепло завсегда лучше, чем холод. Чай, не в сарацинских странах живем.

– Ты, как всегда, прав, Иване Кузьмич.

Поднявшись на ноги, Ларион подошел к двери, отворил, выглянул:

– Эй, Прощка! Квасу нам спроворь, живо. Да заедок не забудь.

Распорядившись, Ларион Степаныч подошел к стоявшему на широкой лавке ларцу, оглянулся:

– Расчеты сейчас велишь делать?

– А, давай сейчас, – зевнув, воевода махнул рукой. – Поздно уже, скоро к себе, в детинец, поеду... хоть у тебя в гостях и хорошо. В самом деле хорошо, Христом-Богом клянусь! У меня-то в хоромах суетливо, людно – дети, племянники, слуги... да ты сам ведаешь. А у тебя, Ларион – благодать: тихо, спокойно – ни домочадцев, ни чад – всего-то несколько слуг, и те место свое знают, не докучают без надобности.

– Попробовали б, – сквозь зубы промолвил Ларион Степаныч.

Достав из ларца несколько полотняных мешочков, он высыпал их содержимое на стол, рядом с поставцем с яркими восковыми свечами. Блеснуло, заиграло в глазах серебришко!

– Дирхемы ордынские, денги, – со знанием дела пояснял гостеприимный хозяин. – А вот – денги новгородские, московские денги, Дмитрием Ивановичем еще чеканенные, а эти вот – кильские гроши, а тут – геллеры. Все из земель немецких.

– И кто ж ими платил?

– Так Острожец Михайла, гость новгородский. У них там, в Новгороде, немецкой монеты полно.

– И монеты, и всякой поганой нехристи! – подняв вверх указательный палец, наставительно заметил гость.

– То и верно. – Ларион Степаныч неожиданно нахмурился и сжал губы. – Все ж нет у меня доверия к новгородцу! Себе на уме, хитер. Вроде и любезен, а... Чую, не зря он тут объявился! Выгоду свою пасет. Эх, своих бы людишек к нему приставить, обложить бы, как волка!

– Так обложи!

– Так он тутошних на службу не берет, не подпускает... Одначе подумаем, помыслим, что можно сделать.

– Так все ж таки заплатил Острожец, не стал кобениться?

Ларион Степаныч пожал плечами:

– Так он и не кобенился – не дурак. Хитрый! А те, кто кобенился да лишнего платить не хотел, тех уж и... В общем – управились с ними. Остальные – сразу платить.

– Как и всегда, как и всегда, – покивав, воевода неожиданно строго зыркнул на собеседника: – А жаловаться не побегут? А, Ларион? Вдруг да князь их наветам внемлет? Всякое бывает, врагов да завистников у нас много. Чай, непростые люди, язм – воевода, ты – старший дьяк.

– Не побегут, – поспешно успокоил Ларион Степаныч. – Из-подо льда-то не выберутся!

– Так ты их в прорубь, что ли?

– А куда ж? Слава Господу, есть еще верные люди, – дьяк набожно перекрестился на висевшую в красном углу икону в добротном серебряном окладе. – Кстати, господине Иване Кузьмич, надо бы их отблагодарить, людей-то. Манефу-колдунью взяли, пытали, да на казнь. Большое дело сладили! Мы на колдунью-то не только мор да глад, но и купчишек повесили... тех, кто «лишнего» платить отказался. И нашли же словцо – «лишнее»! Вот, пушай теперь под водой подумают, хе-хе-хе.

– Дак серебришко для людишек твоих сейчас оставить? – пригладив бороду, спросил воевода.

– Сейчас, господине. Как раз ближе к ночи верный человечешко с докладом явится. Может, еще и сеструху Манефину – Серафиму, возьмем!

– Серафиму? – удивился Иван Кузьмич. – Она что, тоже волхвица?

– Волхвица – и кудесница, и ведунья, и чаровница. Мнози грехи на ней, если схватим, сам митрополит благодарен будет.

– Иди ты – митрополит! – скептически скривился воевода. – Можно подумать, он про эту Серафиму ведает.

– Не ведает, так проведает. Как доложить, – ухмыльнувшись, старший дьяк заложил руки за спину и прошелся по горнице. – О частоколе осмелюсь напомнить – подгнил частокол-то, а ведь совсем недавно бревна меняли.

– Ну и подгнил! – поведя плечом, гость нервно прищурился. – И что? Князь наш, Белозерский, сам же и велел – побыстрее да подешевше ладить. Вот и сладили.

– А серебришко-то на Москве выпросили. А вдруг да князь ярыжку своего пришлет – посмотреть, глянуть?

Побелев лицом, воевода гневно замахал руками:

– Эй, эй, ты что такое несешь-то, Ларионе!

– Я говорю вовсе не о том, что обязательно будет, а о том, что может быть, – невозмутимо пояснил дьяк. – А нам надобно сделать, чтоб не было. Чтоб никакой опасности, чтоб спокойно все, как говорят – шито-крыто.

– Ну-ну-ну-ну! – Иван Кузьмич забарабанил по столу пальцами. – Говори ж, не тyani – что придумал?

– Серафима-волхвица частокол на гниль извела! – с усмешкой промолвил Ларион Степаныч. – Явилась из лесниц – за сестрицу свою казненную отомстить. Колдовство, чары свои, не токмо на людей, но и на стены, на башни наводила – Угловая-то башенка, я чаю, тоже не очень, как бы не рухнула князюшке нашему на голову.

– Тьфу ты! Типун тебе, – воевода снова перекрестился и неожиданно хохотнул. – А с колдуньей ты, Ларион, хорошо выдумал. Про наговор-то на стены подтвердит кто?

– Есть видоки-послухи.

– А как их под кнут?

– Катую скажем – как надо бить будет. Так, поцарапает слегка... Но ведь они и серебришка получают изрядно! Есть смысл все, что надобно, подтвердить.

– Опять серебришко!

– Тут, господине, никак скупиться не надобно – дело такое.

Иван Кузьмич махнул рукой:

– Ла-адно, заплатим. Сколько оставить-то?

– А вот, – дьяк взял с лавки вощеную дощечку, видать, заранее приготовленную. – Здесь все выписано, подсчитано...

– Да ну-у-у, – гость скривился, словно от зубной боли. – Ты мне не показывай, ты словами скажи!

– Два полсрока и еще две с половиной денги, – тотчас выпалил Ларион Степаныч.

– Сколько-сколько?!

– Сам же, Иване Кузьмич, просил – словами.

– А не многовато ль?

– Все подсчитано.

– Ладно, – воевода в который раз уже махнул рукою и тяжело поднялся на ноги. – Возьми сам, сколь надобно. Пойду я – засиделся. Кликни слугу. Скажи, пушай челяди моей скажет – иду. Коня пусть подведут.

– Сейчас, сладим.

Быстро отсчитав серебро, старший дьяк, как и полагается, лично проводил важного гостя до самых ворот, поклонился:

– Доброй тебе ночи, Иване Кузьмич. Заезжай еще – то честь великая.

– Загляну, загляну, заеду, – воевода дернул поводья коня. – Н-но!

Выехал за ворота. Зачавкали по грязи копыта. Впереди и сзади побежали слуги. Хоть и ехать-то – совсем рядом, а все ж не пристало знатному и именитому человеку пешком, как какому-нибудь шпыню ненадобному, хаживать.

Проводив воеводу, Ларион Степаныч отдал распоряжения слугам, поднялся обратно в горницу, и, расставив фигуры, принялся играть в шахматы сам с собой. Играл не спеша, с усмешкой, покуда за окном уж совсем не начало темнеть. И вот тогда-то в дверь постучал слуга.

– Зови! – выслушав, нетерпеливо махнул рукою хозяин. – Сюда, в горницу, веди.

Слуга неслышно исчез с низким поклоном. Немного погодя послышались за дверью шаги.

– Можно, Ларионе Степаныч?

В горницу несмело заглянул мордастый парень лет двадцати, тот самый, что на пару с крючконосом лиходеем не так давно неудачно пытался ограбить Вожникова. Сильный, но с округлыми покатыми плечами, круглое, с курносом носом, лицо можно было бы счесть по-сельски простоватым, если бы не хитрый прищур сероватых глаз с белесыми, как у поросенка, ресницами. Обычное крестьянское лицо, каких много, но вот взгляд...

Отвлекаясь от шахмат, дьяк поднял глаза:

– А, Онисим! Проходи, проходи... что-то я тебя нынче заждался.

- Не мог я, господине, ране явиться, – поклоняясь, изрек новый гость. – Все следил. Ларион Степаныч насмешливо вскинул брови:
- И за кем же ты, осмелюсь спросить, следил? Опять за каким-нибудь ярыжкой или рыбником?
- За ним... за рыбником, – покивал Онисим. – Миколой его зовут, он весянин наполовину.
- Так тут многие – из веси.
- И к вере нашей хрестьянской – не очень, все больше идолов своих поминает. Дьяк недовольно поморщился:
- Помнится, ты об этом уже говорил. Что нового? Иль просто так пришел... за серебришком? Просто так – не дам!
- Что ты, что ты, господине Ларионе Степаныч! – парень мелко затрясся, видать, рассчитывал все же на серебряхи, а тут – такой облом. – Язм об том и прибежал, об новом-то доложить, потому-то и припозднился.
- Ну, докладывай, докладывай уже!
- За Миколой-рыбником посмотрел, он все к Пармине-вдовице шастает, на Захолмье, что за детинцем почти...
- Знаю я, где Захолмье! – жестко перебил дьяк. – Дальше! И давай – ближе к делу.
- Так вот, – торопливо сглотнув слюну, продолжал Онисим. – Пармина тоже из веси, да все они, тварюги белоглазые, вечно что-то недоброе замышляют...
- Сказал же! Ближе к делу.
- Так и язм... Вызнал: кудесница Серафима, сестрица Манефы-волхвицы, третий день уж у Хярга-бондаря обретается, он ее, змей, приютил.
- Серафима – здесь?! – изумился Ларион Степаныч. – Что, и в самом деле мстить явилась? Вот дура-то!
- Для поганых-то язычников как же без мести?
- Ну, оно так, так, – дьяк ненадолго задумался, улыбнулся. – Так это же хорошо, Онисим! Это же просто замечательно, когда зверь сам на охотника бежит. Теперь и по лесам людишек слать не надо, Серафиму эту искать.
- Да что ее искать-то, господине? Знаем ведь, где жила.
- Все равно! Лес – есть лес. А вдруг – на севера, в важскую землю иль еще далее подастся? Не найдем вовек.
- Встав, Ларион Степаныч радостно потер руки:
- Это хорошо, что она сама пришла. Прямо как нарочно.
- Она, господине, ведь мстить явилась, – глухо напомнил Онисим. – Как бы чего не сотворила, змея.
- А мы не дадим сотворить! Прямо утречком раненько и возьмем – тепленькую. Да, выжидать не стоит – с кудесницей-то глаз да глаз. Пошлю с утра людей воеводе – возьмем! На вот тебе...
- Дьяк отсчитал несколько монет, Онисим взял, поклонился.
- Ну? – Ларион Степаныч вскинул глаза. – Чего ждешь-то? Мало?
- Не, господине, – парень помялся. – Еще одна весточка есть, уж и не знаю, важная али нет.
- А это уж позволь мне решать! – строго прикрикнул дьяк. – Говори!
- Антип Чугреев в Белеозере объявился, ватажник и лиходей.
- Чугреев? – Ларион Степаныч задумчиво скривился. – Слышал, слышал. Думал, и в живых уж его нет.
- Да все так думали, господине. А он – вот он – жив! С Никиткой Кривоносом, дружкой моим, в корчме у Одноглазого Нила встречался. В новую ватажку звал!

– Так-та-ак, – дьяк почмокал губами. – Ватажка, значит... А тебя Никитка еще не позвал?
– Не, не позвал. Но, мыслю, что кликнет. А язм откажусь: одно дело – на пару, а другое – ватагою. Делишки, оно конечно, побольше, да ведь и запросто согнуть можно.

– Постой, постой, – тут же сказал Ларион Степаньч. – Ты, Онисим, как позовут – не отказывайся. Пойди в ватажку-то, пойди, она нам сгодится, ватажка. Парень ты не дурак, себя проявишь – в том, чем смогу, помогу. А потом... ватажка, – дьяк хищно скривился, – оно хорошо, когда под боком, когда управляема. Ладно! О ватажке особо поговорим – зайдешь на седмице. А сейчас – иди.

– А колдунья? Я б ее...

– А то уж не твоя, парень, забота!

Опершись спиной о бревенчатую стену баньки, Возников допил поднесенный волшбицей Серафимой квас – и в самом деле забористый, даже можно сказать – крепленный, утер ладошью губы:

– Значит – никогда, да?

– Поверь, я не со зла, – присев рядом, девушка мягко улыбнулась. – Просто, что чувствую, то и говорю.

– А чувства тебя не обманывают?

– Не знаю. Скорее – нет. Иначе б не была бы волшбицею. Как сестра.

Серафима закусила губу и, присев на лавку рядом с Егором, снова разрыдалась, уткнувшись парню в грудь.

– Ну-ну, – молодой человек погладил ведунью по волосам. – Что ты все плачешь-то?

– Сестрицу жалко! – девчонка всхлипнула, вытерла рукавом слезы. – Ты пойми, Егорий, мы ж никому ничего дурного не желали, просто жили себе, молились своим богам, да помогали людям. Кому рану заговорить, кому – зубы, да кому что! Черное, злое чаровничество – никогда. То и нам самим – недобро. Поверь, так было... А сейчас... Сейчас я – черная. Явилась мстить!

Выпрямившись, юная ведунья гордо вскинула голову, да так, что Возников невольно залюбовался ею, протянул руку, обнял:

– А ты красивая.

Волшбица улыбнулась, ускользнула, как ускользает во сне видение, морок. И все же Егор успел схватить ее за руку, притянул к себе, да, ласково усадив на колени, принялся целовать в губы, в шею... теплую, нежную...

Девушка прикрыла глаза, вытянулась:

– Ах, как ты... как ты умеешь. Ах...

– Ложись, милая, и ни о чем больше не думай.

Молодой человек осторожно стянул с девушки платье, нежно погладил пупок... ниже... с жаром поцеловал-поласкал грудь... Прижал к себе, обнял...

– Ах...

– Выходит, и вы, ведуньи, все же чего-то не знаете...

Ушли, улетели куда-то ввысь закопченные стены бани, стало вдруг светло и радостно... Одному Егору? Обоим? Да, конечно, обоим, а как же!

– Знаешь, а все же хорошо, что я тебя встретил, да?

Волшбица ничего не ответила, лишь смущенно фыркнула.

– Ты у этого кулака живешь, как его... Хярга?

– Не живу, просто пришла. Хярг приютил, он же из наших.

– А почему – Серафима? Ты ж ведунья, язычница?

Девушка повела плечом:

– Просто так в деревне прозвали. Это внешнее, для чужих, имя... как и Манефа. Ах, как я им отомщу! А ты иди, наверное... поздно уже.

– Скорей – рано.

Егор усмехнулся и прислушался: показалось, будто кто-то ходит во дворе. Хозяин, Хярг? Почему так рано? Впрочем, мало ли в усадьбе дел? При натуральном-то хозяйстве.

Вот резко залаял пес... взвизгнул, замолк.

Серафима с тревогой посмотрела на дверь, привстала...

Егор махнул рукой – сиди, я пойду, открою.

Никакие предчувствия его в этот момент не обуяли, ни о чем таком нехорошем не думалось, да и что такое могло случиться еще, когда – «Нет! Никогда». То есть, если верить темноглазенькой кудеснице Серафиме – всю оставшуюся жизнь здесь, в пятнадцатом веке, сидеть придется. Ага!

Нет, показалось. Никого во дворе не было. Вожников распахнул дверь, выглянул... и, получив поленом по лбу, тяжело осел наземь. Полный нокаут!

– Да говорю же, не в детинец его поволокли, а на чью-то усадьбу, – волнуясь, убеждал Федька. – Я запомнил – куда.

– И большая усадьба? – задумчиво осведомился Чугреев. – Народу-то много в ней?

– Да не усмотрел я, сколь в ней народу. А усадьба сама не так уж и велика... но ограда высокая. Эх, дядько Антип, чтоб мне пораньше-то тебя встретить! Как раз бы и перехватили лиходеев по пути.

– Ага, перехватили – вдвоем-то?

Антип скривился, и Федька сконфуженно замолк, припоминая, как совсем случайно, отправившись на заутрене в дальнюю церкву – просто из любопытства, хотелось посмотреть храм – вдруг столкнулся с неведомыми людьми, тащившими под руки какую-то растрепанную черноглазую девицу и парня без признаков жизни. В парне отрок, к ужасу своему, и признал Егора, да, живо смекнув, что к чему, таясь, пошел невядалеке сзади, так и проследил путь.

– Люди, так мыслю, ратные – парняги все, как на подбор, дюжие, рослые, – вспомнив важное, промолвил Федька. – У кого копыя короткие, а у кого и сабля.

– Ну, вот, – высморкавшись, буркнул Чугреев. – А ты говоришь – вдвоем!

– Так они потом из этой усадебки-то – вышли. В детинец ушли.

– Это ты проследил, что в детинец?

– Не... подумалось так.

– Подумалось ему, – Антип сплюнул и грязно выругался. – Эх, Егор, Егор – и чего тебя ночью-то понесло куда-то? Со мной хотя б посоветовался. Вот дурень-то!

– Он же предупредил, чтоб не искали.

– Я и говорю – дурень. Наверняка к девке той пошел, с которой его, ты говоришь, тащили. А там... там всякое могло быть. Хяргова-то усадебка на отшибе, глуха, – Чугреев покачал головой и задумался, поглядывая на светлеющее небо.

Где-то на том берегу, за Шексной, занималась заря, играли на вершинах сосен и елей золотисто-рыжие сполохи, первые солнечные лучи разгоняли туман, по всему чувствовалось, что денек выдастся погожий, по-настоящему весенний.

– А до ледохода-то еще не так уж и скоро, – пробурчал себе под нос Антип. – Жаль Егоршу – ватажник бы лихой вышел.

– Что-что, дядько Антипе?

– Не то, что с тебя, глупой тетери!

Они стояли у той самой, ближайшей к постоялому двору Ахмета Татарина, церкви, деревянной, с блистающим крестом – тут и встретились. Отрок на постоялый двор шел – рассказать своим о Егоре, а Чугреев – по делам ватажным, собирать имеющихся на примете людишек.

– Почему вышел бы? – обиженно дернулся Федька. – Может, его еще выручить можно.

Антип отмахнулся:

– Сказал бы я тебе... Выручить!

– Так надо что-нибудь делать, – отрок взволнованно повысил голос, задергался, замахал руками. – Хотя бы попробовать, не бросать же, ведь мы ж вместе все-таки, заодно должны быть. Борисовичам нужно сказать, вдруг да они чем помогут?

– Борисовичей пока не трогаем, – хмуро предупредил Чугреев. – Как бы нам их помощь боком не вышла. А Егорку... что ж – попробуем выручить. Если можно то. Заодно и ватажников испытать. Вот что, паря, ты давай, к усадевке той, да все про хозяев повыспроси, вызнай, уж как хошь – понял?

– Конечно, понял! – подросток обрадованно сверкнул глазами, в которых, казалось, отражился кусочек неба. – Выспрошу, узнаю все.

– А я покуда к Хяргу наведуясь, да парней кой-каких соберу. Тут, на паперти, после обедни и встретимся, смотри, не опоздай.

– Не опоздаю, дядько!

Утреннее весеннее солнце выбралось, наконец, из-за леса, выкатилось, засверкало над дальним холмом, ударил лучами по глазам прохожих – мелких рыночных торговцев, служилых людей, окрестных, приехавших в город с оброком, крестьян да артельщиков – плотников, печников и прочих, искавших заработка и приложения своим умениям и силам.

Егор приоткрыл глаза... и тут же смежил веки – от яростно ударившего солнца. Ох, как болела голова – прямо раскалывалась... Молодой человек неожиданно улыбнулся – значит, жив, коли так! Поморщившись от боли, привстал, осмотрелся... да-а-а!

Он лежал на земляном полу в каком-то амбаре, с большими воротами, сквозь широкие щели которых и пробивалось солнышко. Мощные бревенчатые стены, уходящие высоко кверху стропила, крыша – может, через крышу отсюда выбраться? Ага... если допрыгнешь! Никакой лестницы поблизости что-то не наблюдалось, зато имелась копна старой соломы, на которую пленник и перебрался, пытаясь поскорее сообразить – как и почему он здесь очутился?

Сейчас-то, судя солнцу, день, а тогда был вечер, ночь даже. Тогда, когда... Господи! Серафима! Волшбица...

Сидели себе спокойно в баньке, занимались любовью к обоюдному удовольствию, и вдруг – на тебе... кто-то треснул в лоб. Шишка – во! Вожников осторожно потрогал рукой... хорошо хоть башка не раскололась. Кто-то чем-то тяжелым вдарил, нет, не ломиком, скорей – оглоблей или поленом. От сволочуги! А он-то, Егор, тоже хорош – расслабился, головушку подставил – бей, не хочу!

Та-ак... а чего его схватили-то, сюда вот приволокли, в амбаре заперли? С какого такого перепугу? Что он такого сделал-то... и, главное – кому?

А вот на этот счет совершенно никакие мысли не приходили, да и не могли прийти, слишком мало информации, чтобы о случившемся более-менее верно судить. Одно можно было утверждать – обретенные с подачи бабки Левонтихи способности нынче почему-то не сработали... Почему? Из-за секса? Просто не смогли прорваться, или... Или этот удар оглоблей... поленом, да все равно чем – такая малость, что и предупреждения-то никакого не стоит. Обычное дело, житейское.

Чу! Заслышав раздавшиеся снаружи голоса, Вожников соскочил с соломы, припал глазом к воротной щели и увидел, как к амбару направляются с полдюжины парней, вооруженных короткими копьями и саблями. Да-а... против такого воинства никакой апперкот не поможет, не стоит и пытаться. Но, наверное, можно будет узнать – чего им, собственно, от него надобно?

Поразмыслив таким образом, молодой человек отошел вглубь амбара и, едва распахнулись створки, со всей галантностью поклонился:

– Здравствуйте!

Вместо ответа вооруженные воины вмиг окружили его, выставив копья, словно загоняли дикого зверя.

– Что ж его не связали?

– Да, думали, не скоро очухается. Полено-то увесистое попало, да и Никодим бить умеет. Верно, Никодиме?

Здоровенный детина с окладистой бородищей приосанился и довольно хмыкнул:

– Угу!

Егор недовольно покосился на него и скривился – ах, вот кто его угостил... все-таки – поленом. Даже обидно как-то!

– Давай, вяжи его, братцы, – распорядился высокий мужик в нарядном, с серебристыми проволочками, кафтане. – Сейчас господин старший дьяк придет, распорядится, может, поговорить с ним захочет.

Руки за спиной связали хватко и быстро, Егор и не сопротивлялся – знал, что себе дороже. С такими-то ухарями – да-а-а. Ну, и разобраться хоть в чем-то хотелось – а, похоже, к тому все и шло: старший дьяк, это примерно как майор юстиции получается или даже подполковник.

– Ну, что тут у нас?

Пленник вскинул голову на только что вошедшего в амбар человека – лет сорока пяти, чернобородый, высокий. Смуглое лицо, впалые щеки, брови вразлет. Взгляд внимательный, жесткий, повадки – человека, привыкшего распоряжаться. Не, ну точно – подполковник! Одет в темный кафтан без всяких украшений, но сукно добротное, явно откуда-нибудь из Фландрии или иных европейских земель – спасибо друганам реконам, Вожников в таких вещах разбирался. Ага, ага, вот он, начальник пожаловал.

– Здравствуйте, господин старший дьяк.

– И ты здоров будь... пока, – садясь в принесенное проворным слугой полукреслице, пошутил дьяк. – Вижу – человек ты разговорчивый, прыткий. Это хорошо. – Он обернулся к воинам. – Оставьте нас.

– Ларион Степаныч, он верткий.

– Так вы ж его связали? Тем более, у меня кинжал.

– Ну, мы тут, господине, рядом.

– Идите уже!

Выпроводив стражей, Ларион Степаныч с любопытством посмотрел на Егора и негромко осведомился:

– Ну и кто ты? Откуда таков молодец?

– Да с детства Егором кличут. С Нагорного Обонежья мы. Проводник людям торговым.

– Проводник, говоришь? Ну-ну, – старший дьяк пробуравил молодого человека глазами. – А к волшбице зачем пожаловал?

– К какой еще волшбице? А, к девчонке-то... Ну, так зачем к девкам ходят?

– Прыток.

Ларион Степаныч улыбнулся, вовсе не ласково, а холодновато-цинично, как улыбался, наверное, фашистский хирург-изувер, намереваясь поизмываться над пленным.

– Значит, то, что та дева – кудесница, ты не знал?

– Христом-Богом поклянуся – не ведал!

– Думал – корву нашел?

– Думал, – отрывисто кивнул Егор. – А с ней хорошо было.

– Угу, угу... так-так... – «подполковник» задумчиво скривил губы. – Что ты проводник, кто подтвердить может?

– Да кто угодно! – без всякой задержки ответил пленник. – Ахмета Татарина отель... тьфу... постоялый двор знаете?

– Ну, знаю.

– Так там и сам Ахмет, и Анисим Чугреев, охотник, да и купцы – было там двое – все подтвердят.

– Чугреев? – левая бровь дьяка дернулась. – Ну-ну. Ладно, а у Серафимы ты как появился? Микола Рыбник привел?

– Он. Я зуб хотел вылечить.

– Ага! – Ларион Степаныч шутливо погрозил пальцем. – А говоришь, не знал, что девка – волшбица! Зуб-то, поди, заговорить хотел, так?

– Не, думал, та дева – травница.

– Травница... – дьяк тихо посмеялся. – И как, вылечил зуб-то?

– Да вроде бы не болит, – улыбнулся в ответ Вожников. – Вот если б еще твои люди поленом по башке не треснули.

– Это они от старания, мил человек, – поднимаясь, дьяк позвал воинов и махнул узнику рукой. – Посиди тут пока, поспи.

– Да мне бы покушать.

– Покушать ему, – Ларион Степаныч покачал головой. – Сейчас распоряжусь – принесут.

Закрылись ворота, скрипнул снаружи засов – целое бревнище! Такой не вышибешь ни за что, хоть головой со всей дури бейся. Интересно, еду принесут? Вообще-то, старший дьяк произвел на Егора скорей хорошее впечатление: несуетлив, рассудителен и – видно – умен. Осталось надеяться, что пытаться он узника не велит – да и зачем пытаться-то? Вожников и так уже все про себя рассказал. И чуть-чуть – про колдунью Серафиму. Ох, честно говоря, жаль девку – сгинет ведь, пропадет ни за что. Казнят ее местные сволочуги-власти, как и сестрицу Манефу казнили... Брр!!!

– Быстро к Ахметке Татарину, – поманив слугу, распорядился Ларион Степаныч. – Выспросите с осторожкою про некоего Егора-проводника. Ежели все подтвердят, кончайте парня по-тихому – ни к чему он.

Слуги молча поклонились и выбежали за ворота.

– А вы, – дьяк повернулся к стражникам, – меня с волшбицей иматою сейчас к Ивану Кузьмичу-воеводе сопроводите. Во все глаза глядите, не думайте, не простая девка пред вами, но колдунья весьянская!

Десятник что-то скомандовал, отправив двоих воинов за пленницей, остальные же в ожидании выстроились у крыльца.

– Вот так-та-ак! – Егор оторвал ухо от щели и в задумчивости уселся на солому. – Вот тебе и умник-разумник. Ишь ты – «кончайте по-тихому». А принцип один, как в старом фильме – «скрипач не нужен». Хотя, со здешней-то точки зрения, наверное, правильно – нет человека, нет проблемы. Не нужен – прибить, а труп бродячим псам выкинуть. Так, на всякий случай... Что им жизнь какого-то там парня-проводника? Ничто. Совершеннейшая пустышка, даже и греха замаливать не надо – зачем? Лесной бродяга, он ведь и не человек вовсе, а какой-то там «ненадобный шпынь».

Надо что-то делать, выбираться как-то!

Дождавшись, когда шум во дворе затих – видать, отъехали, – молодой человек скрючился и, перекинув связанные руки через ноги вперед, зубами освободился от пут, после чего сразу же попытался было забраться повыше к крыше, содрал в кровь ногти, но так и не залез – слишком уж сруб был высок, а щели меж бревнами узки – не то что ногу поставить, и пальцами-то не зацепиться.

Попробовав на крепость все бревна – вдруг да какое шатается, узник попытался расширить воротную щель, оторвать досочку... Ага, оторвешь – доски-то тесаные, толстые, железными полосами стянуты. Тут только «болгаркой» и взять. Ла-адно... Вожников невесело усмехнулся: придется идти другим путем. Раз из этого чертова амбара никак не выбраться, то... то нужно искать того, кто поможет это сделать, скажем – тех же слуг, коим поручено пленника, не говоря худого слова, убить. Пока они на постоянный двор сбегают – убежали уже, – пока Ахметку расспросят да, может, Борисычей с Антипом... Борисычи. А ведь дьяк про беглецов явно не в курсе! Ну, так правильно – связь-то какая? Ни телефона, ни телеграфа – одни гонцы. Что же касаемо господина старшего дьяка да людишек его... Э! Нет! Не будут они в открытую, дьяк же ясно сказал – осторожно! Значит – Ахметку, и всю прочую корчемную теребень, которая, как и везде, всегда все знает. Надолго это все затянется? Полчаса, от силы – час, уж наверняка слуги-то попытаются поскорей хозяйское распоряжение исполнить. Да, где-то час. Примерно столько времени и осталось. А дьяк – уж точно! – за этот срок никак не успеет обернуться. Пока Серафиму отведут, сдадут, да еще с воеводой пообщаться надо.

Ох, вот дурак-то! Егор с силой хлопнул себя по лбу: чего ж не сообразил как-то собой дьяка этого заинтересовать?! Глядишь, и пожил бы подольше, и что-нибудь бы за это время придумал. Сплоховал, рассудил с позиции цивилизованного человека – если не нужен, так отпустят. Ага! Как же! В этой эпохе своя логика, по-своему, наверное, правильная. Кстати, и все-таки – а что же никаких предупреждающих видений не было? Неужели из-за бурного секса? Или – квас в банке оказался слишком хмельным? Ну да, ну да, на медовуху походил больше, этакий крепленый квасок, типа бормотушного портвейна. Или... или кончилось бабки Левонтихи колдовство, все, больше не действовало? Впрочем, что тут теперь рассуждать, когда надо действовать. И с чего же сейчас начать? А узнать, много ль в доме да во дворе слуг осталось.

Вожников снова припал глазом к щели, сквозь которую было хорошо видно примерно половину двора с какими-то приземистыми строениями и колодцем. Народу во дворе не было ни души, что показалось узнику странным: это как понимать, что ж, у местной челяди никаких домашних работ нету? Ни двор подмести, ни корму скоту-птице задать, ни... Да мало ли дел! А нет никого. Никто не бегаёт, не суетится, бурную деятельность не изображает, что ж получается – в отсутствие хозяина и забить на все можно? Кот из дому – мыши в пляс? А ведь дьяк такого не спустит, он вообще на добрячка не похож, а уж на простачка – тем более. Обмануть вряд ли получится. Тогда выходит – не так тут и слуг много. Уже хорошо! Уже хоть что-то.

Молодой человек снова внимательно осмотрел двор, намечая пути бегства. Если вот так, по диагонали, пробежать мимо колодца к амбарчику, забраться на крышу – не так и высоко – а с крыши... с крыши можно и перемахнуть через ограду, прыгнуть, подтянуться, и... И поминай, как звали! На постоянный двор Ахмета Татарина, уж, конечно, путь тогда заказан – там и будут искать, – но со своими встретиться надо, одному-то совсем несподручно... Антип, кстати, в какую-то ватагу звал.

Снаружи послышался чей-то крик, промчалась по двору юркая фигурка слуги – ну, наконец-то хоть кто-то! Что-то противно скрипнуло – засов? Ворота? Нет, скорее – калиточка.

Во дворе раздались голоса, хохот, через некоторое время к узилищу направились двое дюжих парней в лаптях и с ножами. Ясно – пошли убивать... как барана резать. Чего ж двое-то? Так пленник-то связанный... да и за опасного соперника его не считали, подумаешь, деревенский ухарь, какой-то там проводник! Чего с таким возиться-то? Нож под ребро – и все дела.

Вожников проворно растянулся на соломе, но тут же, подумав, скрючился, прижимаясь спиной к бревенчатой стене амбара, так, чтоб со стороны казалось, что руки у него связаны.

Заскрипел тяжелый засов, кто-то выругался, в узилище резко посветлело. Ага! Вошли.
– Ишь ты, бедолага – спать.

– Оно, Онфиме, и к лучшему. Во сне-то самое то, и не почует ничего, вмиг душа вознесется. Ну, что стоишь-то? Давай!

– Я, что ли? – неуверенно промолвил Онфим.

– Ты, ты, – второй слуга цинично расхохотался. – Привыкай к кровушке, хозяин наш уж таков. Не тяни, бери нож – делай. А грехи потом пускай Ларион Степаныч отмаливает – он ведь приказал.

– Ох, Господи, прости...

Черная тень надвинулась на Егора, затмила солнце. Блеснул в руке слуги острый нож... Ввухх!!!

Вожников резко развернулся, вскочил и тут же ударил снизу – апперкот! – в челюсть. Несостоявшийся убийца сразу сник, нож выпал из враз ослабших пальцев...

Что там с этим парнем стало – нокаут или нокдаун, – Егор не смотрел, некогда, сразу бросился ко второму, пока тот еще не совсем опомнился – пара секунд всего и прошло-то. Лишь бы на помощь не успел позвать... Подскок – удар!левой – в печень, и почти сразу – прямой – джеб – в переносицу. Все! И этот поплыл! Эх вы, убийцы – никогда соперников недооценивать не надо.

Выскочив во двор, освободившийся узник со всех ног помчался туда, куда и наметил – мимо колодца к приземистому строению. Некстати дунувший ветер бросил в глаза пыль. Егор на бегу сплюнул, сжал губы. Вот уже немного осталось, совсем чуть-чуть – сейчас, с разбега, на амбарец, затем...

– Далеко собрался, паря?!

Оп-па!

А вот этого беглец, честно сказать, не предвидел! Из распахнувшихся ворот амбара, прямо Егору навстречу, вышли двое хмурых мужиков, один – с топором, другой – с рогатиной! Черт! Никакой это не амбар – кузница или что-то подобное... какая-то мастерская, а эти, видно, работники, зависимые от дьяка люди.

– Э, мужики, я просто так... гуляю.

И, никак их, гадов, не достать, не ударить! Ладно, тот, что с топором, когда замахнулся б – можно было бы и... Но рогатиной-то замахиваться не надо...

– Да бей его уже!

Бамм!!!

Что-то прилетело сверху – здоровенное бревно, оглобля! – ударило сразу по затылкам обоих – и как так ловко получилось-то?

Только что стояли, кричали – бей! И вот уже лежат бездыханно рядышком.

А сверху, с крыши, спрыгнул здоровый, самого подозрительного вида, мужик, мосластый, с пегой растрепанной бородой и крючковатым носом... Кстати, почему-то Егору сильно знакомый...

Спрыгнув, мужичага с довольным прищуром полюбовался своей работой, после чего перевел взгляд на Вожникова и, неожиданно подмигнув, молвил:

– Купи, паря, веник!

– Что-что?

– Давайте-ка, скорей там! – заметалась на ветру у ограды черная борода Антипа Чугрева. – Егорий, Никита – уходим.

Глава 8

Разноцветные кибитки

– Х-хэк! – голый по пояс Вожников ловко разрубил пополам массивную осиновую чурку. Плохие были дрова, сучковатые, зато топор – та самая секира – хоть куда! Ее, правда, Егор берег, только вот для таких чурбаков, что обычным топором не взять, использовал.

– Расколел, что ли, Егор?

– Расколел, а ты как думал?

Бросив секиру, молодой человек потянулся, да щурясь от солнышка, направился к колодцу, что располагался рядом, на заднем дворе, возле огорода с черной землицей и первой нежно-зеленой травкой.

Там, у колодца, стоял с деревянными ведрами Федька, точнее сказать – таскал в баню воду, а Вожников, вот, дрова колел. И то, и другое – типично женское занятие, но все ж делать-то их нужно было – заладили к вечеру баньку, а на захудалом дворище разорившегося своеземца Микеша Сучка народу вообще не было, если не считать самих ватажников, большая часть которых, под водительством Чугреева, еще с утра отправилась за город подыскивать местечки для будущих засад. Впрочем, Антип надеялся уже и сейчас хоть кого-нибудь повстречать на еще не просохшем шляхе, хоть что-нибудь взять, гоп-стопник чертов.

Ватажка уже собралась довольно большая, двадцать человек, или, как привыкли считать местные – «полсорока». Окромя самого Чугреева да Егора с Федькой, еще и такие колоритные типы, как пегобородый Никита Кривонос – «Купи веник», да приятель его, молодой Онисим Морда, да еще Иван Карбасов, да Линь Окунев – это все мужи опытные, остальные же – сопленосая молодежь, так, лет по шестнадцати-двадцати парни, примерно все на одно лицо, по крайней мере, Вожникову почему-то так и казалось. Да! Еще и сам Микеша Сучок, своеземец бывший, тоже в ватажники подался – кормиться-то надо. Его Антип, как и Кривоноса с Онисимом, и раньше еще знал по прежним своим делам, которые вспоминать не любил, знать, такие дела были.

Полузаброшенное дворище Сучка располагалось верстах в пяти от города, на берегу Белого озера, среди болот и почти непроходимой лесной чащи, так что добраться сейчас сюда было довольно сложно. Хорошо, болота, хоть уже и начали таять, да не до конца растаяли; как и лед на озере: почернел, зашуршал по краям желтыми полыньями да шуугою, однако не таял, наверное, ждал майского тепла.

С постоянного двора Ахмета Татарина приятели, тепло простившись с Борисовичами, все же решили уйти: во-первых, из-за Егора, а во-вторых – ну, не собирать же там ватагу у всех на виду? И служки корчемные, и сам Ахмет впечатления надежных людей вовсе не производили и наверняка «постукивали» втихаря местному воеводе, а то – и тому же недоброй памяти дьяку Лариону Степанычу. Кстати, Борисычи тоже свалили, не сказав, куда. Паслись-опасались.

У Сучка место было хорошее – дикое и безлюдное, как раз для ватаги. Уже начались тренировки, Егор старательно обучался оружному бою, да и сам ставил парням удары, вон и Федька ходил уже, украшенный синяками – на скуле и под левым глазом – после вчерашнего спарринга.

– Ничего, ничего, – подмигнул отроку Вожников. – Синяки мужчин украшают. А ну-ка, полей мне водицы!

Подставив спину, молодой человек с удовольствием смыл пот, крикнул:

– Ох, хорошо! Студеная. А ты сам-то чего стоишь? А ну, снимай рубаху – полью.

– Не-не-не, – испуганно дернулся Федька. – Холод-то, нешто можно?

– Нужно! – Егор со смехом схватил парня за руку. – А ну-ка, бадейки поставь. Рубаху долой... Ага...

Подхватив тяжелое ведро, Егор от души окатил подростка водой и засмеялся:

– А теперь – бокс! Спарринг! Да шучу, шучу – чего ты? Много еще тебе носить?

– Да бадеек с дюжину и осталось, – опасливо покосившись на Егора, отрок обхватил себя руками за плечи. – Хол-лодно.

– Так бадейки-то в баню тащи, вот и согреешься, – посоветовал молодой человек и, взяв топор, подошел к осиновым чуркам. – А я пока поколю. Пожалуй, уже скоро и наши вернутся.

– Скорей бы, – тряхнув мокрыми волосами, Федька поспешно натянул рубаху. – Может, дичь какую по пути запромыслят? Вдруг, да и попадется в лесу кто? Хорошо бы тетерев или рябчик.

– Тебе все бы жрать! – хохотнул Вожников. – Вон худой какой... куда только лезет? Ла-а-дно, не обижайся, я ж так... шучу.

– Да язм понимаю. А все ж покушать охота.

И в самом деле, у Егора и самого-то частенько подводило живот – такие уж голодные настали времена, прежние серебришко кончилось, не было и медного пула, перебивались покуда дичью да рыбкой, да кое-что приносили те ватажники, что жили в посаде. Это была идея Вожникова – организовать все по сетевому принципу, чтоб не всем в одном месте ошиваться, а собираться в кучу лишь в строго определенное время либо – когда надо, используя в качестве гонца Федьку или кого-нибудь из молодых. Вот и сейчас у Сучка жили лишь те, кому некуда было податься – Антип, Егор, Федька, сам своеземец, да Иван Карбасов с Окуневым Линем – те были беглые, откуда-то из ярославских краев. Неплохие, в общем-то, мужики, но, видать, изрядно битые жизнью. Оба успели побывать и в ордынском плену, у какого-то мурзы, от которого тоже сбежали, бродяжничали, собрались было далеко-далеко – в Хлынов (как понял по рассказам многих Вожников – местную Тортугу), но вот, пристали к ватаге, вернее, хитрый Чугреев их уговорил, случайно встретив в корчме Одноглазого Нила.

Егор поколол еще немного – в охотку, – тем временем и Федька натаскал вторую кадку воды, как раз затопили и баню, да вскипятив на очажке воды, бросили почки смородины – для запаха, для заvara.

Потом, вытянув ноги, оба уселись на завалинке, лениво потягивая «чаек». Вожников блаженно шурился – хорошо было вот так сидеть, отдыхая после работы. Дышать напоенным запахом первых весенних трав воздухом, смотреть в высокое синее небо, на озеро, покрытое темно-голубым ноздреватым льдом, на выбегающую откуда-то из чащи тропинку, уже поросшую кое-где свежей нежно-зеленой травкой. По краям тропинки, вдоль покосившегося забора тянулись заросли ивы с пухлыми серебристыми почками, чуть дальше широко разрослась ольха, у нее почки совсем другие, приплюснутые, лиловые, а вот у тополя, что стоял у давно упавших наземь ворот – острые, зеленые, торчат, словно рогадины, выставленные охотниками в ожидании дичи.

Дичи... Да, дичь сейчас не помешала бы! Егор сглотнул слюну, вспомнив добрым словом все тех же Борисовичей – вот уж те-то охотнички удачливые, умелые, так бы и всем. Как они, ухмыляясь, заказывали, дескать, кого на ужин хотите – рябчика, глухаря, зайчика? Что и говорить, в этом отношении – молодцы. Ну, может, еще и ватажникам повезет, что-нибудь принесут к ужину. Хм... к ужину... Молодой человек усмехнулся – не завтракали, не обедали – сразу и ужин. Что ж – трехразовое питание: понедельник, среда, пятница. В понедельник, кстати, ели какую-то жесткую, дурно пахнущую птицу, подстреленную на ближайшем болоте. Вообще же, места здесь были худые – на лесную дичь вовсе не богатые. Другое дело – рыба, так поди ее сейчас, достань – на лед-то не выбраться, тонок.

– Эх, скоро сойдет ледок, – мечтательно прикрыв глаза, протянул Федька. – Уж наедимся рыбки.

Егор скосил глаза:

– Что, Федя, проголодался?

– Угу, – кивнул отрок. – Любую рыбку так бы сейчас и съел – даже костлявого окуня.

– Ишь ты – окунь для тебя уж и не рыба?

– А что, рыба, что ль? Рыба – это стерлядь, осетр, форелька... налим тоже ничего бывает, особенно – печенка, умм! Ничо, вскроется озеро – ушицы наварим! А еще ближе к лету и перепелов поесть можно.

Ну, гад мелкий! Далась ему эта еда. Больше что, и поговорить не о чем?

– Слышь, малой, – повернул голову Вожников. – А ты грамоту знаешь?

– Откуда?! – удивленно откликнулся отрок. – Я что – купец или монах?

– А хочешь, тебя научу?

Федька вдруг расхохотался, да так звонко, что спугнул стайку прыгавших на заборе пичуг:

– Ой, скажешь, Егор! Все шутишь, а ведь грамоты-то и сам не ведаешь.

– Чего это не ведаю-то? – обиделся молодой человек. – С чего ты взял?

– Дак ты, не обижайся только, и говорить-то толком не говоришь – все как-то не очень понятно, потом сиди, думай – что и сказал? А тут – грамота!

Егор растерянно моргнул, даже не зная, что сказать в ответ. Так ничего и не сказал, не придумал, да и не успел – за деревьями послышались чьи-то веселые голоса, хохот.

– Наши идут! – резво вскочил на ноги Федька. – Радуются чему-то, верно, удачно сходили.

– Эй, православные! – еще не дойдя до изгороди, заорал Антип. – Банька-то как?

– Топится.

– Федька, растопляй печь. Серебра не добыли нынче, иначе дичи запромыслили изрядно.

– Вот то дело, дядько Антип! Вот то дело.

Пара рябчиков, глухарь, еще какие-то мелкие птицы, ох, гляди-ко – и заяц! Есть не пересть.

– Как бы не стухло только.

– Не стухнет, с озера лед добудем – положим. Чего, Егор, варить – рябчика?

– Можно и рябчика. Соль еще осталась.

– Еще кореньев добудем, в похлебку сунем – вкусно! – подал голос разматывавший мокрую обмотку Окунев Линь – мужик лет тридцати пяти, борода кудряшками, веселый.

Дружок его, Иван Карбасов, щурясь от солнышка, довольно смеялся.

Вожников кивнул на дрова:

– Мы тут тоже время зря не теряли. Как у вас-то прошло, кроме дичи? Рассказывайте!

– Сейчас, – отмахнулся Антип. – Поснидаем – расскажем.

Пока-то да се, покуда посушились, отдохнули чуток с дороги, тут и похлебка поспела – пахучая, жирная.

Вытащили котелок из печи, на пень большой во дворе поставили, Чугреев – как старшой – махнул рукой:

– Налетай, робята.

«Робята» не замедлили налететь и споро заработали ложками. Сначала, как и принято – выхлебали бульон, а уж опосля, опять же, по команде старшого, занялись мясом.

– Ухх, – не выдержал Федька. – И фуффло фэ кфыфыфко!

– Чего-чего? – изумился Егор. – Кто тут фуффло?

– Говорю, и вкусно же крылышко! – прожевав, пояснил отрок.

Окунев Линь улыбнулся:

– Да уж, вкусно.

– Так как прошло-то? – повернувшись к Антипу, нетерпеливо спросил Вожников.

– Да так, – степенно облизав ложку, старшой сунул ее за пояс. – Местечки надежные заприметили, в одном – там орешник густой – посидели даже, думали, может, да пройдет-проедет кто. Не! Зря надеялись – сыровато еще везде, бездорожно, разве что на холмах токмо. А вот на обратном пути, на борах, на дичину нарвались. Уж теряться не стали!

– Молодцы!

Линь Окунев отбросил к забору только что со всем смаком обглоданную косточку:

– Ты, Антипе, в чем бору были – расскажи.

– Да! – хитровато прищурился Чугреев. – Бор-то – самого воеводы, Ивана Кузьмича, боярина Вережского! Про то Онисим Морда младой, Никиты Кривоноса дружок, опосля уж поведал.

– А чего ж раньше-то не предупредил?

– Да, говорит – больно уж дичи много, а воеводе – не до того.

– Хите-о-ор Онисим!

Ватажники засмеялись, довольны и сыто порыгивая. Многих потянул в сон.

– А что в городе, в посаде? – все не унимался любопытный Егор. – Есть какие новости? Борисычи где, как?

– Про Борисычей городские ничего не сказывали, – лениво поковыряв ногтем в зубах, отозвался Чугреев. – Да они ведь про них и не знают. А так новостей никаких нет... Хо! – Антип вдруг саданул себя по лбу ладонью. – Что я говорю-то? Как же – нет. Воеводу-то, говорят, едва не убили!

– Да ты что! – Вожников удивленно хмыкнул. – И кто же?

– В посаде болтают – волшбица. Явилась, мол, с дальних лесов, за сестру свою отомстить, сестра-то – тоже ведьма, ее недавно казнили.

– Так-так-та-ак! – молодой человек, не удержавшись, хлопнул в ладоши. – Вот так новость, а ты говорил – нету. И что волшбица? Схватили?

– Какое схватили – исчезла!

– Исчезла?!

– Никита Кривонос сказал, дескать, волшбица в трубу вылетела – то многие на посаде видали! Воеводе в брюхо ножик воткнула и вылетела – токмо ее и видели.

– Ну, дела-а-а.

Егор опустил голову, чтоб не выдать нечаянно вспыхнувшую радость – к чему? Душа его ликовала – сбежала! Сбежала, значит, Серафима-волшбица. Молодец! Честно говоря, в первое время после своего удачного бегства молодой человек на полном серьезе собирался освободить юную колдунью, ворвавшись в детинец, в воеводские хоромы... а да хоть к самому черту!

Понимал, конечно, что один не управится, и пытался было подбить на то ватагу, но неудачно. И оттого как-то нехорошо было на душе, подловато как-то, словно бросил в беде хорошего друга... подругу... любовницу. Хоть и длилась их связь всего-то одну ночку, а все ж...

Сбежала! Ах! Радостно-то как, радостно.

– Ты чего, Егор, главу-то повесил – воеводу жалко? – пошутил Окунев Линь.

– Нас жалко, – тут же отозвался Вожников. – Теперь пастись надо – волшбицу-то будут искать, все пути перекроют.

– Ну, путей-то и так пока нет, – резонно возразил ватажник. – Перекрывать нечего. Тем более волшбица-то по воздуху улетела. Так говорят, однако. А поди ее, по воздуху, догони.

Откинувшись на брошенный на свежую травку плащ, Чугреев бормотнул что-то о каких-то людишках, да и заснул, захрапел, а следом за ним – и все. Сморило.

Пели-пищали на заборе пичуги, долбил где-то неподалеку дятел, а высоко в небе, выглядывая добычу, хищно парил коршун. Ничего этого не слышали-не видали ватажники – спали.

Даже Федька – позабыв про топившуюся баню. Он-то позабыл, а вот Окунь – нет. Проснулся, потянулся, глянул:

– Эй, Феденька! А баня-то что?

– Баня? Какая баня? Ой!

Антип с Егором пошли в баньку последними, с ними норовил и Федька. Взяли, ладно, но, вымывшись, того выперли – иди мол, с Богом, отроче, разговору серьезных людей не мешай.

– Ну? – едва только за Федькой закрылась дверь, Антип искоса посмотрел на Вожникова. – Чего парня-то выпроводил?

– Я?!

– Сказать что-то важное хочешь?

– Так о волшбице, – отдуваясь, молодой человек опустился на широкую лавку. – Правильно ж сказано – искать ее будут. Тут и мы под горячую воеводскую руку угодить можем запросто. А нам оно надо?

– Не надо, – согласился Чугреев. – Ты только это хотел сказать?

– Не только. Еще предложить кое-что. Тебе – первому, ты ж, я так понимаю, теперь за атамана у нас?

– Верно понимаешь, – важно покивал Антип. – Ну, говори, чего намыслил?

Вожников спрятал улыбку, придав лицу выражение полной, сообразной моменту, серьезности. Ну и что, что в бане? Римские патриции тоже серьезные дела в банях решали.

– Надо нам, Антипе, к какому-нибудь богатому человеку на время прибиться, – решительно промолвил Егор. – От всякой шушеры защищать и тем кормиться.

Выслушав, Чугреев разочарованно зевнул и плеснул на каменку водицы:

– Это, Егорий, и я уже думал. Не выйдет.

– Да почему же?!

– Да потому что никому мы сейчас не нужны, уж до травня-месяца – точно. Дорог-то нет, ни речных, ни прочих – кто куда ездит-то? А нет обозов – не нужны и охранники.

На самом деле ватажник сказал – «сторожники», а уж «охранники» – это Егор для себя перевел, точнее, перевелось в мозгу, словно само собой.

– А товар, что до весны-лета остался, что ж, охранять не надобно? Аль на него охотников нет?

– Э-э, – протянул Антип. – Тот товар, что в амбарах – то в городе, а тут своих сторожей хватает. Князь да воевода на что? С гостей торговых мзду жмут – и за порядком следить обязаны.

– И что, никто еще не пытался?

– И-и-и-и, паря! Но затея твоя интересная.

Атаман надолго задумался, прикидывая что-то, даже зашевелил губами, вроде как разговаривал сам с собой.

– Для начала надо просто взять и попробовать, – глотнув в предбаннике свежего воздуха, обернулся на пороге Егор.

– Дверь закрой – весь жар выпустишь.

– Так мы последние... А под лежащий камень, Антипе, вода не течет, – прикрыв дверь, Вожников взобрался на полочку, уселся рядом с задумавшимся атаманом, ухмыльнулся, словно змей-искуситель: – До свободной воды, до путей-дорожек просохших еще месяц почти, а то и больше. А кушать-то каждый день хочется. Да и ватажники – их в деле надо держать, сам знаешь, сабля-то без битвы тупеет, портится.

– Ладно! – почесав на груди рваный белесый шрам, решил Чугреев. – Будь по-твоему – поглядим. Ватажников всех соберем, скажем.

– Для начала надо подробный список составить, – начал было Егор, но тут же прикусил язык, соображая, как бы ту же самую мысль выразить более доступными для понимания средневекового человека словами. – Говорю, надобно гостей торговых определить, к кому бы можно. Таких тут, пожалуй, немало.

– И шушеры разной тоже немало, – покачал головой Антип. – Мнози и рады бы, да нечем платить.

– Вот видишь! – поддавая парку, воскликнул молодой человек. – Тебе и карты в руки, то есть – дружкам твоим посадским.

– Чего-чего?

– Местные-то ватажники пусть про торговых гостей и вспомнят.

Атаман прищурился и неожиданно тяжело вдохнул:

– Ох, Егорий, Егор – любишь же ты говорить непонятно.

– Да что уж тут непонятного-то?! Я б сказал...

– Ладно, – жестко перебил ватажник. – Завтра с утра Никита Кривонос с хлебом явится – обещал, – с ним и потолкуем.

– Вот ты, Антип, тоже сейчас сказал бог знает что, – тут же поддел Вожников. – Непонятно, с кем потолкуем – то ли с Кривоносом, то ли с хлебом.

Атаман ничего не ответил, пропустил колкость мимо ушей. Посидев в парной еще минут пять, оба окатились водой да пошли в предбанник – сохнуть. Пока мылись, подоспел и жареный на углях глухарь, вкусный, с белым, тающим во рту мясом.

С утра, как и говорил Антип, явился Никита Кривонос с тремя ржаными караваемы в заплечном мешке. Поприветствовал всех еще издали, закричал:

– Эй, спите, что ль, хриstopродавцы?

Ишь, как обозвал-то, шутник! Это надо же – хриstopродавцы! Так только про депутатов говорить можно или про всякую алчную чиновную шваль – пильщиков бюджета.

Впрочем, никто не обиделся, а Вожников сказал:

– А, привет, привет, Купи Веник!

– А что тут про веник-то?

– Так новые веники меняем, старые – крадем! Шучу, Никита.

– Эх ты... – махнув рукой, Кривонос гулко расхохотался. – Вот, хлебца вам принес, смотрите, не лопните.

– И тебе, Купи Веник, приятного аппетита. Рябчика хошь? Холодный, правда, но вкусный.

– А не откажусь! – обрадовался детина. – Давай сюда рябчика.

– Кушай на здоровье.

– Слышь, Егорий, – быстро расправившись с остатками жаркого, кривоносый скосил глаза. – А ты кулачному бою обещал поучить, помнишь?

– Так поучил уже одного... эвон! – Вожников со смехом кивнул на показавшегося из избы Федьку с двумя синяками – уже не густо-синими, а модного желтовато-палевого цвета.

– Ой-ей-ей, Феденька! – заржал, словно лошадь, Никита. – Ой, не могу, ой, какой ты красной-то, почитай, теперь все девки твои. Приходи на посад, хватай любую – никто не откажет. А откажет, так ты мне скажи, я их вразумлю живо!

Смущенно махнув рукой, отрок ухватил бадью да побежал к колодцу.

– Во-во, – прокричал ему в спину ватажник. – И водички принеси, а то икать уже буду от смеха.

– Ладно вам ржать-то, – показался в дверях Антип.

Оглянулся с порога:

– Иван, Линь, выходьте, кой-что обговорить надоть.

Идея Егора всем присутствующим на «планерке» ватажникам, в общем, понравилась, чему Вожников, конечно же, был рад, правда, виду не показывал. Лишние эмоции никогда никому на пользу еще не шли, во вред только.

Согласно покивав, Никита Кривонос сказал свое слово за всех прочих «посадских», заверив собравшихся, что никто возражать не будет...

– А ежели такая тварюга и сыщется, то я ей...

– Ну, хватит кулаками махать, Купи Веник! Давай-ка по существу.

– Чего?

– Ближе, говорю, к телу... в смысле – к делу. Известных тебе гостей торговых перечисли, короче!

– Всех?

– Всех, кроме откровенных жмотов. Ну – жадин.

– Ой, Егорий, – охолонул парня Антип. – Вижу, нравится тебе поперек батьки в пекло лезть. Ну, так что, Никита, с гостями?

Кривоносый задумался, почесал бородищу:

– А, пожалуй, такие есть. Все на виду – и искать не надо. Всю зиму на глазах толклися, да и сейчас пути-дорожки ждут. Скоро дождутся, ага.

– Вот и я о том, – наставительно поддержал Чугреев. – Нам-то тоже скорее надо. Это сейчас на воеводских борах поохотились, потому как не до того воеводе и людишкам его. К тому ж, думаю, с серебришком-то уже заработанным куда легче на промысел подаваться, а?

Из предложенного Никитой устного списка, подумав да расспросив того же Купи Веника, выбрали пока четверых, наиболее, как показалось всем, подходящих. И не слишком богатых, и не слишком уж мелких, средних – чтоб и серебришко водилось, и товарец справный в амбарах своего часа ждал. Олексей Устюжанин – пенькой да медом с воском торговец; Дерюгин Хлопок, ярославский купец, тот по скоту, но больше по иному живому товару работал – людишками торговал, еще Истома Котлов из ближнего Галича, и Михайло Острожец, новгородский заморский гость – тот по сукну, да по медным крицам-укладам.

– Что ж, – внимательно выслушав, резюмировал атаман. – У этих – точно серебришко водится. А то – и золотишко.

– Ха-ха, золотишко! – Никита Купи Веник радостно хлопнул себя по коленкам. – Было ваше, стало наше, ага!

– Ты раньше времени-то не радуйся, – зыркнул на него Антип. – Золотишко-то еще взять надо. Или – заработать.

– А нельзя – чтоб и так, и сяк? – подал голос Федька.

Вообще-то, его никто не слушал – молодой еще, – однако вот эта идея показалась вполне здоровой. А что? Одно другому не мешает. Сначала – заработать, а потом – взять.

Купцов начали прессовать по списку, начиная с Олексея Устюжанина, тот на постоялом дворе Ахмета Татарина столовался да жил. А потому Антип да Егор с Федькой туда не пошли, пошли другие. Потом встретились у церкви с докладом – как раз Никита Кривонос и пришел. Скривился, сплюнул:

– Не сговорились. Жадина та еще. Бить таких надо, бить.

К следующему – Хлопку Дерюгину, работоторговцу ярославскому, пошли во главе с Антипом – Микеша Сучок, Егор, Купи Веник с дружкой своим Онисимом Мордой, да Карбасов Иван, да Окунев Линь, да Федька – куда ж его девать, пушай привыкает. Ну и еще младых взяли – так, для солидности.

Торговец людьми из Ярославля снял на зиму роскошный по тем временам дом-пятистенник. Большой, на обширной подклети, с высоким резным крыльцом и крытой осиновой дра-

кой крышей, дом – целые хоромы! – располагался прямо напротив детинца, в занимавшей где-то с полгектара усадьбе местного боярина Еремея Хватова, что значительно осложняло дело. Как у всякого зажиточного человека, у Еремея воинских людишек хватало, и тут приходилось действовать осторожно, дабы невзначай не вызвать подозрение и гнев. Хотя, казалось бы – какое боярину дело до какого-то там купчишки? Ан нет, потому как кому же понравится, ежели в его усадьбе какие-то подозрительные людишки станут шуметь да беспредельничать?

– Самые спокойные к купчине пойдут, – инструктировал за углом атаман.

Никита Кривонос тут же выпятил грудь:

– Я готов, парни!

– Ты-то как раз останешься! – ожег взглядом Чугреев. – А вот Егорий... все ведь без оружия будут, ну, там, может, ножички, да кистеньки, а Егор, ежели что – и голыми руками. Окромя Егора еще надо...

– Меня возьмите, – запросился Федька. – Я тоже спокойный.

– С такими-то синячищами?! Сразу видно – тать, шпынь ненадобный. Не-ет, – подумав, Антип ткнул пальцем в грудь Линю: – Ты, Окунев. И еще – ты, Иван. И я. Ты тоже, Онисим. И все – хватит.

– А нам чего делать? – сплюнув, осведомился Кривонос. – Может, пока тут, по двору пошустрить? Эвон, ворота-то настезь... никого не боятся!

– Ну, пошустрите, – махнул рукой вожак. – Только, смотрите, тихо.

– А как же! – Купи Веник просиял лицом и, дождавшись, когда «официальная делегация» важно прошествует во двор, махнул рукой оставшимся: – Ну, теперь мы, робята!

Торговец людьми Хлопок Дерюгин, уважаемый всеми купец, принял делегацию холодно, и, даже не выслушав до конца, указал на дверь. При этом желтое, вытянутое, как у лошади, лицо торгового гостя скривилось, а голос сделался ломким, словно у молодого петушка:

– Пошли, пошли, это... есть меня уже кому охранять. Сейчас их и кликну – проводят. Сча-ас... Сча-ас... Эй, кто там?! Прокл!

В дверь тут же заглянул здоровенный оглоед метра под два ростом с повадками закоренелого уголовника и каким-то квадратным лицом, лишенным всякого намека на толерантность:

– Кого, осподине, имать? Етого?

Он резко схватил за плечо оказавшегося ближе всех к порогу Егора.

– Не надо имать, Прокл, – устюжанин лениво махнул рукой. – Просто выкинь.

– Это мы, это мы можем, да...

Бумм!!!

Никто в горнице ничего поначалу не понял – а только оглоед тихо съехал по стеночке вниз, расплзся безвольной кучей. А Вожников, усмехнувшись, подул себе на кулак:

– Неплохой свинг. Чистая победа – нокаутом.

– Что ты, гостюшко, смотришь? – подойдя к купцу, ласково осведомился Чугреев. – Видал, какие у нас люди? Что там твои орясины – тебя самого не могут уберечь.

– Вида-а-ал, – жалобно заблеял работорговец. – Не бе-е-ейте, а?

– Не будем, – Антип довольно хмыкнул и погрозил купчине пальцем. – Пока не будем. А ты, мил человек, подумай, ага?

– Подумаю, – с готовностью закивал Дерюгин. – Через два дня ответ дам.

– Чего так долго-то?

– Так ведь у меня и своих стражей полно. Кого-то выгонять надоть.

Подумав, атаман махнул рукой:

– Добро. Пушай так и будет – через два дня и встретимся. Прощай, Хлопок Дерюжич. Да нас не провожай, не надо... И к боярину не беги.

– Не, не, что вы!

Оставив испуганного работорговца размышлять, ватажники прошли через многолюдный двор и, никем не задержанные, покинули усадьбу. Далеко, правда, не пошли, сразу за воротами встали – поджидать своих, тех, что шуровали сейчас по обширному двору боярина Еремея.

– Край непуганых идиотов! – удивленно промолвил Егор. – Мы – пришли-ушли, парни где-то шарятся – и всем хоть бы что! Я, понимаю, конечно, что на дворе народу много... но ведь чужих-то всегда можно узнать. И никто не остановил, не спросил – к кому, да зачем?

– А зачем? – подняв глаза, Чугреев посмотрел на клонившееся к закату солнце и, по старой своей привычке, сплюнул. – Кого боярину Хватову бояться? С князем дружон, с воеводой – вообще приятели закадычные, об чем все знают. Что не так – со свету сживут!

– Но ведь купец-то...

– А что купец? – Антип презрительно хмыкнул и поежился. – Чтой-то холодать стало.

– Так вечер же, – напомнил Егор и, чуть помолчав, пристал к атаману снова: – И что купец-то?

– Купец – не князь, не боярин, даже не из детей боярских, да и человек не служилый – кому он, кроме себя самого, нужен-то? – скривясь, пояснил Чугреев. – Домишко на зиму снял, плату внес – и пес с ним. А остальное – его самого заботы.

– Поня-атно.

Что ж, определенная логика в словах атамана была. Действительно, в средние века куда важнее была принадлежность к высшим сословиям, нежели деньги. Честь, а не мощна! Хотя и серебришко свою подлую роль играло.

Подняв глаза, молодой человек посмотрел в темно-голубое вечернее небо, тронутое широкими, как у Ван Гога, мазками серовато-палевых перистых облаков, подсвеченных снизу закатным золотисто-оранжевым солнцем. Припозднились нынче, уже до усадьбы Сучка и не дойти, в городе придется заночевать, верней – в посаде.

– К своим не пойдем, – словно подслушав мысли Егора, негромко промолвил Чугреев. – Соседи приметят, слухи пойдут – мол, чужие людишки к этому-то приходили, ночевали – зачем? Не надобно нам подозрений лишних.

– А куды ж тогда денемся? – поднял глаза Линь.

– На постоялый двор захудалый пойдем, – ответил вместо атамана Сучок. – Хоть бы и в корчму Одноглазого Нила. Веселое место, охх!

– Да, – Антип согласно кивнул, к чему-то напряженно прислушиваясь. – Давненько не веселились. Что там на усадьбе такое? Что за шум?

И в самом деле, со двора боярина Хватова явственно донеслись чьи-то возбужденные голоса, крики и брань, а вот еще и свист, разухабистый, громкий...

– Никитка Кривонос разухарился, – сразу определил молодой Онисим Морда. – Его посвист. Чегой-то у них там деется!

– Да, не сложилось, похоже, – Вожников согласно кивнул и взглянул на старшего. – Придется выручать, а?

– Ага! – Антип кивнул на захлопнувшиеся с грохотом ворота и выругался. – Опоздали!

– Да-а, – протянул Карбасов. – Стены-то высоки, не влезешь.

– Говорили им – по-тихому...

– Что-то придумать надо. Не бросать же в беде.

– Да не бросим.

Левая створка ворот вдруг резко распахнулась, и чье-то выброшенное оттуда тело, описав пологую дугу, упало прямо в грязную лужу.

– Ого! – изумился Егор. – Прямо как «Золотой теленок».

– Какой еще теленок?

– Ну, Паниковского выбросили. Сына лейтенанта Шмидта.

Упавшее в лужу тело вдруг завозилось, заругалось тонким подростковым голосом, встало...

– Федька! – разом ахнули все. – Ты как здесь?

– Да так вот... выкинули.

Грязный, как джип «Кэмел-трофи», отрок, пошатываясь, подошел к своим и пожаловался:

– Сначала в уборную ладили с головой окунуть... Да старшой их сказал, что некогда.

– А наши-то где все?

Подросток поник головой:

– А наших имали.

– Ага, ага, – недоверчиво прищурился атаман. – Всех имали, а тебя, значит – на все четыре стороны.

– Да не на все четыре, – Федька обиженно шмыгнул носом. – К вам.

– К на-ам?

– Сказали – пуцай за своих людишек выкуп заплатят, иначе всех воеводе с головой выдают.

– Выкуп? – ватажники озадаченно переглянулись. – Во, волки-то.

– Сказали, до завтра подождут, до ночи, а уж поутру – отвезут иматых воеводе.

– Да кто сказал-то?!

– Боярина Еремея Хватова люди. Их там полный двор – все оружные.

– А вы-то... эх, теляти! Ватажники, называется. Как хоть попались?

– Да в клеть дальнюю пошли, глянуть – а там люди, живой товарец, вот и...

– Так! – Чугреев резко оборвал разговор. – О том после расскажешь, сейчас о другом думать надо. Сколь там наших?

– Никита Кривонос, Осип и еще трое... Всего – пять, – деловито перечислил Микеша Сучок.

– Хорошо хоть всех с собой не взяли! Тьфу! И что хотят?

– По десять денег за каждого.

– Хо! Полрубля!

Окунев Линь желчно скривился:

– В ваших местах людишки-то так и стоят: ушкуйники рядом, Хлынов, Орда та же. В иных землях и больше бы запросили.

– Ладно, – Антип решительно махнул рукой. – Что тут теперь стоять-то? Усадьбу мы приступом не возьмем. Идем в корчму к Одноглазому Нилу – думать будем, как своих из беды выручать.

Туда и пошли, в корчму, в дальний посад, зачавкали грязью. Егор на ходу думал – а как же опять так вышло, что у него никаких видений не было? Кончилось колдовство старухи Левонтихи? Или все дело в том, что лично-то Вожникова никакое несчастье еще не коснулось – жив, здоров и даже немножко весел: хар-рашо оглоедину Прокла приложил!

Вот только парни...

Да выручим! Придумаем что-нибудь.

Резко похолодало. Сумерки накрыли посад плотным фиолетовым туманом. Пошел мокрый снег.

– Вот те и весна.

Кто-то заорал впереди, за голыми кустами вербы. Ватажники переглянулись:

– Грабят кого-то? Бьют?

А крики между тем продолжались:

– Й-й-и-и-и-и!!!

– Во, вопит-то! Глянем?

- Й-й-и-и-и-и-и... Й-и-ехал на ярманку Ванька, хо-хо! Эх-ма!
- Тьфу ты, – расслабленно сплюнул Антип. – Питух, пианица. Корчма-то рядом.
- Так, может его того, потрясти? – деловито предложил Онисим Морда.
- Давай, – кивнул атаман. – Егор, Федька – с ним пойдите. Да! Сразу не бейте, расспросите сперва – кто да куда? Мало ли, что интересное вызнаем.
- Три тени отделились от остальных, побежали...
- Черт! Егор провалился на бегу в какую-то лужу, ухнул левой ногой в грязь, застрял, да пока выбирался, напарнички его уже дело сделали... точнее сказать, приступили непосредственно к делу.
- Ты, Федька, слева зайди, отвлеки... А язм – кистеньком.
- Не, Онисим, старшой сказал – сперва поговорить.
- Ну, поговори, – отходя в сторону, хмыкнул ватажник. – А мы уж потом. Эй, эй, где ты, Егорий?
- Тут я, – шепнул, только что подбежав, Вожников. – В грязь провалился, блин.
- Какой блин? Чей?
- Тсс! Слушай.
- А Федька уж подбежал к «питуху»:
- Здорово, дядько! В корчму?
- Т-туда! – кивнул пьяница. – Й-эх! Выпьем, споем. Эх, Якунко, а язм тебе искал, искал... ты где запропастился-то? И это... Страшок где?
- Дай-ко, я тебе помогу... – Федька осторожно взял алкоголика под руку, чтоб не упал, и тут же спросил: – А ты кто есть-то?
- Э-э, Якунко! – пьяно обняв отрока, «питух» чмокнул его в щеку. – Ты что, и-ик... совсем пьяный? Ты зачем так напился, Якун? Э-э-э! Поди, и крест пропили? Не? Друзей не узнаешь... Это ж я – Захар! Захар Ипатов, хо! Кто Захара Ипатова не знает? Все знают, да-а-а! Тсс!!! Счас к девам непотребным пойдём, в корвин дом, ага! Ой, там таки-и-е девы... таки-и-ие... титьки – во! Как у стельной коровы! Эх, корвищи...
- Онисим Морда нетерпеливо схватил Егора за руку:
- Че ждем-то? Я его сейчас – кистеньком.
- Подожди, – резко возразил Вожников. – Может, у него и денег-то нет... А тема интересная!
- Дак ить... кистеньком да...
- Тихо ты! Кистеньком. Жди, я сейчас...
- Забежав вперед, Егор вышел из-за кустов – будто случайно попался навстречу:
- О! Здорово, Захар!
- Х-хо...
- Судя по голосу, «питух» был еще довольно молодым человеком, лица его и одежды не разобрать – темновато, – но все же, по разговору и манере держаться, Вожников тут же определил, что перед ним явно не смерд. Улыбнулся, подхватил пьяницу под правую руку – левую уже держал Федька.
- Ты в корчму, Захарко?
- Угу...
- А серебришка у тебя много ль?
- Да пуста калита!
- Хо? – изумился Егор. – А пить ты на что собрался?
- Так я и не пить... Не-е, пить тоже, но... К девкам иду, к корвам нильским.
- Хорошо, не к крокодилам, они тоже в Ниле водятся, – наскоро пошутил Вожников и засмеялся.
- А Федька – вот ведь молодец парень – спросил:

- Что, Одноглазый Нил уже и корв держит?
- Так держит, – ухмыльнулся Захар. – Вы что, не знали, что ли? Язм вчерась был, и за нас троих проплатил, за себя, за тебя, Якуне, за тебя, Страшок... ой! Да ты не Страшок... А кто, извиняй, не упомяну... А пошли-ка со мной! Такие девки, такие титьки... у-у-у! Пошли, а? Вижу, парень ты добрый... А зовут...
- Да пусть буду – Страшок.
- А и будь. Так пойдем к корвам?
- Пойдем! Только обожди малость, ага... Федька, ты его не отпускай.
- Понял.
- И следи, чтоб не упал в яму. Ноги еще переломает... Онисим!
- Из темноты выступила тень:
- Что – пора уж и кистеньком приложиться?
- Без тебя приложились бы. Как зеницу ока «питуха» этого береги!
- Онисим разочарованно хмыкнул:
- Да знаю я его – Ипатов Захарка, Лапотникова Ивана, купца, племяш. Тот еще проходимец да пьянь. А серебришка у него может и не быть – поди, пропил.
- Тут не в серебришке дело... Погодь, я ватажникам доложу.
- Зачавкав грязью, Егор подался к своим, дожидавшимся у оврага.
- Внимательно выслушав Вожникова, атаман закусил губу и задумался. Думал недолго, хмыкнул:
- Корвы, говоришь? Бл...жьи жонки? Ране не слыхал, чтоб они у Одноглазого были, верно, недавно завел.
- А, может, просто местечко под корвин дом дал или продал, – негромко промолвил Линь Окунев.
- Может и так, проверить надобно. – Антип неожиданно вздохнул: – Серебришко придется с корв взять, хоть то и невместно.
- Лучше уж с сутенера, – предложил Егор. – С девчонок возьмешь немного.
- Ась?
- Говорю – с того, кто корвищ пасет, и взять.
- Ага... – Чугреев снова задумался. – Только с Нилом-то ссориться не можно. А другого выхода нет! Л-а-адно, будь уж, что будет... может, и не Нил там за старшего еще. Значит... Егор, ты... потом ты, Линь, и...
- Федька?
- Федька молодой еще, а тебя, Сучок, и Онисима Морду все знают. Да и меня вспомнить могут.
- Так нас вдвоем и хватит, там же еще этот... Захар – а он, окромя себя, еще за двоих только платил, – напомнил Вожников. – Хватит и нас с Линем, а вы уж подстрахуете.
- Что?
- Где-нибудь рядом будьте.
- Мокрый снег перешел в дождь, холодный и нудный, и откуда же взялась непогодь, вроде бы на закате никаких подозрительных туч не наблюдалось. Наверное, ветер принес – долго ли?
- К большому удивлению Вожникова, «корвин дом» оказался для этой эпохи весьма технологичным и даже мобильным, располагаясь в пяти небольших половецких вежах-кибитках – все как положено, на телегах, вот только волю были пока, за ненадобностью, выпряжены и заведены в стойло на обширном дворе у корчмы Одноглазого Нила, который, как видно, сдал под непотребное заведение вовсе не помещения, землицу. К кибиткам с заднего двора корчмы вела неприметная тропинка, глинистая и скользкая, но тщательно посыпанная золой.

Все для удобства клиентов! Проходя следом за несущим факел слугой, молодой человек хмыкнул и очень даже вовремя поддержал под руку пьяного – впрочем, уже несколько протрезвевшего – Захара:

– Эй, эй, не падай!

– Не упаду, – засмеялся «питух». – А упаду – так токмо в вежу.

Молчаливый слуга – судя по облику, татарин или, скорее, из половцев – первым делом провел припозднившихся гостей в крайнюю, поставленную ближе к корчме, кибитку и негромко позвал:

– Акинфий!

В кибитке дернулся полог, явив в ночь узкую полоску неровного желтовато-зеленого цвета – светильник на кизяке или земляном масле. Кто-то высунулся:

– Ну?

Факел качнулся:

– Гостей привел, принимай.

– Кто такие?

– Здоров, Акиша, – со смехом выкрикнул Захар. – Что, меня, что ль, не признал?

– А-а-а, ты... Пришел, значит.

– Пришел. И дружков с собою привел – за троих ведь уплачено.

В дерганом, каком-то нервном, несмотря на всеобщее спокойствие, свете видно было, как на плоском узкоглазом лице Акинфия заиграла улыбка:

– Уплачено, то так.

Крещеный татарин. Или болгарин – скорее всего. Впрочем, татары – болгары – это все относительно, тут точно и не скажешь, кто есть кто.

– Выбирайте, други мои, любую вежу, какая больше глянется. Веселитесь хоть до утра – вряд ли кто еще будет.

Повинуясь взгляду хозяина, слуга поднял факел повыше и, показывая свободной рукой на кибитки, пояснил:

– В той белой веже – белокожая красавица Настена, рядом, в желтой – несравненная Алия, в голубой – пышногрудая Олена, а в последней, рыжей – огненноволосая Лария.

– Чур, я к Олене, други! – заволновался Захар. – Вчерась еще уговаривался.

– Так иди ж!

– Эх, хорошие вы парни! Благодарствую, что довели, без вас бы и не добрался, верно... Ну, веселитесь теперь!

– Ничо, и мы тебя как-нибудь угостим. Смотри, не засни, Захарий! – напутствовал Окунев Линь, Вожников же ткнул его в бок:

– Какую выбираешь?

– Алию, желтую. Настену как-то обижать несподручно: вроде по имени – наша.

– Обижать и не будем, – шепнул Егор. – Узкоглазого прищучим... А пока – к девкам, пусть думает, что все, как надо, идет.

– Да помню я, помню.

– Не забудь и у корвищи вызнать насчет серебра.

Обтянутая рыжеватой кожей кибитка, куда с помощью слуги забрался Егор, внутри выглядела куда презентабельнее, нежели снаружи. На полу – мягкая кошма с небольшими войлочными подушками, бархатная, с золотистым узором, перегородка-занавеска, отбрасывающий неяркие зеленоватые отблески светильник в виде золотой – или, скорее, все же медной, просто тщательно начищенной до золотого блеска – чаши. Распространяя блаженное тепло, мягко мерцала углями жаровня.

– Ну и где ж ты ты, огненноволосая Лария?

Устало опустившись на подушки, Егор прикрыл глаза, почувствовав какое-то движение. Стройная женская фигура в длинном полупрозрачном покрывале скользнула к гостю:

– Позволь, я разую тебя.

– Разуй...

Вожников открыл глаза...

Оба ахнули разом:

– Ты?!

– Серафима!

Глава 9

Горазд Кольша спать

– У меня же нет крыльев! Как я могу улететь, да еще через трубу? Врут все, я просто сбегала и укрылась пока вот здесь, ибо сейчас, сам знаешь, путей-дорожек нету. А как появятся – родные леса скроют меня ото всех.

Серафима улыбнулась, и в улыбке ее вспыхнуло на миг что-то дьявольское, колдовское... так она ведь и была колдунья, юная волшбица непроходимых лесов.

– Раньше у тебя были темные волосы, – Егор погладил девушку по плечу. – А теперь – ты рыжая.

– Ах, это... Это хна. Никто не будет искать рыжую.

С лукавым прищуром волшбица тряхнула головой, и рыжие волосы ее разметались, разлились по плечам неудержимым, сверкающим красным золотом водопадом. Так же бурно, как текут весенние, только что вскрывшиеся ото льда реки.

Приподнявшись, молодой человек поцеловал девушку в губы и тихо шепнул:

– Я рад, что ты...

– Я рада тоже. Нет, в самом деле – рада. Думала – тогда тебя...

– Да ладно, выжил, – тихо засмеялся Егор. – Забудь. Скажи лучше – ты как? Здесь случайно или... знала кого?

– Что тебе до того? – движением плеча колдунья сбросила с себя покрывало, оставшись в одних легких татарских штанах – шальварах.

– Ты – фея! – поцеловав девчонку в пупок, прошептал Вожников. – Фея моих далеких снов. Иди же сюда, иди...

– Я здесь, эй! Никуда идти не надо.

Егор и в самом деле был рад встретить волшбицу – обычную, на его взгляд, девчонку, только очень несчастную и, несомненно, ведающую что-то такое, что остальным, обычным людям, не надо и пытаться узнать.

Упругая грудь, небольшая... Вожников несильно сжал ее, погладил, потом – сразу – поцеловал, потеребил языком соски, ощущая во рту пряный вкус готового к любви женского тела. Прямо людоед какой-то!

– Ты что улыбаешься?

– Так бы тебя и съел! Ам...

Они предались любви нежно и страстно; зеленоватый, какой-то неземной, отблеск светильника делал эту ночь поистине колдовской. Распространяя тепло, в жаровне загадочно мерцали угли, пахло чем-то таким... сладковатым, смутно знакомым, чего Егор давно уже не ощущал.

Не обратил внимания и сейчас, не до того было, еще бы! Он уже тонул, просто тонул в темных бездонных очах юной красавицы колдуньи, поистине колдовских, волшебных очах, сулящих иному счастье, а иному – полное забытьё.

Скрипела кибитка. Стучал по старому шатру мелкий дождь. Жаркие девичьи губы нежно шептали слова страсти...

И запах... сладкий запах туманных грез.

– Это что – конопля, что ли? В жаровне твоей...

– Да. Я бросила чуть-чуть.

– Ну, ты наркоманка, милая! – Вожников строго погрозил девушке пальцем. – Смотри, не вздумай больше! А то привыкнешь и... С этого ведь все и начинается: сначала травка, потом «колеса», потом кокс, героин... Лучше мухоморы свои жуй, или что вы там жуετε.

Серафима мягко обняла Егора за плечи:

– Ты про какие колеса говоришь? Да, скрипят они все... так тоскливо, жалостливо. Но скрипят, только когда едут... а ехать мне не так уж и далеко. Ну? – волшбица приподнялась и неожиданно хмыкнула, окинув любовника насмешливым взглядом: – Спрашивай! Ведаю – не просто так ты пришел. Спросить что-то хочешь, что-то сделать?

– Откуда проведала?

– Я же ведьма! Говори же скорей, зачем пришел?

– За деньгами, – честно отозвался Вожников. – На дело нужное – товарищей из плена выкупить. Немного и надо – всего-то полтину.

– Полтину, эх! – Серафима в изумлении всплеснула руками. – Это ты говоришь – всего-то?! Ну, кому как. Я так полагаю, ты не один явился?

– Нет.

– Акинфия хотите почистить, так?

Егор повел плечом:

– Ну, а кого же еще-то? Он ведь у вас тут за главного.

– Ошибаешься, – колдунья сверкнула глазами. – Вовсе не он. Нет, конечно, Акинфий свое имеет... и с нами делится – он в самом деле неплохой человек. Но большая часть на мзду уходит.

– Понятно, – спокойно кивнул Вожников. – Взятки, распилы, откат – ничего нового. И кто у нас ту мзду имеет?

– Еремей Хватов, боярин тутошний.

– Кто-о?!

– Ты что, плохо слышишь? Вот уж не замечала... – Волшбица вдруг прищурилась и с ехидной улыбкой спросила, словно бы невзначай: – Так Еремей-то друзей твоих и имал? Ему и выкуп?

Егор только головой покачал:

– Умна ты, дева, не по годам.

– Ну, ты мои года не мерил... – зыркнула темным оком колдунья. – Может, мне сто лет или все двести.

– Бабушка-старушка, однако. Скажи еще – почетная льготница и ветеран труда.

Серафима неожиданно засмеялась:

– Ты что так бабушек-то обозвал? Какими-то срамными словами.

– Да я не их, – смутился молодой человек. – Я правительство наше, российское. Вот ведь, нет чтоб пенсии старикам увеличить раза в три – средства, уверен, есть, – так они целый штат чинуш расплодили, бабки на льготы распределять. Ну, а как же – дурака свата, брата, племянника-то на хлебное место пристроить надо. А сократи всех – денег как раз на повышение пенсий хватит... Ой! – оратор, наконец, опомнился. – Ты что так внимательно слушаешь-то? Знаешь, даже страшно!

– Страшно? – волшбица совсем по-детски потерлась лбом о плечо Егора. – А я вот тебя совсем не боюсь. Знаю – ничего ты мне плохого не сделаешь.

– Знаешь, потому что – ведунья? – тихо промолвил молодой человек.

– Потому что вижу тебя насквозь! – весело рассмеялась колдунья. – Ты, хоть и чужой, не наш, и вообще, непонятно откуда явился, однако – человек хороший, совестливый.

Вожников аж закашлялся:

– Ай-яй-яй, совестливый – да что ты говоришь!

– Совестливый, – тихо повторила Серафима. – И потому будешь делать то, что я скажу. А скажу я вот что: Акинфея не трожьте, возьмите другого – за серебришком завтра к полудню ближе верный человечек от боярина Еремея придет. Придет без опаски, с двумя-тремя воями – кругом-то все вроде бы как свои.

– Так-та-ак, – задумался молодой человек.

– Что «так-так»?! – с чувством передразнила Серафима. – Я сказала, ты – слышал. Вот так. Теперь обними меня, до завтра еще долго.

– Долго... – Егор едва оторвался от жарких губ волшбицы. – Но мне бы надо товарищей предупредить. Ну, ватажников – чтоб не натворили чего, чтоб ждали. Он, посланник-то, по какой дорожке пойдет?

– Я покажу... позже... Ах-х...

Ватажники подстерегли боярских людей у овражка, за кустами голой, с распухшими почками, ивы. Особо не прятались – людей тут много ходило, хоть и окраина, а все же еще – посад.

Как и предупреждала Серафима, посланец явился пешком – у лошади бы по этакой грязищи копыта скользили, так что пешком сподручнее, – в сопровождении двух вооруженных саблями воинов в коротких кольчугах. За спиной одного из них глазастый Федька углядел самострел.

Этого – самого опасного – и взял на себя Вожников, с остальными же должны были управиться прочие ватажники.

По совету Егора, решили ни посланца, ни охрану его не убивать, просто подержать до полночи в овраге, а затем отпустить, предварительно распространив слух о крупном проигрыше – мол, боярина Хватова люди игрывали вечер напролет в кости с какими-то купцами, на большой куш игрывали – да и проигрались все подчистую. Дальше, ежели не дураки, посланцы должны были скрыться, бежать куда глаза глядят и как можно быстрее – боярин был на расправу крут и в гневе себя не сдерживал – сначала голову срубит, а уж потом думать будет: за что? Кстати, необузданным нравом своим Еремей Хватов отнюдь не выделялся, в те времена полно таких отмороженных было.

Все сделали четко, как и планировали – тем более и денек выпал погожий, к обеду тучи развеялись и в голубом небе ласково заблестало солнце.

Едва посланцы поравнялись с ватажниками, идущий якобы по какому-то важному делу Егор обернулся:

– У тя самострел-то упал, дядя!

– Как упал?

Бумм!!!

Прямым в челюсть – и все дела. Верно сказано, разряд по боксу – что пистолет в рукаве, особенно, когда жертва ничего такого не подозревает.

Ватажники тоже не сплеховали – просто оглушили обоих оставшихся – посланца и воина – да, связав, сунули в рот по кляпу. То же самое проделали и с тем «самострельщиком», которого столь быстро и красиво уложил Вожников. Всего-то секунды... И всех – в овраг, под ивы. А дальше двух ватажников в сторожу выставили – чтоб кто-то невзначай в овраг не пошел, нужду справить, или там девку непотребную затащить. А что? Солнышко-то пригрело – можно!

С деньгами на выкуп к боярину отправились самые неприметные, не местные – два дружка-приятеля: с Иваном Карбасовым Окунев Линь, да с ним Егор в качестве ударной силы – на всякий случай. Никакого оружия с собой не брали – об этом хватовские «робяты» еще Федьку, перед тем как со двора выкинуть, предупреждали.

Войдя в распахнутые ворота, все трое свернули к привратнику:

– Тут это... парни наши вчера пошутковали малость. Так мы выкуп принесли.

– Тсс!!! – неожиданно всполошился привратник – невысокий мужичок в армячишке неприметного серовато-бурого цвета и, несмотря на апрель, в зимнем заячьем треухе. – Чего так орете, орясины? Тишком да ладком все надоть. Пойдите-ка малость...

Он убежал куда-то за амбарец... нет, вот снова выбежал, шустро зашагал к колодцу, у которого, подозвав, шепнул что-то на ухо здоровенному парню. Тот тоже заоглядывался, кому

то свистнул, кому-то махнул рукой, после чего, удовлетворенно кивнув, зашагал следом за привратником.

– Ну, вот они, Корбятушко. Явились за вчерашними. Деньгу, грят, принесли.

Детина – этакий Мальчиш-Плохиш: толстогубый, щекастый, с землистым лицом и подловатым взглядом – внимательно осмотрел ватажников, затем зачем-то оглянулся и тихо позвал:

– За мной идите. Не сразу... чуть поотстаньте, ясенько?

– Ясенько, – в тон ему отозвался Егор.

Вожникову уже действительно стало абсолютно ясно, кто такой этот парняга, и кто именно «имал» Никиту Кривоноса и прочих. Какой там, к чертям собачьим, боярин Хватов! Люди боярские, да, но только вовсе не по боярскому приказу, а собственной корысти ради. И старый прощелыга-привратник – с ними заодно. Как в автосервисах частенько бывает, когда ушлые сволочуги-работники разводят клиентов вовсе без ведома хозяина: у-у-уу-!!! а-а-а-а!!! Да как вы, девушка, вообще ездили-то? Да вам тут все срочно надо менять! Ну, ладно уж, так и быть – поменяем. Первым делом – прокладку между сиденьем и рулем.

Вот и тут так же примерно. Такой же развод.

Вслед за Корбятой – как понял Вожников, именно так звали разводчика «плохиша» – ватажники, чуть подождав, вошли в какой-то дальний амбарец... нет, в овин – сруб с печкой, где, в специально сделанной деревянной клетке (!) увидели своих – Никиту Кривоноса и прочих.

– Серебришко давайте, – Корбятя протянул мешок, и Окунев Линь послушно высыпал туда деньги... взятые, по сути-то, все у того же боярина Еремея.

– Ну, инда все, – тщательно пересчитав монеты, оглоедина махнул рукой маячившим неподалеку парнягам с рогатинами. – Выпускайте. А вы, – он повернулся к Егору, – идите себе потихонечку, не бежите, да в следующий раз, хе-хе, на чужом дворе с татьбою не попадайтесь. Это мы добрые, а боярин-то-батюшка мог ведь и головенки с плеч.

– Дак ить все по добру поначалу было, – оправдывался, выйдя за ворота, Купи Веник. – Пошустрили там, в дальнем амбарце с девками поговорили... а тут и эти. Мы и не сделали-то ничего, просто зашли поглядеть, думали, скажем – постой ищем. А эти-то и не спрашивали про постой – сразу в копыя! Эх-ма, надо было оружие серьезное взять – а то что с кистеньками да ножичками супротив рогатин, сабель да самострелов.

– Ну-ну, – пробурчал атаман. – Это откель же у хватовских холопов столько оружия?

– Дак они ж не простые холопы – воинские, – пояснил вдруг Онисим Морда. – Многожды вместе с боярином своим под стягом московским в походы хаживали. С литовцами бились, а бывало, бивали и новгородцев, ушкуйников... если не врут.

– Врут про ушкуйников-то, – усмехнулся Чугреев. – Ордынцы да москвиты от новгородских удалых людей горячими слезами плачут, бородами грешными утираются. Ладно, хватит болтать, пошли дела делать.

Ватажники опять разделились, одни – во главе с Антипом, отправились к галицкому купцу ИстOME Котлову, другие же навестили Михайлу Острожца, новгородского торгового гостя, по слухам, человека богатого, но чрезвычайно осторожного и хитрого.

– Вот мы хитрость-то его и проверим, – сквозь зубы шептал Вожников, именно ему атаман доверил эту часть операции. – Сначала – предложим, он, конечно, откажется, а потом... потом думать будем.

Новгородец Михайло Острожец внешностью своей никак не походил на купца, а, наоборот, был самого что ни на есть мужицкого вида: кряжистый, большерукий, с грубым, словно вырубленным топором неумелого плотника, лицом и чуть кривоватыми ногами. Нос картошкой, слегка оттопыренные уши, светлые, чуть навывкате глаза. Если б бороду да волосы

с головы сбрить – совсем бы на Никиту Сергеевича Хрущева был похож! Наверное, такой же самодур...

Подумав так, Егор не смог сдержать улыбку, так вот, с улыбкой, и поздоровался:

– Наше вам, господине торговый гость.

– И ты здоров будь. – Михайло поморгал и кивнул на лавку: – Садись, добрый молодец, кваску-то испей, а потом уж и говори, зачем пожаловал.

Он сказал по-новгородски – «зацем», а не «зачем» – однако Вожников давно уже приносивился не обращать на такие мелочи внимания.

Купец принял ватажников – точнее, одного Егора, остальные остались в просторной гостевой избе одного из местных бояр... быть может, и все того же Еремея Хватова, Вожников куда не уточнял, да и какая разница, где гость торговый живет? Взял бы на службишку, платил бы.

– Пей, пей, – Острожец самолично разлил по большим деревянным кружкам квас из объемистого кувшина. Отпив первым, крикнул: – Хорош!

Егор тоже выкушал с удовольствием:

– Да, квасок добрый.

И сразу взял быка за рога – а чего тянуть-то?

– Места здесь, господине торговый гость, беспокойные, сам про то ведаешь. А?

– То так, – махнул бородой купец.

– И товар твой, поди, пригляду требует, и возы, да скоро уже и реки вскроются, путидорожки подсохнут. Тогда ведь и в путь... А там уж тоже надежная сторожа требуется.

Поставив кружку на стол, новгородец тихонько посмеялся, однако глаза его оставались серьезными, умными:

– Ты что же, мил человек, полагаешь, у меня надежной сторожи нет?

– Именно так и полагаю, – ничуть не смутился молодой человек. – Всего-то у тебя людей воинских полторы дюжины, может, две. Для серьезных-то дел маловато будет.

Михайло хмыкнул:

– А я и не собираюсь какой-нибудь там Жукотин на копье брать! И своего навару хватает.

– Так охранять ведь нужно навар, людишек-то много есть до чужого добра жадноватых.

– То так, то так... – купец пристукнул ладонью по столу. – Однако чужих людей – вас – мне точно не надобно. Как-нибудь и своими обойдусь.

– Это твое крайнее слово? – картинно нахмурясь, поинтересовался Егор.

– Крайнее. *Dixi et animam levavi!*

– Что-что? – Вожников удивленно вскинул брови.

– Поговорка латынская, – пояснил купец. – Я сказал – и душу облегчил.

Молодой человек неожиданно улыбнулся:

– Латынь знаете? Вот уж не ожидал.

– А ты, мил человек, какой иной речью владеешь? – осторожно полюбопытствовал торговый гость.

– Английский в школе учил, да еще немного французский знаю, – машинально отозвался Вожников.

Потом спохватился, встал:

– Значит, не договорились?

– Нет.

– Ну, тогда оревуар, господине Острожец, а лучше сказать – до скорой встречи!

– Век бы тебя не видать, – выпроводив незваного гостя, буркнул себе под нос купчина.

Постоял, посмотрел, как слуги закрывают ворота, да, поманив одного из них, приказал тотчас позвать приказчика Андрона, а уж ему – молодому, ликом неприметному парню со

светлой, как выбеленный на жарком солнце лен, бородкой – строго наказал узнать все про ватажку Антипа Чугреева.

– Насколько я понял – именно он у них атаман. И об этом выноше притком – Егорие – тоже узнай. Явился, ишь ты – наглый, как татарский сват!

Пока торговец Михайло Острожец инструктировал своего приказчика, «приткий вынош» Егор со своими людьми, срезав путь оврагами, направился к дальней корчме Одноглазого Нила – именно там была назначена встреча с атаманом и всеми прочими. Заодно Вожникову очень хотелось просто посидеть за столом с народом, попить свежесваренного пивка да послушать последние сплетни – говорят что-нибудь о нападении на людишек боярина Хватова или все путем, молчком? Очень интересно б про то узнать было.

До корчмы, впрочем, ватажники не дошли – повстречали своих, обрадовались, хоть идущий впереди Антип казался довольно угрюмым.

– Ну, как у вас? – первым спросил Егор.

– Да никак, – отозвался за атамана Никита Купи Веник. – Этот Истома Котлов, чертов жадюга... Да я б его голыми руками порвал!

– Вообще говорить отказался, – грустно подтвердил Окунев Линь. – Даже на порог не пустил.

– Засада! – Вожников покачал головой. – У нас тож ничего.

Чугреев зыркнул вокруг и сплюнул:

– Прав ты был, Егорий – поначалу надо б припугнуть, а уж потом разговоры разговаривать.

– Припугнуть и сейчас не поздно, – хмыкнув, Вожников неожиданно подмигнул ватажникам. – Ну, чего загрустили? Припугнем... Только сначала, думаю, посмотреть надо – кого ловчей пугануть. На всех-то сразу у нас силенок не хватит.

– Ты верно сказал, – кивнул атаман. – Пока на денек-другой затаимся – посмотрим, поглядим.

– Надо разделиться, людей за каждым купцом приставить, – заметил Егор.

– Сделаем.

– А что в корчме? – вдруг вспомнил Вожников. – Ничего такого не говорят?

Антип ухмыльнулся:

– Это ты про серебришко-то? Да глухо пока! Как мы и мыслили. Хватовские-то робятки не дураки, сбегли. Ищи их теперь.

– Будут искать, – вставил свое слово Окунев Линь. – Боюсь, как бы на нас не вышли.

– Не выйдут, – Чугреев скривился, почесав невидимый под одеждой шрам. – Мы к тому времени к какому-нибудь купчишке пристанем, да, Бог даст, опосля и уйдем.

– А куда мы уйдем, дядько Антипе? – вскинул глаза Федька. – Далеко, на Хлынов?

– Зачем на Хлынов? – атаман покачал головой и с неожиданной мечтательностью посмотрел на синее высокое небо с медленно плывущими облаками, похожими на клочья сахарной ваты. – Чай, и поближе ватажки удачливые найдутся. Вот к ним и пристанем. Сами оружны, хватки, сами себе – господа!

– Это хорошо, когда сами себе... – тихо протянул Федька и тут же прошептал себе под нос: – Только защитить, ежели что случись, некому. На себя одних и надежда.

– А ты как хотел? – хохотнув, Егор стукнул отрока по спине. – У свободных-то людей – на себя только надежда. Ну? Что тут стоять? Идем, что ль, Антипе?

Задумчиво сплюнув в траву, Чугреев махнул рукой:

– Иде-о-ом.

В тот же вечер, сиреневый и дымный, молодой ватажник Онисим Морда – давний напарник кривоносого детинушки Никиты, тоже парень не слабый, только вот малость трусоватый – оглядываясь, поспешал из корчмы... вроде бы как домой, в Большой посад, за большую трехглавую церковь Троицы на Устье. Туда и шел, да по пути, оглянувшись, свернул... к забубенной корчме Турухана Шепелявого, но туда не зашел, прошагал мимо, ужом в темный – меж заборищами огромными – проулок скользнул. А оттуда не вышел! За краснотала кустами досочку приметливую в заборчике отодвинул – шмыг... И оказался на заднем дворе небольшой усадебки, как раз у баньки, откуда, шайки да корытца едва не свалив, и выбрался, вызвав безудержный лай цепных псов.

– Тише, тише, собачища! – замахал было руками Онисим.

Потом подумал и ухмыльнулся:

– Да лайте, лайте, черт с вами – может, кто поскорее придет?

Так и случилось – и мига не прошло, выскочили на крыльцо трое дюжих молодцов-слуг: с дубинками, а один – самый хваткий – при сабле.

Ватажник ухмыльнулся, цыкнул слюной через выбитый зуб:

– Здоров, парни. Хозяин-то ваш дома ль? Я ему должок пришел отдать.

– Какой должно-ок?! – вскинулся подбежавший привратник. – Имайте его, робяты, он чрез ворота не проходил, проник, тать, непущенно-незванно.

– Цыть! – бросил тот, что с саблей. – Ты, Онфим, ворота лучше пушей сторожи! А энтого язм знаю – к хозяину поведу... Ну, ты! – он обернулся к Онисиму. – Пошли, что ль, раз уж говоришь, долг принес...

Хозяин усадебки, старший дьяк Ларион Степаныч принял ватажника хмуро, неласково. Отправив слугу прочь, кивнул вбок, на лавку – садись, мол, – сам же, в чернильницу яшмовую гусиное перышко макая, что-то писал.

Онисим Морда сидел смиренно, не шебуршился, нетерпение свое никак не выказывал, знал – дьяк его выслушает обязательно и со всем вниманием, и даже – а как же! – деньги или суконца отрез даст. Не впервой!

Вот и сейчас долго ждать не пришлось. Отложив перо, Ларион Степаныч осторожно присыпал написанное на пергаменте белым речным песочком и, подняв глаза, тихо спросил:

– Что зашел-то? Новости какие есть? Докладай.

Визитер радостно дернулся:

– Дак язм со всем нашим старанием!

По ходу его доклада смуглое, со впалыми, словно у болезного или недоедающего, щеками, лицо дьяка то хмурилось, то дергалось, а иногда – и озарялось неожиданной улыбкой, и тогда Ларион Степаныч даже весело переспрашивал:

– Так ты, говоришь, это ваши хватовское, от непотребных дев, серебришко имали? Ай, молодцы! А Еремей-то, дурень, на своих думает. Кстати, а их-то уж и в живых нет?

Онисим шмыгнул носом:

– Не, атаман хватовских отпустил зачем-то.

– Не дурак твой атаман! А что этот, ты говоришь – Егор... тоже в вашей ватажке, да?

– То так. Атаман к нему прислушивается. Кулачищи у Егория этого – у-у-у!

– Что, такие большие?

– Не. Дюже резвые.

– Угу, угу...

Встав с креслица, Ларион Степаныч прошелся по горнице, азартно потирая руки – интересные вести принес нынче Онисим Морда, забавный мог склеиться замысел.

– Значит, говоришь, ватажники твои гостей торговых промеж себя распределили?

– То так. Кому – Хлопок Дерюгин, кому Устюжанин, кому...

– Я помню, – деловито перебил дьяк. – Уточнил просто. Вот что, Онисим. Надо сделать так, чтоб ватага к Михайлу-новгородцу прибилась!

– Дак... – парняга развел руками. – Как так сделать-то?

– А это уж ты сам думай... – Ларион Степаныч немного замялся и, подумав, махнул рукой. – Впрочем, я тебе чуток помогу. Слушай сюда, паря!

На протяжении последующей седмицы с арендованными торговым гостем Михайлом Острожцем амбарами стало твориться что-то неладное. Один, где хранились медные поковки – уклады да крицы, – едва в одну ночь не сгорел, насилу потушили, а в другом – с тканями – вдруг завелись огромные черные крысы, уже успевшие испортить целых две штуки сукна – убыток немалый. Да и на конюшне кто-то потравил лошадей да волов, хорошо не всех, так, малость. И это после спокойной-то зимы, буквально за одну неделю, когда до летних путей – и речных и по суше – осталось-то подождать – тьфу!

Нервничал гость торговый, ходил задумчивый, злой, да ругался грубой немецкой речью. А что еще оставалось делать-то? Нет, конечно, без дела-то не сидел, меры принял – крыс погонял-потравил, да загнал в амбар наловленных приказчиками да слугами бродячих кошек, а в том амбаре, что едва не сгорел, велел ворота обгорелые покуда досками забить да охрану верную выставил.

Вот туда-то ватажники и решили наведаться! Опять – как и с крысами – Онисим Морда подсказал, он, оказывается, амбарцы-те и раньше, до того, как новгородец их арендовал, ведал, и как проникнуть внутрь – знал. У одного – бревнышко в венце нижнем подгнило, к другому – подкоп из овражка ближнего хорошо пошел. Так и сладилось, теперь еще одно осталось дело, последнее – охрану-сторожу купеческую окончательно в глазах хозяина уронить или, выражаясь по-умному – дискредитировать.

– Ди... кре... – попытался повторить Федька, да так и не смог, язык сломал, засмеялся:

– Вечно ты чудно глаголешь, Егорий!

– Мы их просто этак побьем малость, – пояснил мысли Вожникова Никита Кривонос. – А Михайло на них за это осерчает, прогонит. Кого тогда нанять? Тут и мы... – чуть помолчав, ватажник почесал кривой свой нос и с ухмылкой взглянул на Егора. – Ты ведь это хотел сказать, ась?

– Это, это, – кивнул молодой человек. – Толмач ты наш... Купи Веник.

– Думаешь, пора уже? – вскинул глаза Чугреев.

Вожников улыбнулся:

– А чего тянуть-то? Время-то на купца работает, не на нас вовсе.

– То верно, – тут же поддержал Купи Веник.

По всему видно было, затея Егора ему нравилась. Ворваться в амбар да намять бока охране, силушку да удаль свою молодецкую показать – весело, любо!

– Только смотрите, постарайтесь зря-то крови не лить, – предупредил Егор. – Незачем купца злить, коли к нему же наняться собрались.

Снаружи, на улице, шел, барабанил по крыше дождь, а внутри, в обширном амбаре, было уютно и относительно сухо. На большом кряже у самых ворот уютно горела сальная свечечка, сбоку светился недавно зашитыми досками почти сгоревший угол, ворота тоже починили, успели, даже засовец новый сладили – лучше прежнего вышел.

Охранников внутри было неожиданно много – целых шестеро, полдюжины мускулистых парней, нанятых торговым гостем еще в Ладогe. Трое азартно играли в кости, один дремал, привалившись спиной к бревенчатой стенке, а двое оставшихся должны бы были прохаживаться у ворот снаружи, да вот только кому же охота под дождем мокнуть? Вот и стояли, смотрели, как напарники кости метают, еще и комментировали ехидно:

– Эй, Киря, да кто так стакан трясет? Быстрее, быстрее надоть.

– Отвяньте, – лениво огрызнулся игрок.

Однако затряс стаканчик сильнее, загремел костяшками, бросил... Оп-па!

– Два на три. Хэ! Ну ты, Киря, и вобла.

– Сами вы воблы ржавые! – охранник нервно закусил губу, глядя, как трясет стаканчик соперник.

– Ну, ну, давай же скорей, не тяни!

– Нет уж – кости-то как след размешать надо!

Наконец, скривившись и шепнув что-то, метнул.

– Ха-ха! Пяток да четверочка! Ну, что Киряшка, гони монетину!

– Да забери! – пошарив в кошельке-кошке, проигравший с недовольным сопением вытащил серебряшку, оглянулся. – А вы что ржете-то? Стоят тут, как эти. Ржут, словно лошади. Пора бы уж вам и пройтись – эвон, дождик-то почти что и кончился. Скажи им, Ондрей!

Ондрей, суховатый, жилистый, лет тридцати с лишком, мужик, оставленный тут за старшего, распорядился:

– А ну, геть! Идите, пройдите. Да поглядывайте – не ползет ли какой гад с огнивом.

Второго пожара купчина нам не простит, выгонит.

– Да и пес с ним, – зло отмахнулся Киря. – Выгонит, так к другим наймемся, осталось до тепла всего ничего. Скоро ледок сойдет, дороги высохнут. Эвон, днесь-то жарило, как летом почти.

– Да не так уж и жарко было.

– Слышь, Ондрей, – сказал один из уходящих стражников. – Ты саблю дать обещал – мы б поучились, побились.

– Саблю им... Натe! Да смотрите. Чтоб не заржавела!

Старшой, повернув голову, проводил взглядом ушедших на улицу стражей, потом ткнул кулаком Кирию:

– Ворота за ними закрой. На засовец.

– Да зачем на засовец-то? – лениво поднялся страж. – Никакой тать сюда не ползет – дураков нет, знают, что сторожим, охраняем.

Тем не менее он все-таки исполнил приказ, краем глаза ревниво наблюдая за игроками. Потом прошелся, едва не споткнувшись о крицу. Сплюнул, присел:

– Вот не пойму я, Ондрей – чего купец наш железяки эти в этаку даль везет?

– То медь, Кирила. Многих денег стоит.

– Так она и у нас, на Руси, тоже стоит немало, – охранник усмехнулся и хмыкнул – костяшки у игроков легли не так чтобы очень – четыре на три.

– На Руси, Киря, сейчас, сам знаешь, разор – Едигеева татарва мнози земли пожгла, пограбила – и Переяславль с Ростовом, и Городец, и Нижний. Сам Василь-князь в Костроме схоронился-спрятался, а Москва за три тыщи рублей откупилась. Мало кто сейчас добрую цену за любой, хоть бы и нужный, товар даст. Вот все в Орду и едут.

В этот момент в ворота кто-то сильно ударил снаружи. Стражники враз бросили кости, похватав рогатины и сабли.

– Тсс!!! – налаживая самострел, прошипел старшой.

В ворота снова ударили, к тому ж еще и заругались:

– Отворяй, Ондрюш, дождище-то полил – ливнем!

– Тьфу ты, господи... Опять им дождь не понравился. Ну, дождетесь у меня...

Игроки вновь вернулись к костяшкам, Киря угрюмо опустил было рядом с ними на крицу, а старшой, отложив самострел, приказал отворить ворота:

– Все одно их сейчас менять. Эй, игрушки – теперь под дождь ваша очередь.

– Угу... Счас вот, остатний бросочек... А ну-ка...

Бумм!!!

Едва Киря, управившись с новым засовом, отворил створку ворот, как один из ворвавшихся с улицы ураганом неведомых шильников-татей огрел его дубинкой по башке, да так, что из глаз посыпались искры, а стены вокруг зашатались, поплыли... Остальные шпыни хватко приземлили остальных... кроме старшого – тот мигом схватил самострел, прицелился...

– Егорша, пасись! – предупреждая, закричал Никита Купи Веник.

Вожников сразу ушел вниз, пригнулся, пропуская просвистевшую над головой тяжелую арбалетную стрелу-болт. И, выпрямившись, попытался достать стрелка апперкотом. Не удалось, мужик оказался крученный, пряткий – вмиг отскочил назад, швырнув в нападавшего самострел, теперь уже бесполезный – заряжать-то некогда. Самострел угодил Вожникову в грудь, едва не перешибив ребра, некуда было отпрыгнуть – стена, а с другой стороны – крицы.

Ах ты гад!

Стиснув зубы, Егор снова бросился в атаку, не обращая внимания на боль, прыгнул вперед, ударил – слева, хук... достал-таки паразита в печень! А теперь – прямым в челюсть! Вот та-ак...

Стражник, впрочем, вовсе не осел, не отключился, просто отлетел в сторону, стукнулся затылком о стену, однако сознание не потерял, подхватил валявшуюся под ногами рогатину.

Вожников выхватил секиру:

– Ах ты так?

– Постой, – захохотал над ухом Никита. – Дай-ка я его... его же самострелиной.

– Стойте! – донесся вдруг громкий крик атамана. – Стойте, сказано. Гости к нам, точней – гость заморский.

Ватажники обернулись, с удивлением увидев входившего в амбар новгородского купца Михайлу Острожца.

– Ондрей, рогатину положи, – войдя, распорядился купец. – И вы, – он повернулся к Антипу. – Отпустите здесь всех.

– Отпустить! – бросил своим Чугреев.

Смущенно потупясь, с улицы, в сопровождении Окунева Линя и Федьки, вошли давешние стражи со связанными руками.

– Этих тож развяжите, – приказал атаман.

– Да-да, – Михайло Острожец покивал, обводя задумчивым взглядом всех. Глухо, с явным сарказмом, хмыкнул: – Да уж, и впрямь – места здесь беспокойные.

Потом неожиданно улыбнулся, искоса взглянув на Чугреева:

– Двоих здесь оставь – пусть караулят.

– Ась?

– Ну, раз уж я вас нанимаю...

– Понял! – враз оценив ситуацию, Антип повернулся к ватажникам. – Федька, Онисим... тут нынче сторожьте! Потом смену пришлю – до утра-то всего ничего осталось.

– Эй, вои, – презрительно шурясь, промолвил стоявший у стены старшой – бывший старшой, Ондрей. – Саблюку мою не потеряли?

– Не потеряли... Ее вон тот дядька забрал.

– Отдай, а! – старшой посмотрел на Микешу Сучка.

– Да-да, верни, – негромко приказал атаман. – Нам чужого не надо.

Сучок молча протянул саблю владельцу.

Кто-то вдруг всхрапнул, словно застоявшаяся без дела лошадь.

– Это еще кто? – удивленно моргнул Егор.

Все обернулись, ошарашенно глядя на безмятежно храпевшего у дальней стены парня с копной нечесаных светлых волос.

– Эй, эй, проснись, а! – усевшись на корточки, Ондрей похлопал спящего по щекам. – Вставай, говорю, чудо!

– Ась? – парень наконец-то проснулся, очумело глядя вокруг карими, широко распахнутыми после сна глазами. – Что, мне уже на сторожу пора? Моя очередь?

– Твоя, твоя, детинушко, – не сдержав улыбки, купец кивнул на Онисима Морду и Федьку. – Вона, с ними теперь сторожить будешь.

– Ага. Ой, а где рогатина-то? Кажись, здесь-от, в уголку, поставил.

Тут уж заржали-захохотали все, а бывший старшой Ондрей, отсмеявшись, сказал:

– Ну и горазд же ты спать, Кольша!

Глава 10

Драккаринг навстречу солнцу

Слаженно вспенив воду веслами, из-за излучины вырвалось на простор широкой Итиль-реки изящное быстроходное судно – узкое, с хищными обводами и искусно вырезанной головой медведя на форштевне. Что-то скомандовал кормчий – восемь пар весел разом поднялись... опустились... вновь поднялись.

Попробовав послунявленным пальцем ветер, кормчий махнул рукой:

– Мачту – ставь!

Четверо средних гребцов встали. Взметнулся к небу серый квадратный парус. Судно сразу рванулось вперед, полетело, взрезая волну острым килем.

– Теперь ни за что они нас не догонят! – потирая руки, довольно засмеялся сидевший у рулевого весла, рядом с кормчим, Антип. – Верно, Микеша?

Старый ватажник, разорившийся своеземец Микеша Сучок, был нынче за кормчего на первой ладье – ушкуе; второй, точно такой же восьмивесельный ушкуй едва только выворачивал, выплывал к середине реки, весла его были аккуратно уложены вдоль бортов, судно шло под косым парусом – вот взяло круто к ветру, повернуло – хлопнула крепкая шерстяная ткань. Отразилось солнце в бронях сидевших в ладье воинов – кольчуги со стальными вставками, кованые из плоских колец байданы, бахтерцы из продолговатых, налезавших друг на друга пластин, скрепленных кольцами, небольшие круглые шиты – тарчи – с большими округлыми умбонами, обитые по краям коваными железными полосами. А кроме того – сабли, шестоперы, секиры, метательные копья-сулицы, самострелы с луками, а на носу – блестел начищенной бронзой небольшой «тюфячок» – пушка. Больше, конечно, для острастки, но все ж, если умючи прицелиться, мало врагу не покажется! Чужой корабль разнесет в клочья! Ну, по крайней мере, корму или нос, а уж мачту-то снесет – попасть бы только!

С важностью, как и полагается первому помощнику атамана, расположившийся на носу ушка Егор нежно, как женщину, погладил пушечку, улыбнулся – прогресс, он и в Африке прогресс, тем более – здесь, на Итиль-реке – Волге.

Улыбнулся, обернулся, помахал кормчему:

– Давай, Кольша, поворачивай!

Кормчий – юный, лет шестнадцати-восемнадцати парень с копной светлых, как лен, волос, тот самый любитель поспать (его так и прозвали – Кольша Дрема или Кольша Дремов), ловко повернув весло, ткнул пальцем в бок зазевавшегося Федьку:

– Шкот тяни, чудо морское!

– Кто чудо морское? Я?!

– Тяни – сейчас мачту потеряем!

Эх, поздно сказал! Ветра порыв налетел с утесов, поднял волну, хватанул-закрутил парус... Схватился уж и сам Кольша за шкот – да поздно. С противным треском мачта переломилась и вместе с парусом тяжело повалилась в воду.

У, как загомонили на первой ладье, заулюлюкали! Как засмеялись, загоготали обидно.

– Ах-ха-ха! У-лю-лю! Эй, Егор, ты сам-то купаться собрался?

– Кольша, а ты, поди, понырять задумал?

– Мачту, мачту ловите – уплывет!

– Да и черт с ней, новую срубим, – в сердцах ругнулся Вожников. – Федька – давай ныряй. Твоя вина!

Ничего не говоря, Федька проворно скинул доспех и одежду, да бросился в реку – слава богу, уж ветер утих, волну сильно не гнал. Все равно едва не захлебнулся парень, однако ж

мачту сломанную ухватил, погреб левой рукой – тут и гребцы веслами взмахнули... оп! Ухватили и парнишку, и парус.

– Давай, Егорий, к берегу, – указывая на обширное, с желтым песочком, плёсо, крикнул Антип. – Там костры-пищу спроворим, там и ночлег.

– Понял, – снова погладив пушку (как видно, успокаивал нервы), первый помощник атамана обернулся к корме. – Кольша! Гребцами распорядись.

Кормчий важно кивнул:

– Левое плечо – гребь... р-раз. Правое – суши весла... Р-раз! Р-раз! Р-раз! Теперь левое плечо – суши, правое – весла на воду... Оп! Оп! Оп! Суши-и-и весла! Причальные на нос... брысь!

Егор подвинулся, давая возможность действовать причальной команде – двум шустрим парням-ватажникам, живенько подтащившим ушкой к самой мели за брошенный швартовый канат. Бросили и якоря, неглубоко – мель все же, но для такого судна – осадка в полтора локтя – никакая мель не страшна... ну, почти никакая.

Несмотря на конфуз с мачтой, Вожников улыбался, подставляя свежему речному ветру разгоряченное знойным солнцем лицо. Вдруг вспомнилась Ладога, как ходили с реконами на драккарах где-то под Приозерском, как попали в волну, гребли... А потом смеялись, пили... Хороший выдался драккаринг, как, Бог даст, и сейчас.

Кстати, юный кормчий Кольша Дремов, он ведь оттуда же был, с Ладоги, можно сказать – земляк. С раннего детства на большом челне с отцом за рыбой хаживал, пока как-то в бурю не сгинул отец да и все его родичи, а Кольша, помыкав горя, подался в ушкойники – те же ватажники, только на стремительных речных ладьях – ушкаях. Ох, как их боялись! И надменные москвиты, и белоозерцы, и особенно – ордынцы, татары. Эти аж плакали слезно, да князя московского Василия умоляли хоть что-нибудь с ушкойниками проклятыми сделать, а иначе – у-у-у – снова набег, и гореть, пылать огнем неугасимым коварной да сребролюбивой Москве! Туда, впрочем, ей и дорога бы, никто б особенно не расстроился, ни Ярославль, ни то же Белоозеро, ни Ростов, ни Нижний, а уж тем паче – Господин Великий Новгород. Хитра Москва, к своим жестока, к татарам угодлива – до Дмитрия Ивановича, отца нынешнего Василия, князя, дань для татар собирала, «ордынский выход». Сколько в Орду шло, а сколько к рукам алчных московских князей прилипало – знает ли кто? Потом сколько-то лет не платили – в Орде замятня была, два десятка ханов на престоле сменились, один другого побив. Не ясно было, кому платить, пришел какой-то непонятный темник Мамай, сказал – мне, а Дмитрий Иваныч ответил: шиш! Не ты хан истинный, а Тохтамыш, ему и платить буду, а ты – накось, поди, выкуси! Победили, разгромили Мамаевы рати на Куликовом поле, сразу к Тохтамышу, истинному царю ордынскому, гонцов – радуйся! Потом, правда, какая-то непонятка-разборка вышла – Тохтамыш войско на Москву послал, Дмитрий Иваныч сбежал, спрятался, семью свою бросив. Потом помирились, сговорились о дани, снова платить начали... Потом Тимур-Тамерлан, завоеватель грозный, до Ельца дойдя, Тохтамышевы рати побил. Побил и ушел – к себе в Маверранахр, там тоже что-то не шибко мирно было, да и в Орде снова – замятня. Опять некому платить. Потом Едигей, хан сибирский – откуда и взялся? – заново к дани принудил. Однако нынче слухи пошли – трон-то под ним шатается сильно. То людишкам вольным новгородским – ушкойникам – на руку. Им хорошо – Орде поганой плохо. Можно, да нужно, в поход – серебра-золотишка ордынского поиметь, да освободить христианские души – невольников, ярославцев, владимирцев, нижегородцев, рязанцев, новгородцев да тех же москвитов, всех, в набегах с Руси-матушки под татарское ярмо уведенных. Гори, земля, под ногами ордынскими, кипи от крови басурман Итиль-Волга! Во веки веков, аминь! Кто на Бога и Великий Новгород?!

Боевая речная ладья – отличное судно. На взгляд Егора, куда лучше того драккара, что в Приозерске реконы строили. Гладкая вся, верткая, быстрая – и под парусом идти может, и на веслах, осадка небольшая, мощный – из одного дерева – киль, восемь банок для гребцов –

восемь пар весел. Прозвали такую ладью ушкуем – так медведя белого новгородцы зовут, что в странах полных водится. Хитрый зверь, сильный, беспощадный, умный – как и все ушкуйные рати, а таких много – иногда и в сто, и в двести, и в триста ладей на Орду хаживали – жгли, устрашали, русскую мощь показывая, богатства привозили немеренные, а самое главное – полоняников выручали из гнусного ордынского рабства. Оттого и молились многие за ушкуйников, хоть, чего греха таить – лиходейничали, чего ж. Однако и о людях русских не забывали, а у тех, кто в Орде томился – всегда надежда была. Эх, если б не гад поганый – московский князь – двурушник чертов, ордынский прихвостень, – ежели б он не вставлял палки... Глядишь, и пала б Орда куда быстрее, глядишь, и кровь русская не так сильно лилась бы.

За этим-то они сюда и пошли, на Итиль. Нет, не за богатством – хотя и оно играло свою роль тоже, – а выручить пленников, целый список у новгородского гостя Михайлы Острожца имелся.

Вожников вспомнил, как комментировал, перечисляя, купец:

– Игнатов Парфен, златых дел мастер из Ярославля, за него отец целую полтину дает, а ордынец в пять раз больше просит, иначе, говорит, убьет просто или в Сарай продаст – а там ищи-свищи. Заглодов Кувал, владимирский гость торговый, также у того же ордынца – тот просит дорого, а мы куда меньше возьмем... Кузнец местный, Аким, за дочерей да жену свою, да за сына малолетнего, Митрия, просил, коли кто жив, их этой зимой угнали. Онисим Микулич, земляк, гость новгородский заморский много за кого просил... тут указаны. Все, за кого прошено, у одного – сотника татарского Берды-бея. В Жукотине того Берды-бея искать.

– А как так случилось, что все к одному попали? – удивился тогда Егор.

Купец лишь прищурился, однако пояснил, не важничая – это, мол, Егор, список так составлен – чтоб под именно этого сотника.

– Он где-то там, под Жукотином, летом кочует – стада там у него, земли, и пленников там же, при себе, держит. Ваше дело – кочевье его сыскать и... ну, дальше понятно. Да! – опять же, предупредил Михайло. – Ежели там и других полоняников ослобоните, за коих никто не просил, не платил... что ж – пушай с вами домой возвращаются или наособицу, коли в ладьях места на всех не хватит.

– Думаешь, много таких будет?

– А то ж!

Вожников только диву давался: вот так и вел новгородский гость свой побочный бизнес – цинично и вместе с тем христолюбиво: снарядил, вот, ватажку, да послал из плена освободить – но плату, надо сказать, с родственников брал умеренную, куда меньшую, чем выкуп в Орде просили. Ладьи-ушкуи за свой счет снарядил, а ватажку и нанимать не надо, так что еще непонятно, кто кого весной развел – Чугреевы людишки купца или он их.

– Я в Нижнем буду, – напутствовал ватажку Михайло. – Усадебка там у меня, как раз близ речки, попочевать можете, сколь хотите. Вернетесь и с честью да с людьми, – хорошо, а ежели по пути богатств ордынских прихватите – то еще лучше. За оружие да ладейки расплатитесь – и свободны... хе-хе... может быть.

Антип зыркнул исподлобья:

– Чего ж может быть?

– А взаимовыгодные-то дела зачем прерывать-то?

Так и сговорились, сладились, да как чуть спала вода – пошли с другими купцами в Нижний, там Острожец без обмана ушкуи да оружие купил, а потом вновь на последнее слово вызвал.

– Предупредить хочу – по пути в Жукотин чтоб нигде не безобразили, туда с вами два важных человека едут, в Булгар-город – почти по пути – их доставите с честью. Да вот они...

Он кивнул на сидевших поодаль – а дело было в корчме – мужиков в недешевых кафтанах, да еще и со свитой. Только эти мужики подошли, как Чугреев с Егором ахнули, разом узнав:

– Иван Борисыч! Данило! Вот так встреча.

Братья, впрочем, особого восторга не выказали:

– Встреча как встреча.

К Егору, правда, отнеслись милостиво, старший, Иван Тугой Лук, даже спросил:

– Ну, как жизнь, Егорша?

– Да помаленьку идет.

– Ты захаживай к нам, пока в пути. Поболтаем.

Вожников заглянул к Борисовичам уже ближе к ночи, когда ватажники, выставив часовых, легли спать – кто в шалашах, кто в ушкуях, а кое-кто – и просто на траве, бросив под себя кафтан или плащик. Братья, однако же, разбили шатер – конечно, не сами, окромя воинов крутилась около них всякая теребень, видать, наняли слуг.

– А, Егорша! Явился, так заходи, гостем будешь. Медку стоялого хошь?

Молодой человек и не думал отказываться: дают – бери, бьют – беги. К тому же медок оказался вкусен и хмелен изрядно.

– Ух, хорош! Ну, за ваше здоровье.

– И тебе, Егор, не хворать. Как житье-бытье-то?

Братьев – видно было – с выпитого тянуло поболтать, просто так, «за жизнь», и Вожникова-то они, судя по всему, для того и позвали – пообщаться. А с кем еще? Ну, не со слугами же? Кстати, новоявленного атамана Антипа Чугреева Борисовичи, как и раньше, себе ровней не считали, разговаривая, цедили слова через губу. А вот с Егором общались нормально – пусть немного с покровительством, но вполне задушевно – чувствовалась во всем этом какая-то тайна, и Вожников надеялся ее со временем раскрыть – все ж до Булгара самого плыть вместе с князьями.

– А что вы не в моем ушкуе плывете? – вскользь поинтересовался Егор. – Глядишь, веселей было б.

Братья быстро переглянулись и старший ответил:

– Веселей-то веселей... Одначе – невместно. Ты, Егорша, хоть и знатного роду, но о том никто, кроме нас, не знает-не ведает, так?

– Ну... так, – озадаченно кивнул невесть с чего записанный в «феодалную знать» Вожников.

– Антипка же – атаман, главный здесь, то все признают, – наставительным тоном продолжил Иван Борисыч. – Вот и мы должны, чести не роняя, в головной ладье плыть. Усек?

– Усек, – улыбнулся Егор и, покачав опустевшей кружкой, напомнил: – А медовуха у вас добрая!

– Так пей еще! Эй, кто там есть? – младший братец, Данило, высунулся из шатра, подзвав слуг. – Живо тащите еще кувшин.

– Не боитесь, что кончится? – хмыкнул молодой человек.

Иван Борисович махнул рукой:

– Не кончится, взято изрядно. Хотя, бывают, попадутся такие «питухи», что никакого хмельного на них не напасешься! Но ты ведь не из таких, одначе.

– Не из таких, – вспомнив Серафиму-волшбицу, поспешно заверил Вожников и тут же, не удержавшись, спросил: – А вы водку когда-нибудь пивали?

– Водичку? – братья снова переглянулись, на этот раз – словно два заговорщика.

Слово «водичка» Иван Борисович произнес с ударением на первый слог – «вóдичка».

– Монахи латынские ее еще аква витой называют, – сказал Данило Борисович. – Ух, и крепка, зараза! Прямо огонь жидкий.

– А ее вообще где можно купить?

– Рано тебе о вóдичке думать, Егор, – Иван Борисович строго погрозил пальцем. – Жену б себе лучше приискал – чай, не такой уж и молодой выюнош.

Егор расхохотался:

– Ой, хомут-то себе на шею повесить всегда успеется.

– Всегда, да не всегда, – туманно заметил старший брат.

И, чуть помолчав, поинтересовался списком пленников, теми, кого ватажники собрались выручать из татарского рабства.

– Да много кого надо бы выручить, – пожал плечами молодой человек. – Слава богу, все у одного человека, какого-то там сотника. Если, правда, список не фальшивый, а то получится как у Ильфа и Петрова с отцом Федором.

– Отец Федор! – разом воскликнули братья. – Это ж, так понимаем, духовник твой? Он жив ли?

– Вот это – навряд ли.

– Тогда помянем, – Борисовичи подняли кружки.

Выпили. Посидели немного молчком, послушали, как верещит где-то совсем рядом сверчок.

– Михайло, гость новгородский, почитай всю округу объездил, порасспросил, – тихо произнес Данило. – Где у кого кто.

Иван Борисович вскинул глаза:

– Слушай-ка, Егор – а князь с Воже-озера, Нифонт, за племянницу свою не просил? Брата Михаила, покойного князя, дочку. Да ты ее знать бы должен... Еленой звать.

– Да много у меня Ленок знакомых, – сказал Вожников. – Но в списке я никаких Лен не видал.

– Станет Нифонт племянницу искать, как же! – младший брат похихикал. – Себе-то на голову, ага! Елена, замуж ежели за князя какого выйдет – тот все права на престол в Воже-озере иметь будет, Нифонт-то от худородной жены, робичич! А вот Егор... ну, рассказывать о себе не очень-то хочет – ладно. Может, и скажет когда...

– А не сам ли Нифонт племянницу к татарам спровадил? – тихо спросил Иван Тугой Лук.

Спросил и сам же ответил:

– Не-е... Куда легче было бы отравить – дескать, в лихоманке сгорела.

– Может, он и хотел отравить, – сказал Данило, – да тут татары в набег – как нарочно. Нифонт – в бега, войска собирать, а Елена... Елена татарам досталась, как уж князь ни кручинился, как ни плакал, племянницу жалея... А искать-то, вишь, никого в Орду не послал.

– Вообще-то, татары сами б о ней сказали, если княжна, – резонно заявил Иван Борисович. – Что им, выкуп хороший помешал бы?

– Не помешал бы. Может, они и слали гонцов... да только кто знает, что Нифонт-князь с ним сделал, а?

Братья посмеялись, снова налили, выпили, потом Данило Борисович вдруг захрапел, заклевал носом и старший брат.

Вожников хмыкнул – время-то детское, вряд ли сильно больше полуночи. Однако в эти времена ложились рано, и так же рано – с первыми лучами солнца – вставали. Чего зря светильники жечь, да по телевизору никакой интересный фильм или передачу острую не покажут – за неимением телевидения.

Выбравшись из шатра Борисовичей, молодой человек неожиданно для себя зашатался – стоялый медок оказался напитком коварным. Голову вроде не сильно кружило, но ноги такие коленица выписывали – будьте-нате! Этакое па-де-де из балета «Щелкунчик». И еще... И еще

рвать тянуло со страшной силой... Егор не стал противиться этому позыву, да и не смог бы – склонился у ближайших кусочков, зарычал утробно...

– Кто здесь?! Стой! – тут же послышался из-за кустов строгий голос.

Вожников выпрямился:

– То я. Егор.

– Ах ты ж, господи... А язм думал – татары! Уже и стрелочку хотел на звук метнуть, да поднять тревогу.

– Это ты поторопился...

Затрепали, зашевелились кусты, и в свете тусклого месяца молодой человек узнал часового:

– Здоров, Онисим. Кто тебя меняет-то?

– Дак Никитка Кривонос, кто ж? Чевой-то долгонько его нету – уж пора бы.

– Какое – пора? Еще только ночь началась, так что служи, Онисим, тащи гарнизонно-караульную службу с достоинством и честью!

Негромко засмеявшись, Вожников похлопал ватажника по плечу и, подумав, зашагал к реке, к ушкам – где-то там, прямо напротив, ладил шалашик Федька. Пусть уж подвинется, ничего, не на улице же спать – хоть и тепло, да комаров много.

После ухода Вожникова ватажник Онисим Морда спустился к плесу и немного побродил по берегу, прислушиваясь к доносящимся с середины реки звукам – похоже, играла какая-то крупная рыба – стерлядь? осетр?

Ничо! Онисим неожиданно для себя улыбнулся – поедим еще осетров! Лишь бы дьяк не обманул, сполна б рассчитался! А вообще... тут Онисим сник... лучше было бы никуда из Белеозера не уходить, с ватажниками в далекие края не подаваться! Он-то б и не подался, кабы не Ларион Степаныч! Сперва-то, услышав про то, что ватажники и купец Михайло Острожец собираются в Нижний Новгород, а потом и дальше, дьяк зло прищурился и хотел было – по крайней мере, так показалось Онисиму – дать приказ имать всю ватагу, однако... Однако почти сразу раздумал.

– А пущай себе идут! – сказал. – Острожец тут, в Белеозере, амбары себе купил, да двор собрался строить – так что к зиме вернутся.

– Дак, а я-то?... – несмело спросил парняга. – Мне-то что делать?

– А ты, Онисим – с ними. Поперек всех в пекло не лезь, да все запоминай – особенно про новгородца – где, да что, да с кем? После мне все в подробностях доложишь.

Онисим Морда, само собой, погрустнел – не очень-то ему и хотелось в какой-то там набег с ватагой! Это черт-те куда на ладьях-ушках грести, да с ратными людьми татарскими биться... Господи, уж куда лучше было бы на Белоозере спокойненько кистеньком в темных проулках помахать. Да, не худо бы. Одначе ж не себе пока хозяин – и не откажешься ведь никак, себе дороже станет!

Вот и подался трусаватый Онисим Морда с ватажниками в далекий поход, в неведомые ордынские земли, что по широкой реке Итиль-Волге. Пока до Нижнего добрались с караванами, пока ушкуи купили, пока то да се. Вроде, тьфу-тьфу-тьфу, и неплохо покуда все складывалось – простившись в Нижнем с купцом, плыли себе и плыли, сами никого не трогали и к ним никто не приставал – боялись. А ну, пристань-ка – когда оружные – молодец к молодцу – да еще тюфяк-пушка!

Онисим вдруг подумал про купца Острожца – а ведь тот очень даже хитер оказался! Нашел, куда ватагу послать, одним махом убивал двух зайцев, то есть какого-то одного, не того, так другого: ежели у ватажки все хорошо пройдет, ежели освободят пленников – так купчина в большом прибытке, нет – тоже не беда, сгинет ватага – туда ей и дорога. Ах, как

ловко все рассчитал, пес! Да и старший дьяк от него недалеко ушел, собачина та еще – видать, соглядатаев себе нашел изрядно, так что одного с ватажкой послать – а чего б нет-то?

Походив вдоль берега, Онисим Морда поднялся чуть выше от плеса, присел, прислонился спиной к широкой березе... или к какому иному дереву, не особо-то сейчас было и видно. Кругом стояла полная тишь, если не считать плеска волн да негромкого скворчания сверчков... А вот – забила крылами крупная ночная птица. Филин? Неясыть?

Онисим испуганно перекрестился.

Переночевали, впрочем, справно – никто не напал, да и кто на оружных нападет-то? Видно же сразу – не купцы.

Чугреев все ж предупредил:

– Посматривайте, паситесь! По ордынским землям идем... хучь и по воде – так молвить лучше.

Еще плыли полдня, потом – вот так же, как в прошлый раз – без всяких приключений заночевали, а на следующее утро разделились.

– Мы с Борисовичами в Булгар поплывем, вниз по Итиль-реке, как и плыли, а ты, Егорша, с ушкуем своим скоро повернешь на левую руку – к Жукотину, там река большая...

– Знаю, – кивнул неплохо представлявший себе карту Вожников. – Кама. Знаю. Это нам вверх по течению плыть?

Антип махнул рукой:

– Да недолго, и течение там невеликое – река-то широченная, ух! В Жукотин придете под видом купцов-выкупщиков, Иван вон Карбасов с Линем, – вожак кивнул на ватажников, – там все знают, и по-татарски говорить могут. Сведут, с кем надо – визнаете поточней про того сотника, а потом... Потом недалече, у мыска приметного, встретимся.

Дальше Чугреев не уточнял – и так было ясно, что веселый налет ушкуйников не сулил ничего хорошего бедолаге-сотнику и всем его людям, не считая, конечно, пленников. А вот нечего за счет невольников жировать, рабовладелец чертов! Таких козлов не жаль нисколько!

Оделись для визита соответствующе, сменив доспехи на армяки, зипуны да кафтаны – будучи за старшего, Егор как раз в кафтане и красовался – темно-голубого немецкого сукна, украшенном витыми серебряными проволочками. Подарок новгородского гостя Михайлы Острожца, щедрости которого, однако, хватило лишь на вожakov, «гражданское платье» остальных ватажников выглядело куда проще: армячки, зипунчики. Хотя армяк – тот же кафтан, только покороче да из более грубой ткани, да и зипун – то же, только без ворота. Если о статусе вещей рассуждать, так кафтан – дорогой пиджак, а армяк с зипуном – джинсовые куртки.

– Оружие на виду не держите, – инструктировал атаман. – Татары такого не любят. Пушку спрячьте с глаз, зря на рожон не лезьте. Ну, удачного пути!

– И вам того же!

Попрощался Егор и с Борисовичами – те тоже соизволили пожелать доброго пути и удачи, даже похлопали по плечу этак снисходительно, как генерал какого-нибудь там лейтенанта. Вот жлобы-то! Можно подумать, не с ними позавчера в шатре квасил да байки травил!

Река Кама, куда вскоре свернул стремительный ушкой Вожникова, оказалась весьма широкой, даже можно сказать – широченной, даже шире Итиля-Волги. В месте впадения шарово-серые волны играли пеной, крутили воронками – опасное было место, впрочем, его быстро прошли, по совету Окунева, прижавшись ближе к левому берегу. Тут многое зависело не только от кормчего, но и от слаженной работы гребцов, коих Егор поначалу поддерживал криками «Давай, выгребай, парни!» – а потом и сам уселся на банку, сменив утомившегося вконец Федьку.

Ударили в лицо брызги, тяжелая волна гулко ткнулась в борт, ухнула этакой плюхой, едва не перевернув суденышко.

–левой – таба-а-ань! – навалясь на рулевое весло всем телом, истошно закричал Кольша. – Та-ба-а-ань!

Вуххх!!! Снова волна в борт – подхватила, понесла к берегу – прямо на острые черные камни.

– Правой!!! – резко переложив руль, скомандовал кормчий. – Живо, мать вашу так! И-и-и... р-раз! И-и-и... р-раз!

– И-и-и – р-раз! – в голос поддержал Вожников. – Р-раз, р-раз...

Тяжелое весло ухнуло в воду, сперло, перехватило дыхание... Еще гребок... еще... Опять ударила волна, на этот раз – в корму, едва не смыв рулевого. Завыл ветер, слава богу, хоть парус убрали заранее, сложили мачту.

– Раз! Раз! Раз!!! – отплевываясь от воды, продолжал командовать Кольша. – Левый борт... загре-бай! Теперь – табань! Правый!

Ватажники подчинялись парню беспрекословно, знали – все сейчас зависит от умения кормчего... И кормчий не подкачал, вывел, провел ладью меж камнями, увел на чистую воду, в густо-синюю ширь, навстречу выглянувшему из-за облака солнцу.

Лучи светила золотым дождем упали вниз, резко утих ветер. Ушкуй медленно шел вдоль берега, можно сказать, в полной тиши, лишь ласково, словно подлизываясь, плескали в борта волны, не имевшие никакого сравнения с теми, что были до этого.

– Хухх!!! – выдохнув, оглянулся с передней банки Окунев Линь. – А ведь прошли, кажется. Эй, Кольша-а... Эй...

Он внезапно запнулся, а Вожников, привстав, хотел что-то сказать... но тоже не стал: Кольша Дрема, юный ладожский кормчий, привалился к тяжелому рулевому веслу и, не стесняясь, плакал.

Видно, сильно переживал парень!

Жаловался:

– Нынче Господь упас! Я ж здешние мели не ведаю-у-у-у!

Да, вот вам и кормчий... Однако другого-то не было. Этот хотя бы, как управляться с ладьей – знал. Не такое уж и простое дело.

– К берегу, – оставив весло Федьке, Егор перебрался на корму. – Передохнем малость.

– Зачем? – утерев слезы рукавом, неожиданно возразил юноша. – Зачем зря время терять? Река здесь спокойная, течения уже почти что и нет, да и ширь! Загляденье. А ну, парни – ставь мачту, вздымайте парус! Под ветром пойдем – отдохнете.

– Как скажете, господин капитан! – громко расхохотался Вожников, глядя, как ватажники сноровисто ставят мачту.

Вздернулся серый косою парус, затрепетал, поймал ветер. Судно дернулось, пошло, не быстро, но и не так уж и медленно.

– Вот и славно! – Егор достал из кормового ларя объемистую плетеную фляжку, выпил, да, крякнув, передал кормчему.

Назвал уважительно:

– Пей, Николай! Да потом все за твое здоровье выпьют!

Кольша разубался, весь такой довольный, сияющий... даже чуток заскромничал:

– Ничо! У нас на Ладого такие волнищи бывают, куда там этим.

– Слава кормчему! – сделав еще один глоток, Егор перебрался к Федьке.

Отрок и все остальные ватажники поддержали нестройным хором:

– Слава!

Все ж видно было – большинство ватажников (тот же Федька) отходили от пережитого медленно, на лицах некоторых так и застыл ужас... Кто-то даже крестился:

– Ох, сгнули бы! Упасла Богородица, свят, свят, свят!

Вожников, как старшой, тут же принял все меры к повышению настроения ватаги, принялся громко рассказывать анекдоты, шутить, даже предложил дать название «нашему грозному крейсеру».

– Предлагаю на выбор: «Титаник», «Беда», «Черная каракатица»! Нет, первые два все же не стоит. О! Вот хорошее имя – «Антилопа-Гну». Кто за антилопу, прошу поднять руки. Кто воздержался? Кто против... советской власти? Принято единогласно, так и постановили – нынче кораблику именоваться «Антилопой».

– Что там у нас впереди? – Егор поднялся на ноги, шурясь от бьющего в глаза солнца. – Плес! Чебоксары, как сказал Киса Воробьянинов, когда мимо их с Остапом челна проплывал уж не помню какой по счету стул. Не Чебоксары, нет? Наверное, еще и нету такого города, а, что скажешь, Линь? Какие тут поблизости города, кроме Жукотина?

– По левую руку, за утесами – Керменчук. Рынок там работорговый, да и так ране был великий город, пока Хромой Тимур не пожег. Он и Булгар спалил, и – во-он там, по правую руку, Биляр, и многие города ордынские, – ватажник зло сплюнул. – Туда и дорога, стервятникам, кровью русской живущим! А вот и пятнадцати лет не прошло, а уж отстроились все пуще прежнего. А что ж им не отстроиться-то – рабов-полоняников много! Да и пути торговые – на север, в Хлынов – в Полночные земли до самого моря студеного, вверх по Итилю – на Русь, вниз – к Сараю, да чрез море Хвалынское – в Персию. Персы рабов скупают охотно, хорошую цену дают.

– Дядько Линь, а Жукотин Хромец тоже палил? – живо поинтересовался Федька.

Ватажник в ответ расхохотался:

– Жукотин, паря, кто только ни грабил, ни жег! И князь Звенигородский Юрий, и хлыновские ушкуйники... Скоро, видать, захиреть сему городку – дорожа-то знаемая!

– Жу-ко-тин... – мечтательно прикрыв глаза, почти по слогам произнес Федька. – Улыбнулся: – Интересно поглядеть будет.

– Поглядишь еще, – хмыкнул Линь. – Увидишь.

Вольготно расположенный на правом берегу широкой Камы Жукотин (или, как называли его татары – Джукетау), как и почти все ордынские города, лишенный крепостных стен, растекаясь вдоль реки саманными домишками, оштетинился минаретами и дворцами знати, ловя солнце синими куполами мечетей, шумя базарами, караван-сараями, сияя окладами слюдяных – и даже стеклянных! – окон в домах богатых купцов – торговцев живым товаром.

С полсотни кораблей, в их числе и тяжелые крутобокие персидские суда – швартовались в порту, над лесом мачт орала белые чайки, кругом пахло свежепойманной рыбой и какими-то водорослями, а с другого берега ветер приносил явственный запах гари. Кого только ни встретишь в порту, на Большом рынке, на площадях и пыльных улицах – кого только ни было здесь, каких только людей, занесенных либо злой неволей, либо авантюрным ветром надежды. Темноокие и светлоглазые татары, частью даже блондины – не отличишь от русских! – кто-то из них называл себя прежним именем – болгары, а кто-то с гордостью откликнулся на имя кыпчак, смуглолицые охотники мари, лесовики эрзяне, что били стрелой белку в глаз, рыжебородые персы-купцы, привезшие пряности и драгоценную посуду в обмен на белотелых русских рабынь – о, их было во множестве! И рабыни, и рабы – в Орде – самый ходкий товар, державшийся в самом черном теле. Впрочем, многих, кто познатней, голодом да тяжким трудом не морили – ждали выкупа, целый промысел на этом выстроен был – хорошо налаженный бизнес.

Лишь Окунев с дружкой своим Карбасовым Иваном не новички в Орде были – когда-то им из рабства удалось счастливо бежать, редко, но все же случалось и такое. Тем более сейчас, когда вольные люди ушкуйники наводили на татар ужас не меньший, а, может, и больший, чем когда-то – не так уж давно – Тимур.

Услышав наивный вопрос Егора о сотнике Берды-бее – как, мол, его тут, в таком многолюдстве, искать? – друзья лишь хмыкнули.

– Ничо, Егор! Чай, не иголка – сыщется, надо только места рыбные знать.

«Рыбные» места эти крученые мужички знали – сунув коренастому востроглазому молодцу в синем просторном халате – портовому чиновнику – несколько серебрях – тамгу, у него же что-то спросили по-татарски... или, лучше сказать – по-тюркски – язык кыпчаков-половцев был в Орде государственным.

– Туда, туда, – проворно убрав денежки, молодец замахал рукой. – До базара, а там спросите – всякий покажет. Якши!

Прятели переглянулись:

– На базар так на базар. Пошли, Егорий.

– А как же мы найдем его, этот базар? – на ходу выпрашивал Федька, взятый Вожниковым с собой по его же, Федькиным, настоятельным и слезным просьбам.

Вот хотелось парню город посмотреть, пуще неволи хотелось!

– Да найдем, – отмахнулся Окунев. – Чего его искать-то? Вон, куда все люди идут – туда и мы. А там спросим.

– Эй, ты только пасись, Федя, – на полном серьезе предостерег Егор. – Отстанешь от нас, потеряешься, тут тебе и пропасть! Накинут из-за угла на шею аркан, схватят, в неволю уведут – и глазом моргнуть не успеешь!

– Что, правда, что ли? – оглядываясь вокруг, опасливо молвил отрок. – Не-е, я от вас никуда... Да и кинжалец при мне, и кистенек... ежели что – уж от души огрею.

– Ишь, молодец – кистенек прихватил.

– А как же!

На просторной базарной площади шумел, колыхался рынок. Сотни людей, гул, запах давно не мытых тел и верблюжьего помета перебивался дымом жаровен, на которых жарили мясо, тут же и продавали, завернув в тоненькие, выпеченные рядом, в глинобитной печи, лепешки.

Бросив торговцу пару медях, ватажники наскоро подкрепились в тени высокого карагача, затем Линь позвал босоногого мальчишку-водоноса, купил на всех четыре стакана воды. Напились. Окунев что-то спросил... кивнул, обернулся к старшему:

– Тут недалеко, Егорий. Водонос сказал – сразу за мечетью.

За приземистую, с высокой иглой-минаретом – мечеть вела узенькая кривая улочка, залитая нечистотами, впрочем, успевшими уже подсохнуть. Вожников все же брезгливо сморщился, даже заткнул пальцами нос. И все же тут было как-то уютно – тихо, шум рынка остался там, за углом, за мечетью.

– Эвон, кажись, эта корчма, – замедлив шаг, задумчиво молвил Карбасов. – Линь, что татарчонок сказал-то?

– Сказал – там и увидите харчевню рыжего Хаттадина. Ну да – она и есть. Вон, на дворе – рыжий.

Вожников распахнул глаза. Почти весь небольшой, с широкими, гостеприимно распахнутыми, воротами, дворик занимал невысокий глинобитный помост, застланная коврами площадка под матерчатым навесом от солнца, на которой, прямо на ковре, поджав под себя ноги, степенно сидели седобородые старцы в белых чалмах, неспешно беседовали и что-то пили из больших, белых, с голубыми узорами чашек. Кроме сих аксакалов, в дальнем углу, под платаном, тусовалась компания с полдюжины человек – эти были помоложе, кто-то в чалме, а кто-то и в круглых, расшитых мелким бисером шапочках, несколько похожих на тюбетейки. Рыжий – рыжебородый – мужик в сером тюрбане и таком же сером халате деловито крутился

у летней кухни, время от времени по-хозяйски покрякивая на полуголых невольников явно славянского вида.

– Вах! Дабро пажалвать, руси! Захатди, гости! – заметив потенциальных клиентов, рыжебородый сразу же побросал все свои дела, подскочил, изогнулся в поклоне. – Что хатите, уважаемые? Рыжий Хаттадин – это я – исполнит для вас все! Хатите – вкусный еда, питье... тсс! – рыжебородый опасливо оглянулся на аксакалов, – вино даже! Есть, есть у меня и вино, очень вкусное вино из страны руми... умм! Нектар! А, может, вы хотите гурий?

– Нам бы найти кое-ко... – забывшись, начал было Федька, но Окунев Линь осадил его сильным тычком в бок.

– Конечно, мы испробуем твоего вина, уважаемый Хаттадин, – сложив руки на груди, вежливо поклонился ватажник. – Укажи нам место, где бы мы смогли вкусить твоих яств и насладиться неспешной беседой.

Владелец харчевни просиял лицом:

– А вот! Суда прахатдите.

Усадив гостей, Хаттадин убежал к кухне, и Окунев недобро глянул на Федьку:

– Зря его взяли, Егорий! Мельтешит только без толку. А в Орде торопиться не надо – тут только тати торопятся, степенные же люди степенно и разговаривают.

– Понятно, – усмехнулся Егор. – Восток – дело тонкое. А ты, Федя, не сопи и не обижайся – Линь дело говорит, слушай знающего человека, внимай благоговейно.

– Да язм слушаю. Не буду больше перебивать, вот вам крест...

– И не крестись! Забыл, где мы?

Тем временем рыжебородый самолично принес гостям сочных и горячих пирогов с кусочками жареного мяса и риса – этикие вкуснейшие, проглотить язык, беляши, – кроме того, подал мясо и просто так, на большом блюде, сваренное кусками. Подмигнув, притащил и пиалы – с вином, не обманул магометанин! – и вкусные медовые шарики-заедки – чак-чак.

Улыбнулся, поклонился, предупредил:

– Вино только пейте тихо. Песен не пойте.

– Хорошо, – кивнул Егор. – И голыми при луне танцевать не будем, нет у нас такого желания. Так что, – молодой человек взглянул на Линя, – мы точно туда, куда надо, пришли?

– Туда, – Окунев смачно облизал жирные после беляша пальцы. – Обождать только немного надо, ага.

– Обождем, – Вожников отпил вина – и в самом деле, очень даже неплохого, похожего на то, что он покупал как-то в Париже за два евро – и скосил глаза на Федьку: – Ты что там увидел-то? Гурию?

– Не, – помотал головой парнишка. – Отрок там, у печи, с дровами. Вон, потный весь... на Олексашку, брата моего покойного младшего, похож. Знаешь, Егорий... а я ведь его как-то на рынке, на Белеозере, видал, да! Два лета назад, может, три... Да! Я как раз уклад для нашего кузнеца покупал, с хозяином, своеземцем Игнатом, и ездили. Так этот парень все у кузнецких рядков крутился, я еще думал – как бы «кошку» с серебрящем не спер, но то хозяйские заботы – кошка-то у хозяина, не у меня.

Выслушав краем уха, Егор тоже взглянул на юного невольника – лет двенадцати, тощего, в драных штанах, с исполосованной многочисленными шрамами смуглой спиной.

– Да-а, видать, несладко тут парню.

– У каждого своя судьба, – философски заметил Линь. – Мыслью – вот теперь пора и к делу. Как раз и хозяин идет.

Получив расчет, рыжий Хаттадин, однако, не уходил, все стоял над душой и что-то пытался рассказывать, да ведь и рассказывал – пришлось слушать, перебивать казалось невежливым. Наконец, Линь таки улучил момент.

– С выкупом приехали? – ничуть не удивился хозяин харчевни. – Я так и паддумал. Сейчас вас с кем надо сведу.

Чуть поклонившись, он быстро отошел в дальний угол, к той самой подозрительной компашке, наклонился, что-то сказал. Один из пирующих, молодой парень лет где-то под тридцать, тотчас встал и, подойдя к ватажникам, без лишних церемоний присел рядом:

– Я – Алим Карзай. Вам, так мыслю, – ко мне.

По виду – типичный русак, правда, в длинном татарском халате с синим шелковым поясом, в шальварах и небольшой бархатной шапочке – среднего роста, с округлыми плечами и круглым, довольно-таки нахальным лицом, он сильно напоминал Вожникову тех вертких молодцов, что крутились когда-то в девяностые на всех людных углах с картонной рукописной табличкой «Куплю всё!»

Такой вот был тип, судя по глазам да речи – скользкий. Ишь ты, Алим. Магометанство принял, ага... теперь подвизается тут с выкупами, выжига!

– Сотник Берды-бей? – переспросив, выжига кивнул. – Конечно же, знаю такого. За скольких невольников вы, уважаемые, привезли выкуп? За кого именно, могу уточнить?

– Да можешь, – Егор достал из-за пазухи свиток, развернул. – Игнатов Парфен, ярославец, золотых дел мастер...

– Сразу скажу – этот дорого станет, – деловито перебил Алим. – Все мастера дороги. Хватит ли средств? Да вы не обижайтесь, я ж для вашего блага спросил. Кто еще?

Вожников быстро перечислил всех, без указания, кто за кого просил... потом вдруг вспомнил еще:

– Да, чуть не забыл. Кузнец белеозерский за своих просил – за жену да за дочек, да за сына малолетнего, Митрю.

– А что за кузнец?

– Аким. Да, Аким. С Белеозера. Родичи его тоже, похоже, у этого сотника. А, может, и нет.

– Знаю я Берды-бея-сотника, как не знать? – ухмыльнулся выжига. – Завтра вас с ним сведу. Давайте сюда список, не то всех не запомнил. Серебро-то сейчас не при вас, поди?

Окунев Линь дернул головой:

– Нет. Мы ж не дурни. Сначала уговор, а уж потом – выкуп.

Алим Карзай покивал:

– То так, так. Не токмо в Орде все пасутся. А я к чему спросил, просто, если б вы сейчас серебришко принесли – можно было б и сегодня с сотником все уладить. Я б полоняников по списку вам и привел, сотник, слыхал, поиздержался, серебришко ему нужно – всех бы за выкуп и продал.

– Что ж, – Егор переглянулся с ватажниками. – Уговоримся – принесем. Где встретимся?

– Можно здесь же, – посредник ненадолго задумался. – Но лучше у реки, у складов, слева, где камыши да ракитник, – Алим посмотрел на Федьку. – Я парнишке вашему покажу, чтоб всем зазря не таскаться. Вас-то самих четверо? Как всегда, с торговыми гостями явились?

– Так.

– А с кем?

– Да, ммм... – не зная, что и ответить, задумчиво протянул Егор.

– Они все в Булгар ушли, – пришел на выручку Линь. – С товаром. А за нами на обратном пути зайдут – так уж уговорились.

– Ага, ага, понятненько все, – закивал посредник. – Там, на бережку-то, и сотника рядом дом, я полоняников сразу приведу... как, годится?

– Годится.

– Ну, тогда по рукам!

Ударили по рукам... что-то пронзило вдруг Егора, будто молния промеж глаз блеснула, ударила! Вспышка... Гром... Вот оно! Вот то же самое... Предвидение... И – словно повисла, закачалась в зияющем мареве чья-то ухмыляющаяся рожа. Алима? А черт его... Рода и рожа, не поймешь, чья. А еще – какие-то тени, на конях, с саблями. Ввухх!!! Слетела чья-то голова, покатилась, подпрыгивая.

Кровь!

Зловещий хохот.

И тьма.

Глава 11

«Гарнитур генеральши Поповой»

«А ведь врет он всё! – посмотрев в спину удалявшемуся выжиге, подумал Вожников. – Ну, точно – врет!»

Окунев Линь толкнул в плечо:

– Ты что, Егорий? Что главу-то повесил... подумал о чем худом?

– Подумал, – тихо промолвил Егор. – О том, а не подсунил ли нам этот славный парень Алим Карзай гарнитур генеральши Поповой, в котором, надо признаться, ни черта нет!

– Чего-чего? – не понимая, ватажники удивленно переглянулись.

– Говорю, а не обведет ли нас выжига вокруг пальца? У меня почему-то такое предчувствие есть.

– Да ну, что ты! – замахал руками Линь. – Скажешь тоже! Он же, Алим этот, не сам по себе посредник – ну, одного обманет, другого – а дальше-то кто с ним дело будет иметь? Он что – сам себе враг, что ли? А наших тут с выкупами много – чего серебришко терять? Допустим, наше возьмет – но тут-то доход постоянный, хучь и не особо большой.

– Может, и так, – Вожников упрямо набычился. – Однако на встречу с ним мы не явимся. Другого посредника будем искать!

– Да где другого найти-то? Вон они, – ватажник кивнул на дальний угол, куда – к той своей компашке, только что присоединился Алим, – Все они заодно, вмести.

– И что делать?

– Да не будет он обманывать – невыгодно то! Если только... – Окунев вдруг помрачнел и насунился.

– Что – «если только»? – тотчас переспросил Егор.

– Если только они совсем нас убить не надумали. Всех, тайно! Чтоб никто никому ничего. Эх, – ватажник заметно расстроился. – Еще думал побольше людей взять. И надо бы было... дурак...

– Да ладно вам о плохом думать! – подал голос Карбасов Иван. – Мыслью – все по-хорошему сладим. С чего Алим у нас обмануть? Не особо-то и большая выгода.

– Как сказа-а-ать, – тихо протянул Окунев. – Один златых дел мастер сколько серебрища потянет!

– Вот, угощайтесь на прощанице, – подбежал с пиалами шербета хозяин, рыжий Хаттадин. – Бэз платы. Просто так.

– Благодарствуем, – ватажники потянулись к пиалам, а Федька смущенно спросил:

– А где тут это... ну, пописать где можно?

Харчевник махнул рукой:

– А вон, за кухней, у забора. Там.

– Угу.

– Поспешай, парень – тебе еще с Алимом идти, место смотреть. Все там хорошенько запомни!

Допив шербет, ватажники простились с хозяином харчевни и в задумчивости подались обратно на ушкуй, где сразу же устроили совет. Решили на встречу явиться, как и договаривались, но только не вчетвером, а всей ватажкой, причем Егор с Линем, Иваном и Федькой пришли б как ни в чем не бывало, а остальные б устроили на бережку засаду, благо, ежели что – к ушкую бежать недолго, а там, на реке – ловите! Ищите ветра в поле. В общем, подстраховались и – ведь не зря, платить-то за невольников никто и не собирался! Отбить силком – за тем и

явились. Да, риск, однако, тут, недалече, на Кам-реке, у мыска приметного, другой ушкой с ватажниками, с самим атаманом во главе, дожидаться будет.

– Это и хорошо, что на берегу встреча, – негромко молвил Егор. – Легче будет отбить всех да уйти.

– Раньше б явиться – посмотреть место.

– Явимся, дружище Линь, явимся, а дальше... Как говорится, свинья не съест!

Вожников даже повеселел – а что, неплохо все складывалось! И местечко оказалось для засады удобным – лучше не придумаешь: по берегам, недалеко от заброшенных амбаров-складов, камыши высоченные да кусты ракиты. В них ушкой и укрыли. К бережку носом поставили – пушкой.

– Ты, Кольша, только по своим не пали!

– А что я тут, в камышах, что ли, останусь?

– Ты ж кормчий, без тебя мы на реке пропадем.

Егор лично обошел затаившихся в кустах и за амбарами бойцов – все в воинском снаряжении, в бахтерцах, байданах, кольчужках. Жарко, пот с парней тек, ну да ничего, терпели, понимали – в бою-то по-всякому сложиться может. Сулицы приготовили, луки, самострелы, часовых неподалеку выставили – ежели вместе с Алимом оружные люди во множестве явятся, так чтоб первыми – нежданно – напасть!

Правильно все придумали, хорошо, а что до видения... так еще не ясно – чья там срубленная голова катилась.

– А ежели выжиги все ж сдержит слово, полоняников приведет? – почесал бороду Карбасов Иван.

Линь, приятель его, ухмыльнулся:

– Тогда ж еще лучше! Полоняникам оружие кинем, да крикнем – куда бежать. То-то уж они с татарвой поквитаются!

Вожников махнул рукой:

– Пусть так.

Конечно, не хотелось никого убивать, но – тут уж как придется. За тем ведь и явились – отбить. Конечно, второй ушкой лучше бы подождать, да ведь некогда.

– Зорче смотрите, – не поленился, еще раз предупредил часовых Егор. – Если увидите много людей оружных...

– Понятно, запоем соловьями.

– Ну, а если мало...

– Тогда уткой.

– Егорий... – улучив момент, подошел к жожаку Федька. – Слово к тебе есть, не гневайся.

– Ну, говори, – молодой человек удивленно посмотрел на подростка. – С чего мне на тебя гневаться-то?

– Так с тобой не посоветовался – все по-своему сладил, – парень шмыгнул носом. – Так ведь и некогда было советоваться, быстро надо было ответ дать...

– Да кому ответ-то?

– Паренек тот, ну, там, раб, я еще говорил – знакомый... Язм когда по нужде ходил...

– Ну, не тяни уже, мать ити! – выругался Егор. – Что за манера, нет, чтоб сразу все сказать, так он тянет, тянет...

– Раб тот слова наши услышал, про Акима-кузнеца. Меня за руку ухватил, зашептал – мол, он и есть Митрий, белеозерского кузнеца сын, в полон угнанный. Митрий Акимов! С нами попросился, мол – вечерком убежит, да к ушкой. Я сказал – где. Ну, жалко парня стало, земляк ведь.

– Акимов Митрий, говоришь, кузнеца сын? – молодой человек улыбнулся. – Так это же наш клиент, похоже.

– Чего-чего?

– Правильно ты все сделал, Феденька. Только в следующий раз лучше сперва посоветуйся.

– Так я ж и говорил – некогда было. Вы уж уходили, а я... Митрий сказывал – матушка его в пути еще сгнула – отставала, так сотник зарубил саблей. Его самого на кувшин вина у харчевника обменяли, а сестер, попользовав, продали персидским купцам.

– Да-а-а, – покачал головой Вожников. – Судьба играет человеком, а человек играет на трубе. Жаль кузнеца – бедолага. Ну, хоть сына дождется... если повезет.

Хоть Егор и ждал условного знака, а все ж вздрогнул, услышав звонкое крыканье уток: часовые сообщали, что Алим Карзай ведет себя честно, без всякого подвоха – ведет указанных в списке пленников.

Махнув рукой своим, чтоб раньше времени не высывались, молодой вожак в сопровождении Линя, Ивана и Федьки направился навстречу посреднику, еще издали увидав быстро подходивших к амбарам людей, совершенно безоружных. Даже у выжиги Алима ничего типа сабельки или кинжала не просматривалось... может, под халатом прятал?

Посредник явился один – смелый человек, а, впрочем, чего ему здесь, у себя дома, опасаться? – все остальные, как сразу выяснилось, и были искомыми пленниками, коих Алим Карзай тут же принялся честно передавать по списку:

– Парфен Игнатов, златокузнец, за этого, как я и предупреждал, цена особая...

– Запла-атим!

– Заглодов Кувал, гость владимирский...

Пленники – числом с дюжину – почему-то показались ему какими-то странными, молодой человек еще и сам не осознавал – почему. Ну, мужики и мужики, явно славянского облика, хмурые, неразговорчивые – так это понятно, стресс. Имелись и женщины... хоть их вроде и не было в списках... хотя нет, все же упоминались.

– А это вот, – смачно зевнув, Алим Карзай кивнул на дебелую и, видать, сильную бабищу в восточных шальварах и халате, с неприветливым, вытянутым книзу лицом. – А это дочери Акима-кузнеца...

Дщери оказались еще те! Мускулистые, как акробатки. Темные косы по спицам, а глазами – зырк! зырк!

Постойте-ка... Ахнув про себя, Вожников повернул голову, встретившись с недоуменным взглядом Федьки.

Что-то шло не так, явно...

– Ну и вот – Митрий Акимов.

Последним Алим представил дюжего парнягу лет двадцати с лишком, невысокого, но широкого в кости, с длинными, граблями, ручищами и звероватым взглядом. Белобрысый, он все время шмыгал носом и как-то по-собачьи щерился.

– Так-та-ак, – задумчиво протянул Вожников. – Значит – Митрий... Акима, кузнеца белозерского, сын?

– Он и есть, – хмыкнул детина. – Ой, как рад буду обрести, наконец, родного батюшку!

А, вот в чем странность! Егор только сейчас понял – слишком уж сытыми казались невольники, слишком уж независимо, свободно держались... да и не разговаривали, и не плакал от счастья никто, даже девки... да уж, эти кобылы заплачут, как же!

И что же делать? И, главное, где они могут прятать оружие? Наверняка у каждого под одежкой нож, а больше – против четверых-то – и не надо.

– Ну, что? – посредник нетерпеливо переступил с ноги на ногу. – Будем расплачиваться или будем стоять?

– Сейчас, сейчас, расплатимся...

А ведь неплохо придумано, хитро, с выдумкой, уж точно вот он вам – «гарнитур генеральши Поповой»: хотели невольников – получите! Деньги на бочку, а потом... Правда, а не слишком ли нагородили огород? Можно было просто устроить обычную, без затей, засаду, и...

Значит, нельзя было... почему?

– Сейчас будет тебя серебришко, сейчас...

Егор забрал у Алима список, посмотрел на реку, на густой ракитник, на краснотал. Улыбнулся:

– Эх, а у нас в эту пору соловьи поют, заслушаешься! Верно, Федька?

– Да, – понятно кивнул подросток. – Поют. Тирли-фью-фьюу-у-у...

Он засвистал по-соловьиному, и в этот момент коварный выжига Алим Карзай понял, что его игра вскрыта. Одним движением ордынец выхватил из широкого рукава нож...

Апперкот в челюсть!

Жестко, быстро и действенно! Алим даже и не понял толком, что же такое с ним вдруг произошло, а уже поплыл, мешком оседавая наземь. Нокаут!

Егор хлопнул в ладоши, походя ударив – хук слева – бросившегося на него белобрысого «Митрия», нырнул в камыши следом за Федькой, Иваном, Линем...

И тут же со всех сторон полетели во врагов стрелы! И простые – из лука, и короткие, арбалетные.

С полдюжины человек положили тут же, с остальными пришлось повозиться – звякнули, заиграли в воздухе сабли.

Фьють!

Пущенный одной из «дщерей» нож ударил одного из ватажников в горло! Брызнула кровь, и бестия, подхватив выпавшую из безвольных рук саблю, бросилась на Егора, словно разъяренная львица!

Ввухх!!!

Едва голову не снесла, какой уж тут бокс! Вот то-то сон был бы в руку... пусть не сон – предчувствие, наваждение.

Что Вожникова спасло, так это отменная реакция, все ж хоть и бывший, но боксер, КМС тем более. Отпрыгнул в сторону, уходя с линии удара, и сам успел выхватить саблю, подставил...

Дзын-нь!!!

И едва не потерял – чертова девка хитрым финтом едва не выдернула клинок из руки Егора! Не удалось, нет... Бестия вновь ринулась в атаку, обрушив на соперника целый град ударов не по-женски тяжелой рукой.

Хорошо, Вожников таки обучался оружному бою – тот же кривоносый Никита Кули Веник и учил, жаль, нет его сейчас здесь, жаль, нет многих.

Снова удар! Звон в ушах... а перед глазами – мельтешащее лезвие, опасное, словно когти льва, словно ядовитое змеиное жало.

Выбрав удобный момент, молодой человек сам перешел в атаку, бросился, как в боксе... и, наткнувшись на ленивую ухмылку врагини, отчетливо понял, что жить ему осталось недолго, что вся атака его, все это мельтешение – без толку, только потешить соперника, вернее, соперницу – а уж та управлялась саблей, словно боевой робот!

Дзын-нь!

Егор, конечно, отпрыгнул, но поздновато – левую часть кафтана безжалостно вспорол острый клинок, похоже, достав и до тела. Ну, надо же так... черт!

Да-а, в сабельном бою ему с этой бестией не равняться. Не поможет, увы, и бокс, девка просто отрубит руку, отрубит играючи, с легкой и в чем-то даже доброй улыбкой.

Ввухх!!!

Молодой человек присел, чувствуя, как упали с макушки волосы – шапку-то давно уже потерял в камышах.

Что же делать... а то, что лучше умеешь. Все тот же бокс!!! Выпустить саблю... вот так, словно врагиня ее и выбила.

А теперь – замахнись, посмейся... ага... и апперкотом тебя...

Вожников не успел ударить. Откуда-то просто прилетела стрела – маленькая, выпущенная из самострела – она пробила «тигрице» лоб, да так во лбу и застряла. Выступила, застилая глаза, кровь. Упала сабля...

Позади, выбежав из-за кустов, закричал, торжествующе потрясая самострелом, Федька.

Егор оглянулся:

– Это ты ее?

– Я и вторую достал... извергиню!

– Ну, спасибо, – искренне поблагодарил Вожников. – А то уж не знаю, что бы и было. Хо! Я смотрю, наши парни времени зря не теряли – со всеми управились.

Управились. И вот теперь лежат все. Правда, и двое ватажников погибли, и еще двое – ранены, правда, легко...

Лежите, лежите, вражины! Чу! Вот один шевельнулся, привстал, потянул руку к валявшейся рядом сабле – и получил стрелу в шею! Другой тоже застонал, сел, помотал головой... «Митрий»!

Подскочивший Иван приставил к шее ордынца клинок.

– Не убивайте, – потеряв челюсть (все же хороший вышел хук, действенный, – с гордостью отметил Егор), спокойно, безо всякого испуга, попросил тот. – Лучше возьмите с собой в ватажку – уж точно вам пригожусь.

– Гли-ко! – изумился подбежавший Линь. – Что мы ватажники, откель прознал?

Парняга хмыкнул:

– Догадался как-то. Так возьмете? Вам же гребцы нужны? А я много чего по местам тутошним знаю.

Вожников настороженно повел плечом:

– И где сотника Берды-бея искать, ведаешь?

– А чего его искать? – удивился пленник. – У него недалеко, за мысом, угодя.

– Хм... – Егор задумался, искоса взглянув на ватагу. – Взять его, что ли?

– А и возьмем, – сказал Линь. – Парень он вроде удалой. Зовут-то тебя как?

– Осипом кличут – Лже-Митрий усмехнулся и снова погладил челюсть. – Осип Собачий Хвост, это сыздетства еще, я ж рязанский, а сюда лет десять назад попал, в отрочестве.

– А эти, дружки твои, кто?

– Алима Карзая шайка, – Собачий Хвост презрительно отмахнулся от бывших своих соратников. – Честно сказать, там только Алия с Настеной – девки – что-то из себя стоили... их тоже неплохо бы в ватажку позвать – да уже убиты.

– Ладно, возьмем тебя, – махнул рукой молодой вожак. – Коли к сотнику дорогу покажешь. Только смотри-и-и...

– Да покажу, что он мне, брат, что ли? Да и эти... тьфу! Девки только жаль – добрые были воительницы.

Егор покачал головою и наконец-то спросил:

– А чего вы нас сразу в сабли не взяли? Чего решили хитрить? Невольников тех за не тех выдали.

– То все жадность Алимова, – презрительно сплюнул Осип Собачий Хвост. – Хотел, чтоб денга к денге, чтоб сначала серебришко на выкуп заполучить, а уж потом и с вами распра-

виться. Не сразу, мы б с вами вместе купецкого корабля дождались, а уж опосля... опосля бы было... девиц вы в деле видали.

– Да уж, – молодой человек передернул плечами. – Гарнитур генеральши Поповой запросто в троянского коня превратился бы! Вон оно как в жизни бывает-то. Да-а-а!

Тотчас отчалив, ватажники поставили парус, но не положили и весла – шли ходко, и уже к вечеру достигли приметного мыса – условленного места встречи. Ушкуйники атамана Чугреева поджидали их прямо напротив утеса, длинная черная тень которого пересекала почти всю реку.

– Эвон они! – первым заметил своих Федька. – Вон, за камышами таятся – шеломы блестят.

– Так, может, не они? – подозрительно шурясь, Вожников положил руку на эфес сабли.

– Они, они, – привстав, уверенно заявил отрок. – Что я, Никитушку Купи Веник не узнаю?

Егор хохотнул:

– Ну, уж эту-то оглоедину – точно.

Ушкуйник, и сам атаман, заметив знакомое судно, уже радостно махали руками, что-то кричали, смеялись.

– Парус... прочь! – скомандовал кормчий Кольша. – Левые – р-раз... два! Правые – табань.

Ловко повернув к берегу, «Антилопа», прошуршав камышами, ткнулась бортом к борту родного ушкуя.

Ватажники обнялись, разговорились, да, сойдя на берег, разложили костры. Жарили, пекли на углях рыбу, а вот затянули и песни, после чего многие, выкупавшись, легли и спать. А вот руководству – Чугрееву с Егором, да еще и Окунев Линь с ними был, да Никита Купи Веник – как же уж без него-то? – не спалось: все беседовали с пленником, с Осипом по прозвищу Собачий Хвост. Тот вроде вел себя, как надо – говорил вполне толково, на задаваемые вопросы отвечал со всеми подробностями.

– Он, Берды-бей-сотник-то, по левобережью кочует, отсюда вверх по реке на полдня пути. Травы там сочные, а скота у сотника много – и коровы, и лошади, и овцы. Он ведь кыпчак, сотник-то, летом почти все время кочует... ну, ежели не в набеге.

– А что воины? Много людей у него?

– Да хватает, – Осип ненадолго задумался. – Как-то слышал, будто около сотни сабель, и это не считая еще пастухов, которые тоже, при нужде, сойдут и за воинов, не хуже.

– Понятно, – Антип сплюнул и почмокал губами. – Не силой, но хитростью все ладить придется.

Еще раз уточнив все подходы к кочевью Берды-бея («Там, на границе его земли каменная баба стоять будет, мимо не пройдете – далеконько видать!»), советники с атаманом отослали пленника спать под надежной охраной, и приступили к разработке подробного плана действий. Несколько раз заспорив, к утру продумали все до мельчайших деталей – и как условный сигнал подавать, и как да где кому действовать.

– Смотрите, парни, – напутствовал Чугреев, поднявшись к утесу, малую ватажку Егора, – не спешите никуда, ждите знака. Вы у нас нынче – хитрость, а мы – сила.

– Вы и сами-то сильно в бой не ввязывайтесь, – напомнил молодой вожак. – Вовремя уйдите.

– Да уж уйдем, – ухмыльнулся Антип. – Вам бы только дать времечко.

Отчалив с рассветом, ушкуи какое-то время плыли вместе, один за другим. Потом, по знаку Осипа, ладья Егора резко повернула к низкому левому берегу. Чугреев на корме обернулся, помахал рукой, а стоявший рядом с ним Никита Купи Веник громко выкрикнул:

– С Богом!

– И вас да хранит Господь.

Вожников уселся на носу, рядом с пушкой, скопил глаза на Осипа – того, по здравому размышлению, решено было взять в набег, а как же! Во-первых, он все пути-дорожки в здешней степи знает, а во-вторых – да и, наверное, в главных – с сотником лично знаком, пусть даже и шапочно, но все же подозрений меньше.

– Если что, я его самолично... – Федька еще с утра грозился кинжалом да сабелькой, на что Егор лишь махнул рукой:

– Ну, ладно – следи.

Так и шли неприметно, вдоль левого берега, вся «молодшая» ватажка, что осталась: Антип людей вместо погибших не дал, и правильно – еще не ясно было, где опасней заматня будет, да уж всяко, не в кочевье Берды-бея... там-то уж все гладко-сладко должно пройти. Тем более никаких странных видений у Егора не было.

– Туда, к той березе гребите, – приподнявшись, указал рукой Собачий Хвост. – Там, под ивами, и ладейку укрыть можно.

Повернувшись, Вожников махнул кормчему:

– К берегу давай, Никол.

Спустив парус, ладейка пошла дальше на веслах, очень скоро причалив к заросшему ивняком берегу напротив старой приметной березы.

Оставили при ладье кормщика и еще одного молодого ватажника – на пару-то веселей, да и безопаснее, в случае чего. Поднять парус да сразу уйти – вдвоем-то сноровистей.

– Ну во-от, – обиженно вздохнул Кольша. – Опять вы меня в дело не берете.

– Подожди, будут еще у тебя дела. Смотрите тут не спите!

– Да что ты, Егорий, не уснем. А за кормщика так скажу, – юноша вдруг сконфуженно шмыгнул носом. – Давно хотел сказать, да все как-то... Я могу править ладьей, то так, но ты, Егор, пойми – Ладога не Итиль, и не эта река – я здесь никогда не был, не ходил, ни под парусом, ни на веслах. Хорошо, покуда течение спокойное, да и широко. Да и ушкой не так уж осадчив – с мели всяко вытянем. Одначе ж... Ну, я все сказал. Мне б человека знающего, поговорить бы – я б и эти реки ведал.

– Может, когда и сыщем такого знающего, – тихо ответил молодой человек.

Высадившись на берег, ватажники ходко – один за другим – зашагали по пояс в траве следом за Осипом, двигавшимся по каким-то ему одному знакомым приметам. До чего ж красиво было вокруг – Егор невольно залюбовался голубовато-серебристым простором, похожим на опрокинутое небо. Не таким уж он был бескрайним, где-то далеко-далеко на горизонте синел лес, степь же тянулась вдоль реки достаточно узкой полоской – километра два-три, много – пять.

Жарко не было – с реки тянуло прохладой, в блекло-синем небе, зорко высматривая добычу, парил беркут, из-под ног путников то и дело вспархивали куропатки и пеночки, в кустах пели жаворонки, а иногда – нечасто – слышалась и заливиная соловьиная трель. Покачивались в траве малиновые венчики иван-чая, мелкой жемчужной россыпью липла к ногам пастушья сумка, голубели васильки, белели лепестками ромашки, сладкий клевер розовел по тенистым местам, жались к кустам разноцветные фиалки, а лиловые колокольчики, казалось, звенели – динь-динь, динь-динь.

Шли долго, наверное, часа три, вряд ли меньше, и Вожников уже собирался объявить привал, когда идущий впереди проводник обернулся, кивнул:

– Вон она, баба! Теперь скоро уже.

Тут и остановись немного перевести дух. Достали баклажки с водой, остатки вчерашней печеной рыбы. Напившись, Федька, раскинув руки, повалился в траву, уставился в высокое небо, лежал, улыбался каким-то своим – наверное, хорошим – мыслям. Впрочем, долго нежиться молодой атаман ему не дал, велел вновь собираться в дорогу. Пошли. Чем дальше от реки отходили, тем меньше дул ветер, вот уже и совсем перестал, и капли соленого пота стекали по спинам ватажников, противно липла к телу одежда. Хорошо еще, шли налегке, без кольчуг, без брони – это было бы слишком уж подозрительно, хотя тот же Никита Купи Веник и предлагал «молодшей дружине» просто сразу – без всяких хитростей – напасть, дальше уж будь, что будет. Кто знает, может, и в самом деле это было бы лучше, однако Егор все-таки явился из двадцать первого века, и не склонен был зря лить чужую кровь – даже вражью. Может, оно все еще как-нибудь так обойдется... без смертоубийства, без кровушки.

– Кочевье! – резко остановившись, Осип Собачий Хвост вдруг упал на колени в траву, склонился... выпрямился, обернулся: – Пастбище – конским пометом пахнет. Теперь с осторожностью надо идти – как бы пастухи раньше времени не заметили.

– Далеко еще до сотника?

– Да не очень. Можно даже спрятаться в каком-нибудь овраге да знака ждать.

Так Вожников и сделал: ватажники прошли еще километра четыре, пока не укрылись от глаз пастухов в тенистом, густо поросшем смородиной и малиной овраге. Отдыхали, лакомились ягодами да внимательно посматривали на небо.

– Ой, вкусны, – причмокивая, приговаривал Федька. – А крупны-то, сладки!

Таким образом, по прикидкам Егора, гужевались где-то часа полтора-два, а, может, и больше – и сам Вожников, и наиболее умные его люди – тот же Линь с Карбасовым Иваном – уже стали волноваться: а сладилось ли у старшей ватаги? Все ли прошло, как задумали? И, если да – то где условные знаки? Если же нет, то что теперь делать – возвращаться назад, к ушкую, или все-таки ждать.

– Ждать будем, – решительно молвил молодой вожак. – Как стемнеет, обратную дорожку найдем?

Осип отвечал философски:

– К реке уж как-нибудь выйдем.

– Ну и славненько, – потер руки Егор. – А там, поутру, и ушкой сыщем.

И все же, хоть он и хорохорился, напуская на себя уверенность и веселье, в душе-то наблюдалось смятение – ладно, задачу не выполнили, черт с ней, не Сталинградская битва, куда важнее другое – что со «старшой» ватагой? Целы ли ушкойники, разбиты? Или просто не удалась хитрость? Никто дальние пастбища защищать не явился, наплевал сотник Бердыбей на свои стада и отары.

Не-ет, не может быть! Он же жаден, сотник.

– Дым!!! – когда уже устали ждать, вдруг выкрикнул Федька. – Смотрите – дым! Дымы даже!

Вожников опрометью бросился из оврага, следом за ним выскочили и Окунев Линь с Иваном, и Осип...

Далеко, от реки, ветер гнал по небу три сизых дымка, слабеньких, едва заметных. Если б не остроглазый Федька, так и пропустили бы, не углядели.

Впрочем, не только один Федька дымки заметил – средневековые люди вообще были весьма наблюдательны... в отличие от Егора.

– Идем, – махнул рукой Вожников. – Ну, парни – последний рывок остался. Теперь уж нам ждать нечего, теперь уж – как можно быстрее.

Ватажники двинулись в путь, почти побежали, и вскоре впереди, за реденькой березовой рощицей, среди зеленых лугов показались шатры – белые половецкие вежи.

Собачий Хвост ухмыльнулся:

– Ну, вот и кочевье.

– А оно точно – Берды-бея?

– Кроме него, тут ошиваться некому, от каменной бабы и до самого Синего леса вся земля – сотника. Кто чужой стада свои пустит – сразу война.

Шатры быстро приближались, на глазах приобретая объем, вот уже показалась отара овец, за ней – коровье стадо.

Трое всадников словно вынырнули из степи, взяли в намет, понеслись навстречу ватажникам в бешеной скачке. Тут же и осадили коней, что-то закричали.

– Спрашивают, кто такие, – перевел Иван Карбасов.

Осип вышел вперед, поклонился и принялся что-то пространно втолковывать приблизившемуся всаднику – смуглолицему парню в кожаной круглой шапке и накинута на голое тело овчинной жилетке-кожухе.

– Поклон передает уважаемейшему и светлейшему Берды-бею-сотнику от Осипа, Алима Карзаева человечка, – тихо пояснил Иван. – Мол, люди с ним – мы – выкуп за пленников привезли, так потолковать надо, может, сотник-то кого-нибудь и отпустит? Серебришка, мол, привезли изрядно, кто богат – дал, а тому, кто беден, всем миром собирали.

Выслушав, степняк что-то гортанно выкрикнул и, стегнув нагайкой коня, умчался. Остальные двое всадников так и остались маячить неподалеку.

– Стерегут, – ухмыльнулся Линь. – Ничо, сейчас гонец сотнику доложит.

И снова приходилось ждать, в Орде вообще не любили торопиться. Впрочем, на этот раз все сложилось прекрасно – гонец быстро вернулся и махнул рукой.

– Берды-бей-сотник рад будет нас видеть, – перетолмачил Осип Собачий Хвост. – Правда, не всех, а только главных. Ну, и меня – само собой.

– Что ж, – Егор нервно повел плечом. – Главных так главных. Линь, Иван, со мной пойдете, ну еще – ты, ты, и ты...

– И я! – запросился Федька.

Вожников окатил его хмурым взглядом:

– Без тебя управимся, Аника-воин. Видишь, не всех берут-то. Ну, что, все готовы?

Гонец вдруг что-то закричал, замахал руками.

– Чего он волнуется-то, Ваня? – быстро поинтересовался Егор.

Карбасов прислушался:

– Говорит, только семерых примет хозяин: главных, толмача – Алимова человечка, Осипа, значит...

– Хорошо, – покачав головой, Егор глянул на ватажников. – Кроме Линя с Иваном, они за главных сойдут, остальным – отставить.

– Егорий, – зашептал Федька. – Может, я за слугу сойду, а? Ведь сгожуся.

– При таком раскладе – сгодишься. Впрочем, и не только ты... Олешка, Рагунь, – вожак младшей ватаги махнул рукой другим парням. – Айда!

Осмотрев всех, гонец скривился и указал грязным пальцем на юношей: мол, лишние.

– Осип, скажи – это слуги. Мы ж не шпыни какие, как же нам без слуг? Кто сапоги разует-обует, напиток подаст?

– Ладно, – кивнул степняк. – Едем.

– Едем, едем... – усмехнулся Егор. – Кто едет, а кто-то идет.

Обернувшись, гонец что-то вновь бормотнул.

– Спрашивает, – пояснил Осип. – Где, мол, наши лошади? Удивлен очень.

– Скажи – лошадей неведомые люди угнали. Ночью, до каменной бабы еще. Чего он смеется-то?

– Говорит, ничего удивительного, там Ердимай-оглана кочевья, а тот – чистый разбойник, и хозяину его, сотнику Берды-бею, не друг.

– Понятно. Конкурент, значит.

Берды-бей-сотник оказался невысокого росточка мужчиной лет сорока, худым, но чрезвычайно жилистым и подвижным, с чрезвычайно смуглым, как у какого-нибудь сарацина, лицом и жестоким взглядом черных раскосых глаз, чем-то напоминающих самых экзотических жуков или букашек. Желтоватого цвета, с широкими продольными полосами халат его был подпоясан шелковым поясом, за который были заткнуты изрядных размеров кинжал и камча-плетка; голову сотника украшала лисья – несмотря на жару – шапка, на ногах синели мягкие сафьяновые башмаки-ичиги.

Сотник вышел из шатра не один, а в сопровождении слуг... или прихлебателей, или... да хоть и наложников, Вожникова сейчас как-то не очень интересовало, кто они там были, главное, ясно – эти жеманные волоокские мальчики в расписных шальварах явно не воины.

А вот тот – воин, это без всяких сомнений.

Егор покосился на возникшего слева от шатра высокого, в коротком халате и шальварах, человека с седой бородой и нехорошим взглядом. На боку его покачивалась привешенная к поясу тяжелая, в простых кожаных ножнах, сабля. Сразу видать – не для красоты сабелька, для дела.

Второй воин, помоложе, в ламмелярных – из мелких металлических пластинок – доспехах и шлеме – возник с правой стороны. Значит, не всех своих ратников отправил Бердбей отбивать почти угнанные стада, что паслись на заливных лугах – именно они и были целью старшей дружины. Захватить, дать пастухам бежать, пусть сотник немедленно пошлет воинов – наказать наглецов да отбить добычу.

Послал! Судя по условному знаку – трем дымам, – послал. Правда, как видно, не всех, ну, правильно – свою-то личную охрану оставил.

– Хотите выкупить рабов? – не приглашая гостей в шатер, по-русски, совершенно без всякого акцента, справился степняк. – Кого именно?

– Вот, – Егор живо вытащил список, прочел.

– Гм, гм, – почесал украшенный – а лучше сказать, обезображенный – редкой сивой бородашкой подбородок Берды-бей. – Этого – Парфена-златокузнеца – нету, я его одному купцу из Бельджамена-города продал – уж больно просил... – сотник пожевал что-то и плюнул на утопанную траву тягучей коричневой слюной. – Женщин тоже никаких нет – продал.

Он был, кажется, честен, и продать полон не отказывался – только цену заломил такую, что даже многоопытный Окунев Линь непритворно ахнул:

– Однако! Сорок дирхемов за каждого! Это ж московских денег – сорок да полсорока. Полтина целая, да еще и десяток! Однако-о-о.

– Не хотите – не берите, – равнодушно пожал плечами степняк. – Я их персам продам – те и не за такую еще цену возьмут.

Вожников поспешно махнул рукой:

– Хорошо, хорошо, согласны. А на товар можно взглянуть?

Вместо ответа сотник хлопнул в ладоши, и двое воинов – тех самых – исчезли за шатром, как видно, пошли за невольниками. Сам же хозяин отошел к слугам – волооким юношам, – кого-то потрепал по щеке, кого-то за что-то выругал.

– Мой – сотник, – улучив момент, быстро предупредил своих Егор. – Твой, Линь, – седой, Иван – тебе тот, что в доспехах. Вы, Рагунь, Олешка – на подхвате, за слугами следите в оба, вдруг что?

– А я? – обиженно спросил Федька.

– А ты... – Вожников понизил голос. – А ты за Осипом все же присматривай.

Тем временем воины привели невольников – понурых, в лохмотьях, со следами недавних – и давних – истязаний.

Егор быстро посчитал: раз, два... тринадцать. Тьфу ты, вот ведь число несчастливое! Хотя почему несчастливое? Видений-то никаких не было, а значит... А значит, все пройдет гладко, что бы ни случилось.

– Оковы-то с них снимите.

– Сейчас кузнец раскует... А вы пока заплатите!

– Заплатим... – молодой атаман махнул «слугам», и те, склонившись, принялись развязывать тяжелые, давно опущенные наземь сумы-котомки.

Егор, как и положено старшему, остался стоять напротив сотника.

– Точней пересчитывайте, особенно – золотые.

О, хитрый Вожников знал, чем привлечь внимание Берды-бея... вернее – отвлечь.

– У вас и золотые имеются? – подойдя поближе к сумам, сотник алчно сверкнул глазами. – Румейские? Или цехины?

Следом за ним, с любопытством вытянув шеи, подтянулись и оба стража. И седой, и тот, что в доспехах.

– Цехины... флорины... дукаты... – ухмыльнувшись, Вожников подмигнул уже наполовину раскованным пленникам – нечего было больше ждать, больно уж момент выпадал удобный.

– Ну, что, православные, на Русь, домой, хотите?

– Хотим, – сплюнув через выбитый зуб, хмуро кивнул детинушка в рваных портках, с широкой, исполосованной многочисленными шрамами грудью. Сивая, лопатой, борода его дернулась: – Хотим, а как же!

– А раз хотите, так хватайте в сумам наших оружие да бейте всех, кто под руку попадется! Давай, мочи! Бей!

Прокричав, Егор тут же нанес удар удивленно выпрямившемуся Берды-бею – короткий свинг в челюсть. Сотник тут же и повалился лицом наземь, да так и застыл. Нокаут? Похоже, что так, впрочем, считать некогда – хар-рошая уже завязалась схватка!

Одновременно с нанесенным вожаком ударом, Линь с Иваном Карбасовым, словно по команде, бросились каждый на заранее выбранного врага – тот, что в доспехах, тут же и упал, хватаясь за вспоротое горло, а вот с седобородым пришлось повозиться – неплохо, гад, сражаться умел, саблей такие узоры выписывал – любо-дорого поглядеть!

Вуухх!!! Едва не снес Окуневу Линю башку! Линь разозлился, взмахнул кистенем, тут и Осип Собачий Хвост неожиданно на помощь пришел, ловко прихватив вражину по голове попавшимся под руку камнем.

Молодые – Рагунь, Олешка и бросивший присматривать за Осипом Федька, помогая невольникам, уже схватились с волоокими слугами, оказавшимися не такими уж и беззащитными – у кого-то сразу нашелся кинжал, кто-то схватился за сабельку. На женской половине шатра вдруг послышался визг – видать, кто-то из только что освобожденных рабов уже проник и туда – посчитаться за все свои унижения.

– Давайте, братцы, скорее! – покосившись на солнышко, крикнул Егор. – Кончайте со всеми да не трогайте женщин – уходим.

Черт!

Увлечлись, не расслышали стука копыт – а трое всадников прискакали! Вскинули луки... фьюить! Повалился со стрелой в груди молодой ватажник Рагунь, взглянул в последний раз в высокое степное небо, да так и замер. Напарник его, Олешка, зарубив врага, получил стрелу в спину, прямо между лопаток, и тоже упал, истекая кровью.

И Федька куда-то пропал! Нигде не видать парня. Неужели?...

Ах вы ж, басурмане!

Выхватив саблю, Вожников влетел в гущу затихающего боя... зря торопился: волоокие мальчишки уже побросали свое оружие, кто-то из них даже встал на колени.

– Черт с ними, – махнул рукой Егор. – Иван, Линь, вы как, целы оба?

– Малость царапнута, – показав окровавленное предплечье, усмехнулся Карбасов. – Сейчас вот перевяжемся и... Эх, парней наших жалко – Рагуня, Олешку. Схоронить бы... Понимаю – времени нет, а все ж – неужто вот этак бросим?

– Но и с собой их не с руки тащить, – сглотнув горький ком, тихо вымолвил Вожников. – Очень скоро сюда все воины сотника явятся.

– Может, эти схоронят? – повернувшись, Окунев Линь строго посмотрел на волооких. – Эй, нехристи, жить хотите?

– Да, бачка, да, – тут же закивали юнцы – кто-то из них был ранен, а кто-то и нет, но кивали все одинаково, с завидной слаженностью и силой.

– Тогда вот что, – ватажник посмотрел на парней еще более строго, хотя, казалось бы, строже-то уже некуда, а вот, поди ж ты, смог. – Похороните всех – дадим жизнь, ясно?

Юноша дружно поклонились, упершись лбами в землю.

– А раз ясно – ищите лопаты, да копайте скорее могилы. Ну! Живо!

Парни тут же разбежались, кто-то притащил лопаты, кто кирку... заработали.

– Ну, вот, – тихо промолвил Окунев. – Хоть басурмане помогут. Спите с миром, Олешка, Рагунь. Спите с миром. В храм божий придем – свечки за упокой поставим.

– Да, поставим, – кивнул Егор и тут же встрепенулся: – А Федька, Федька-то где?

– Средь убитых нет!

– Ну, и куда его черти дели?

А Федька в это время, крутя над головой саблей, со всех ног бежал по широкой, вытоптанной коровами и овцами тропе – догонял убежавшего от него вражину. А тот оказался быстроногим, словно льдина в талой апрельской воде.

Правда, поначалу метнул в Федьку копьё... и – руки в ноги, бежать, вот трус-то!

– Стой, иуда! Врешь, не уйдешь, гадина! – обиженно вопил отрок.

Да и как было не обижаться-то, ежели копьё это пол-уха порвало и хорошо еще не угодило в глаз? А запросто могло бы... Ну, сволочуга, черт!

Бегущий вдруг споткнулся и, не удержавшись на ногах, полетел кубарем в траву; тут-то его и настиг молодой ватажник. Подскочил ближе, торжествуя, поднял саблю... Эх, сейчас – с оттяжкой! Так головенка-то по кочкам и запрыгает.

– Господи-ин... Не убивай, – молитвенно сложив руки, взмолился беглец. – Не убивай...

Рассмотрев врага ближе, Федька разочарованно сплюнул – перед ним стоял на коленях совсем еще юный, лет двенадцати, парень, такой же, как недавно вырученный из рабства Митрий. Черноглазый, с загорелым лицом и русыми, как и у самого Федора, волосами.

– Черт... ты русский, что ли?

– Нет, – парнишка отрицательно качнул головой и как-то жалко улыбнулся. – Я – Азат, пастушонок.

– Пастушонок он...

Федька опустил саблю, вся его ненависть к врагу вдруг исчезла... Ну, что это за вражина такой – мелкий? Сидит, скулит... И в самом деле – не убивать же? А копьё-то метнул, гад!

– Бог с тобой, живи, – юноша сунул саблю за пояс. – Живи... да меня – всех русских людей помни.

– Аллаха за тебя помолю, – прощенный повалился в траву, вытянул руки.

Ватажник махнул рукой:

– Ла-адно.

Повернулся, да зашагал обратно к кочевью – поди, хватились его уже...

Азат проводил его пронзительным, вдруг ставшим жестоким, взглядом... дернулся было к упавшему в траву кинжалу, хотел метнуть, да, подумав, выругался – далековато уже, раньше надо было.

Н-ну, что ж, коварные урусы... набег вы совершили, однако ж посуху вам с добычей не уйти – поди, на кораблях, ушкуях своих проклятых, явились... Не будет вам, рыжие собаки, пути, не будет – иначе Азат – не Азат, а последний змей подколодный. Не повезло вам, рыжие псы – из оставшихся в живых один Азат все степные дорожки знает... Не будет вам, коварные урусы, пути!

Прыжком вскочив на ноги, мальчишка свистом подозвал коня, прыгнул, схватившись за гриву...

– Йэх! Неси, родной Кызылгак, несись быстрее ветра! Коли к ночи успеем в гавань – никуда не денутся урусы... Перехватят их ушкуи суда могучего Ильяс-бека, потопят, возьмут в полон. Отомстит Азат за отца! Лети, славный Кызылгак, мчись быстрее птицы.

Федька явился вовремя – все уже собрались, да решили податься к ушкую конно. Кто один в седле, а кто и вдвоем на коне – как уж вышло. Все лучше, чем пешком... наверное. Вожников вот так не думал, на коне скакал редко – только с реконами. Незадача! Не хватало еще с какого-нибудь горячего жеребца сверзиться, честь свою уронить, подмочить репутацию. Нехорошо-о-о, однако, нехорошо-о-о...

Как нарочно, такого вот горячего жеребца и подвели ватажники:

– Для тебя, атаман! Владей, пользуйся.

– Садись на него сам, Иван, – отмахнулся вожак младшей ватаги. – Скачи первым.

– А...

– А я Федьку поищу... Ага, вот, кстати, и он, явился!

Завидев живого и невредимого – всего лишь слегка окровавленного – парня, Егор с искренней радостью улыбнулся:

– Тебя где носило-то, Федя?

Парнишка потупил взор:

– Да так...

– Ла-адно, приищи-ка какого-нибудь конька помирнее. В седле-то держаться умеешь?

– Хо!

Хо... Он-то – хо, а вот сам Егор – хо-хо!

– На одном коне с тобой потихоньку поедим... Только не торопись, не то коняку загоним – падет! Эт-то что еще?

Обернувшись на шум шагов, Вожников в удивлении округлил глаза, увидев перед собой Осипа Собачий Хвост и широкогрудого детину в рваных портках – пленника из списка новгородца Микулича – тот за всех своих людишек просил. Рослый – борода лопатой – детинушка и сейчас смотрел исподлобья, только на плечи его был накинут красивый татарский халат, а позади... позади толпились связанные полуголые девки – татарские жены, числом три – все молодые и, на привередливый взгляд Егора, мягко говоря, несколько толстоватые, однако вполне симпатичные, особенно одна – курносая, со смешливыми ямочками на пухленьких щечках.

– Это что еще? – грозно повторил вожак.

– Дак – полон, – невозмутимо отозвался Собачий Хвост. – Младшие жены сотника. Попользуем, да потом продадим, либо на медовуху выменяем, девки-то – загляденье!

– Отставить! – рявкнул Егор, не сдерживаясь. – Некогда с ними, да и некуда – на ушкуй все не влезут, а уходить надобно скоро.

– Ясно, – согласился Осип. – Так зарубить?

– Я тебя самого сейчас зарублю! – расвирипел Вожников. – Мы с женщинами не воюем, тем более вот с такими... пусть остаются, а вам обоим в путь давно пора. Лошади закончились, побежите бегом, ножками.

– Побежим, – «борода лопатой» хмыкнул. – Не впервой уж. Господине... а в ватажке твоей остаться можно? Больно уж люди вы веселые да приятственные.

– Ишь ты – приятственные, – невольно усмехнулся Егор. – Ладно, так и быть – подумаю. Но с купцом – кто там за тебя платил? – рассчитаешься.

– Само собой.

– Звать-то тебя как?

– В Ногагороде Тимофеем Гнилой Зуб кликали.

– Гнилой Зуб, значит? А стоматологов у нас нет!

– Чего?

– Ладно, проехали. Давай, бегом – марш! Оп-па!

Ушкуйники добрались до ладьи лишь к ночи. Пока прискакали к реке, да потом искали – уже и стемнело, и яркие желтые звезды высыпали вокруг серебристой луны, словно крупные речные жемчужины. Опасаясь ратников Берды-бея, тех, кого так удачно отвлекли главные силы ватажников, ночевать решили на воде, в ушкуе. В тесноте, да не в обиде, пусть и не очень-то удобно, зато в безопасности. Отплыли от берега шагов на двадцать, бросили якоря – не такое уж и сильное здесь было течение.

И правильно, что там встали! Утром, едва посветлело, запели над головами ушкуйников пущенные с берега стрелы основной Берды-беевой рати.

Все ж решили басурмане прошерстить берега... Сообразили. Или подсказал кто.

Не дожидаясь таких вот, с железными остриями, подарков, ватажники споро отгребли на середину реки и подняли мачту с парусом. Судно дернулось, уловив ветер.

– Ха-ха! – радовался, сидя на корме, Вожников. Запел: – Нас не догонишь!!!

– Егорий... – тихо позвал вдруг побледневший кормщик.

– Что такое?

– Ты за корму взгляни!

Молодой человек оглянулся... и матерно выругался, став точно таким же бледным, как и юный кормчий Кольша Дрема. Было с чего ругаться – позади ушкуя выплывали из-за излучины крупные боевые суда с нашивными, гладью, бортами – насады – под зелеными флагами пророка Мухаммеда.

– Ордынские корабли, – озадаченно вымолвил Осип Собачий Хвост. – Флот Ильяс-бея. Кто ж ему сообщил?

Глава 12

Бросок и мяч

Пушечное ядро, взметнув тучу брызг, упало в воду метрах в пяти от кормы ушкуя.

– Мазилы, – невесело усмехнулся Егор и, понизив голос, глянул на кормщика: – Уйдем?

Кольша покачал головой:

– Как ветер. Покуда – слишком уж мал, легок. Придется на веслах.

На веслах...

Вожников задумчиво посмотрел на ордынский флот, маячивший метрах в двухстах, на излуине. Что и говорить, рать большая, и кораблей изрядно, навскидку – десятка два, а больше просто не видно. Большие военные суда, без мачт, весельные... военные. А, скорее – десантные, неповоротливые, большие. Тяжелые – на три-пять человек – весла, гребцы – «шиурма» – пленники, не люди. Даже сюда доносился свист плеток да жалобные крики – надсмотрщики старались вовсю. Ушкой, конечно, куда легче, стремительнее, тем более – две смены гребцов.

– Уйдем, – молодой атаман улыбнулся. – Точно – уйдем.

Еще бы... никаких видений не было... если только не закончилось все колдовство бабки Левонтихи. Надо же – свой сайт у колдуньи, расценки... наверное, официально зарегистрирована и честно платит налоги. Господи! Егор вдруг тряхнул головой, словно отгоняя видение, – это что, все с ним, взаправду? Ладья с верной ватагой, татары, кровь...

Буххх!!!

В окружении вспенивших воду стрел снова плюхнулись в воду ядра – на этот раз ближе, и кормщик переложил рулевое весло – срезая изгиб реки, пошел ближе к берегу. Предупредил:

– Трави шкот, Федька!

Мерно пенили воду весла, ушкуйники гребли на износ, знали – кроме них самих их не спасет никто и ничто, никакое чудо. И вот именно это, все то, о чем только что столь отстраненно подумал Вожников – ладья, гребцы, погоня – и было по-настоящему реальным, а вот другое, другая жизнь – пилорамы, мерзавцы бухгалтеры, лесовозы – уже казалась какой-то далекой и нереальной. Да была ли она вообще, та жизнь?

– Мыс впереди! – обернувшись, обрадованно крикнул с кормы зорко высматривавший камни Линь. – Наши!

И в самом деле, из-за мыса навстречу ушкую выплыла точно такая же ладья – старшая дружина атамана Антипа Чугреева.

– Эгей! – привстав, еще издали закричал Егор. – Поворачивай! Поворачивай!

Суда встретились к борту борт, резко развернулись – в поднятых веслами брызгах плясало солнце.

– Вижу, – посмотрев назад, кивнул Антип. – Татарские корабли. Многонько их что-то.

– Ничего, уйдем, насады-то ордынские тяжелы, неповоротливы, – прищурившись, молодой человек взглянул в небо. – Солнце уже высоко. Уйти бы до ночи.

– Уйдем, – как-то слишком уж самоуверенно промолвил Чугреев. – Уйдем, нам вверх по реке как раз и надо. До ночи продержимся, а там... Ладно, давай – след в след.

Основная ладья, взмахнув, словно крыльями, веслами, полетела вперед, за ней, не отставая, бросился и ушкой Егора. «Антилопа». «Антилопа-Гну». Молодой вожак очень надеялся на то, что узкое и стремительное суденышко полностью оправдает свое название.

И верно, хоть и пришлось сложить мачту – ветер стал порывистым, переменчивым, запросто мог опрокинуть корабль, – ватажники гребли как проклятые, и ордынский флот скоро отстал, маячил уже в полкилометре – даже стрелы не долетали. Правда, татарские пушкитюфяки вякали, пусть так же бесполезно.

– А ведь уйдем! – Егор и сам взялся за весло с очередной сменой. – А, парни?

– Так будем гребать – сам черт не догонит! – засмеялся в ответ усевшийся на соседнюю банку Федька.

Даже солидные, много чего повидавшие на своем веку мужики – Линь с Иваном – и те улыбались: дело-то спорилось, хорошо шли! Да не шли – летели!

Вожников орудовал веслом старательно, ничуть не хуже других: пригодились навыки, полученные когда-то во время драккаринов с реконами, да и устроенные купцом Михайлой Острожцем сразу после покупки судов тренировки тоже не оказались лишними.

– Широка Кам-река, – Тимофей Гнилой Зуб растянулся на носу, отдыхая, только что греб как сумасшедший.

Посматривал по сторонам, нагнувшись, пробовал рукой воду.

– Широка, – поддержал кто-то из освобожденных пленников. – Пожалуй, и пошире Волги-Итиля будет.

– В этом месте, пожалуй, да, – согласился новоявленный ватажник. – И то нехорошо есть.

– Это отчего же нехорошо, Тимоша?

– Татарам есть, где развернуться. Могут в обхват пойти.

– Э-э, паря! Догонят ли? Эвон как отстали, плетутся.

– Думаете, у ордынцев только тяжелые насады и все? Мелкие юркие ладьи тоже имеются. Обычно к большим кораблям за кормою привязаны, – пояснив, Гнилой Зуб настороженно обернулся. – Сейчас они их, видя такое дело, отвяжут.

– С малыми-то мы управимся.

– Их много может быть. Как на старой собаке блох.

Тимофей сказал, как накаркал – не прошло и пяти минут, как за кормой «Антилопы» появились стремительные черные точки, издали похожие на жуков-водомерок. Точки быстро росли, приближались, вот уже видны стали и сидевшие там воины в кольчугах и плоских, блестящих на солнце, шлемах. Полетели стрелы, несколько ударили в корму, едва не поразив Кольшу.

– Пригни-ись! – закричал Егор. – Рули зигзагом.

Кормчий так и делал – ворочал веслом, командовал то левому, то правому борту... В результате таких вынужденных действий «Антилопа» явно снизила скорость, чего и добивались враги.

– Готовимся к схватке!

Вожников с явным удовольствием передал весло сменщику – устал, чего уж, все ж не так вынослив, как эти... средневековые люди. Натянул бахтерец, подумав, шлем надевать не стал, взглянул на быстро вооружившихся ушкуйников, скомандовал:

– Лучники-самострельщики на корму...

И тут же отменил команду:

– Впрочем, нет – с банок стреляйте. Тащите-ка сюда пушку!

Ватажники быстро перетащили орудие, не столь уж тяжелое, калибром, по прикидкам Вожникова, миллиметров двадцать пять – тридцать. Имелись на ладье и каленые каменные ядра, и зелье-порох, слава богу, сухое.

Примостив на корме ядра, Егор неожиданно усмехнулся: пушку-то поставили, а кто заряжать будет, стрелять? Раньше, еще под Нижним, пару раз, конечно, попробовали пальнуть, но это Антип делал – вот уж поистине на все руки мастер.

– Пушкари есть? – молодой атаман исподлобья оглядел ватагу.

Все потупили глаза – понятно, эпоха пороха, по сути, только еще начиналась.

– Ясно, придется самому... С самострелом кто?

– Язм! – поднял арбалет Иван Карбасов.

– Давай тоже ко мне, бей прицельно – выбивай кормщиков.

Ватажник приложил руку к груди:

– Сделаем. Не сомневайся, атаман – сладим.

Честно говоря, молодой человек если в ком-то сейчас и сомневался, так только в себе, точнее сказать, в своих способностях к артиллерийскому делу. Ну, примерно-то, конечно, все себе представлял, но... Как-то боязно было – не взлететь бы, к чертям, на воздух вместе со всей ватагой! А ведь палил когда-то с реконами, точнее – видел, как другие палили, и теперь жалел, что тогда не попробовал сам.

Впрочем, небольшая пушечка – кажется, таковые именовались кулевринами – выглядела вовсе не угрожающе, а как-то по-доброму, по-домашнему, что ли. Этакий самострел-переросток, знакомый практически любому советскому подростку, кроме уж самых закоренелых маменькиных сынков. Егор тоже когда-то в детстве и делал, и стрелял, хоть и рос уже в не советское время. Все имевшиеся пушкарские припасы были сложены в сундучке.

Рог какой-то, проволочина... а эта вот длинная штука называется «банник»... Слава богу, пороховые заряды аккуратно уложены в полотняные мешочки. И так... заряд... ядро... Нет, сначала вот эта деревянная пробка – пыж, а вот теперь уже и ядро, и не забыть затравочный порох. Стоп! Сначала что-то там проткнуть острой проволочкой... вот она, кстати. Так мешки же с порохом и проткнуть. И засыпать мелкий затравочный порох... а где он? А вот в роге как раз! Ага, есть! Теперь по стволу такую узенькую пороховую дорожку – как кокаин нюхают... Накалить пруток... Ха, тут и затравочный фитиль есть.

– Парни, у кого огниво?

Фитиль затлеет сразу – жарко, успел высохнуть и сам стал, как порох! Ордынские челны приближались, некоторые из ватажников и недавних невольников уже словили стрелы – кто-то ранен, а кто-то, увы, убит – судьба такая.

Ушкуйники тоже огрызались со всей сноровкой – летели градом стрелы, а вот в ход пошли и сулицы, рядом уже татары, совсем рядом – с дюжину мелких, раза в два меньше ушкуев, судов, в какие попасть очень сложно. Впрочем, из такой пушечки...

– Готовсь! – подняв фитиль, сам себе скомандовал Вожников, нацелив ствол кулеврины на ближайший, выбившийся вперед других, челн с ордынскими воинами – узкоглазыми лучниками в кольчугах и шлемах.

Ух, как они гребли! Еще немного, и приблизятся на прицельный выстрел.

– Прямой наводкой... Пли!!!

Фитиль противно зашипел и погас. Выстрел не вышел. Раздраженный атаман уклонился от стрелы и, быстро сменив затравочный порох, посетовал:

– Могли б и поменьше брызгать, парни. Федька! Давай-ка, зажги фитилек... Ага!

Бабах!!!

Вожников и сам не ожидал, что выстрел окажется таким громким – сразу же заложило уши и какое-то время не было слышно, кто там что кричал, но... но, похоже, радовались! Еще бы – каленое ядро просто снесло с вражеского челна всех воинов и гребцов по правому борту...

– Хорошая штука! – ухмыльнулся Егор. – Давай-ка, Федька, зарядим еще. Иван! Ты кормщиков-то выцеливай!

– Так я и выцеливаю...

Ввухх!!!

Пущенная из самострела Карбасова стрела пронзила насквозь вражину на соседнем челне... жаль, не кормщика, но кого-то из главных. Судя по золоченым доспехам (против арбалетной стрелы – одна видимость!) и шлему, даже и повыше десятника будет... сотник? Очень может быть, вон и флаг на челне – длинное сине-зеленое знамя.

– Ай! – схватившись за руку, вдруг закричал Федька.

Не уберется парень от шальной стрелы, хорошо еще хоть так, царапнула на излете руку.

Ввухх!!!

Иван снова пустил стрелу... то ли он, то ли кто-то другой из ватажников, но пару кормщиков поразили, один из челнов неосторожно подставился боком – туда и выпалил Вожников и, как ни странно – попал. Хотя, а чего странного-то? Волнение небольшое, не море все-таки, и не Ладога, а повернувшаяся боком мишень – хоть куда, пали – не хочу, главное только пониже к водичке.

Бабах!!!

Левый борт челнока разлетелся в щепки, завывли, закричали, падая в воду, враги. Плотный дым застил ушкуй, так, что ордынским лучникам ничего не стало видно – слали свои стрелы так, наудачу – прямо в дым.

– Ну и паровоз! – покосившись на пушку, ухмыльнулся Егор.

В ответ улыбнулся и Федька:

– Ты как этот... арап или сарацин! Черный!

– На себя посмотри, арап, тоже мне!

Да уж, почти все ватажники, особенно те, кто находился ближе к корме, были черными от порохового дыма. Этакие негры с белыми сверкающими зубами.

С головной ладьи вдруг послышался резкий предупреждающий звук трубы, атаман Антип Чугреев замахал рукой, указывая куда-то влево.

– По левому борту – обходят! – ахнув, закричал Вожников, глядя, как юркие ордынские челны стремительной волчьей стаей пронеслись возле самого берега.

Их было много – просто взяли и на излучине обошли, ордынский адмирал – или как там его? – записным хитрецом оказался. Цель его маневра была ясна обоим атаманам – и старшему и младшему, – обойти, обогнать, и уже оттуда – напасть, пользуясь преимуществом речного течения.

И ничего, ничего с этим нельзя было поделаться – слишком много судов у ордынцев, а у ушкуйников – всего две ладьи.

Нарвавшись на плотный отпор, татарские челны чуть поотстали, большинство из них так же свернуло влево.

И что теперь? Наперерез идти? Да поздно уже, поздно! Осталось только спеть строевую песню «Врагу не сдастся наш гордый „Варяг“» да, ввязавшись в неравный бой, погибнуть с честью. Хотя... хотя ведь еще и другая песня есть, тоже строевая, ничуть не хуже – даже куда лучше! – первой – «А помирать нам рановато, есть у нас еще дома дела!»

Воспользовавшись минутой затишья – оставшиеся позади враги не спешили, время-то работало на них, – головной ушкой подошел ближе. Никита Кривонос, скинув доспехи и рубаху, бросился в воду... Доплыл, вскарабкался на борт «Антилопы». Сплюнул:

– Надо челнок захватить – приказ атамана. Его ушкой остальных ордынцев приманит, а дальше уж – вы... И, главное, это... стреляйте побольше, чтоб дым густой был. Потом посадите на челн кого-нибудь – пусть гребут вверх по реке.

– Зачем?

– Атаман сказал – там свои какие-то. Да недолго, сказал, грести-то.

Свои – хм... То-то Антип так вверх по реке и стремился. И, гад, ничего ведь конкретного не говорил. Ла-адно.

– Понял тебя, Купи Веник! – получив четкое указание, рассмеялся Егор. – Значит, дымовую завесу ставим? Ага! Федька, как рука?

– Да ничо, завязал вон, тряпицей.

– Тогда готовь выстрел.

– Слушаюсь, мой атаман!

Парнишка принялся проворно исполнять указанное, а Никита Кривонос, видя такое дело, с уважением покачал головой:

– О как у вас!

Молодой вожак приосанился:

– А ты думал?! Ну, как челн-то приманивать будем?

– А сейчас... обратно поплыву – вроде как к басурманам течением и отнесет. Неужель не захотят пустить хотя б пару стрелок? Или даже захватить в полон, узнать, зачем плавал? Захотят. Близо ведь от них буду – токмо руку протяни.

– Эх, Купи Веник! – с сомнением сказал Егор. – Отчаянная ты голова. Федька – готов?

– Готов, мой атаман!

– Ну, тогда что ж – с Богом!

– Вы токмо сразу-то палить погодьте! Атаман знак даст – махнет рукой.

Перекрестившись, Никита Купи Веник снова ухнул в воду. Вынырнул, заработал руками... а течение-то пловца сносило, сносило к ордынским челнам. Вот крайнее суденышко дернулось, махнуло – вроде бы как нехотя, с ленцой – веслами... поплыло за отчаянным ватажником, засвистели, молотя воду, стрелы. Видно было, как, уходя от стрел, Никита нырнул... вынырнул... оказавшись еще ближе к челну. Враги ликовали! Один из воинов уже хотел метнуть в смельчака сулицу, да кто-то – видимо, старший – перехватил руку, что-то сказал...

Чугреев наконец-то махнул рукой.

Молодой атаман с усмешкой опустил фитиль.

Бухх!!!

Ядро ударило в воду – не может же бесконечно везти! – однако дыму поднялось изрядно, кое-кто из ватажников даже чихнул, закашлялся:

– От адово зелье!

Федька, схватившись за ствол, резко отдернул руку – накалилась от выстрела пушечка! И все же минуты через две-три Вожников выстрелил снова. И, махнув рукой ватаге, направил ушкуй прямо в пороховой дым...

Какое-то время ничего видно не было, а потом – как-то сразу, резко – вынырнул, зачернел впереди низенький борт татарского челна.

– Берем тихо! – схватив саблю, предупредил своих атаман. – Никакого шума, крику. Пошли!

И сам – первым – перепрыгнул на вражье судно. За ним тихо, как смерть, бросились и остальные ватажники: Линь Окунев, Иван Карбасов, Федька... и все бывшие пленники во главе с широкогрудым Тимофеем по прозвищу Гнилой Зуб.

Отбив чужой клинок, Егор ударил саблей наотмашь, чувствуя, как лезвие скользнуло по вражьему шлему вниз, в плечо. Плохой удар, зряшный, только клинок тупить! Татарин – невысокий, но юркий, с красивым лицом и злобным взглядом черных, как совесть тирана, глаз – с ухмылкой ринулся в атаку...

Ринулся бы, да вот только не успел – челнок качнулся, и оба – Вожников и его соперник – тяжело ухнули в воду.

Ах, черт! Как же неудобно купаться в доспехах. Обмененный на байдану (малость жала) у Окунева Линя бахтерец – по сути, короткая куртка из скрепленных кольцами продолговатых металлических пластинок, – хоть и весил чуть больше десяти килограммов, а все же ощутимо тянул вниз. Хорошо, мелко было, всего-то метра два с половиной, три – но утонуть и этого вполне хватит.

Вынырнув, Егор, бросив бесполезную саблю, что есть силы заработал руками. Можно, конечно, было бы попытаться сбросить бахтерец, так ведь отмель-то – вот она! И вражина – Вожников скосил глаза – тоже ведь туда же плыл. Ну-ну... поглядим, кто быстрее. Оп-па! Молодой атаман коснулся ногами дна! Встал, сделал пару шагов – крепкое дно, не илистое... чуть пройти – шага три, вот так, больше некогда, ордынец-то – вот он. Хорошая отмель, воды уже только по грудь... Чу! Мокрая, с черными, заплетенными в мелкие косички волосами, голова татарина показалась совсем рядом. Враг тоже нащупал ногами дно и... резко оттолк-

нувшись, прыгнул, вытянув вперед руки. Саблю-то тоже выбросил – жизнь дороже – и теперь, похоже, надеялся задушить соперника, утопить в водиче.

Ага, попробуй. Сам же и напросился... Н-на!!!

Егор встретил выскочившего из воды врага прямым в переносицу. Хороший такой вышел джеб, чистый, основательный, вовсе не суетливый – тренер бы одобрил. Бумм!!!

Отлетел вражина в воду, да так там и остался. Нокаут, нокдаун? Да какая разница? Все равно уж вряд ли всплывет... а тут и свои, ватажники, закричали, подплыли на захваченном челне. Молодцы, парни! И сколько времени прошло с момента второго выстрела? Вряд ли больше пары минут – вон, дым еще не развеялся.

– Давай, атамане! – Тимофей Гнилой Зуб – ого, он тоже в «десанте»! – протянул мускулистую руку.

– Хороший челн, – выбравшись из воды, заценил Вожников. – Низенький, быстрый. Кто поплывет?

– Могу я, – склонил голову Тимоха. – Грести умею добро.

– Да я видел, – сказал Егор. – Но одного мало, еще хотя б... Федька...

Подросток сразу скривился:

– Не, я с тобой, атамане. Да и рука.

– Ах, верно – рука. Тогда – ты, Осип!

– Добро, – кивнув, поплевал на ладони ватажник. – Сейчас вас – на ушкуй, а сами...

Покуда вражины не опомнились. Кого там искать-то?

– Атаман сказал – своих. Понимайте, как хотите и... Бог вам в помощь!

На миг причаливший к ушкую челнок отчалил в клубах сизого порохового дыма. Ватажники – Тимоха и Осип – споро погнали суденышко вдоль берега, к камышам и дальше.

– Прoberутся, уйдут, – посмотрев им вслед, тихо молвил Линь. – Вижу, эти парни дело свое знают. Э, атаман! А ловко ты того мурзеньша! Бац в морду – и корми рыб. Славно!

Первый раунд был выигран ватажниками вчистую. Однако первый раунд это еще не весь бой – бывали случаи... и часто. Когда, наконец, рассеялся пороховой дым, Егор осмотрелся, прикидывая сложившуюся ситуацию. Вроде бы и неплохо: ладьи ушкуйников все так же ходко продвигались вверх по течению, маячившие далеко позади серо-зеленые ордынские насады казались безнадежно отставшими, поредевшие челны уже не рвались сломя голову в схватку, а опасливо жались к большим кораблям.

Впрочем, челны-то поредели по разным причинам... И что там ждало, за излучиной, мысом?

А ничего хорошего не ждало!

Едва ушкуи прошли излучину, ватажники сразу увидели врагов, все те же челны, выскочившие наперерез из засады. Просочились, сволочи, камышами да мелями... как бы и свои – Осип с Тимохой – так же.

Молодой атаман погладил ладонью теплую пушку:

– Ничего. Прорвемся! А, парни?

– Конечно, прорвемся, – радостно кивнул Федька. – Видали мы их челны... так ихнюю мать-перемать!

– Эй, эй, сильно-то не ругайся, юноша, – Вожников в шутку погрозил парню кулаком. – Да уж, кораблики эти нам не страшны... тут другое странно.

– Да чего странного-то? – переглянулись ватажники. – Сильно-то они нас не задержат.

– Держатся слишком смело, – Егор задумчиво посмотрел вдаль. – Нагло как-то. На спокойной воде встали, гляньте – там и совсем почти не видать течения. И там, справа – простор.

– Думаю, там мель, атаман, – не спуская с врагов внимательного взгляда, негромко заметил Окунев Линь. – А тут, где они столпились – проход.

– Ну, ушкуи-то наши не особо осадистые...

– Особо не особо – а полтора локтя есть! А там, вон, отсюда видать – камни, да еще, верно, песок – в нем и увязнем.

– Про песок, Линь – это пока твои только догадки. Проверить бы, да некогда. И все же – что-то не хочется мне по тому берегу пробираться.

– Атаман, – подергал за рукав Федька. – Вон, наши на совет зовут.

С головного ушкуя замахали руками, затрубили в трубу и чуть замедлили ход, дожидаясь ладейку Вожникова. Вот оба судна пошли рядом.

– Там, справа, мель, – предупредил Чугреев. – По колено и мельче. Ушкой не пройдет – песок, камни.

– Что будем делать? – шурясь от солнца, Егор снова посмотрел вдаль, на вражеские челны, застывшие уже не черными точками, а этаким частым гребнем.

При более пристальном рассмотрении в гребне, впрочем, зияли прорехи – как сломанные зубья у расчески какого-нибудь неряхи.

Антип тоже это заметил:

– Там, верно, можно пройти. Токмо... не знаю даже... вдруг что? Предчувствия какие-то.

А вот у Егора, кстати, никаких таких предчувствий не было! Ни видений, ни чего прочего. Значит, и в самом деле можно пройти?

– Надо цугом, друг за дружкой, как гуси, – предложил чугреевский кормчий – Ондрей.

Его коллега, Кольша Дрема, тотчас сказал:

– Мы можем первыми. А что? Запросто.

Верховный атаман махнул рукой:

– Пусть так. Вы вперед, мы – за вами. В путь, братцы – нечего ждать уже! Только хуже будет.

Антип кивнул назад, на встававшие неодолимой стеною насады под зелеными флагами. Вот ведь перли – как танки Гудериана в сорок первом. Для стрел еще далековато было, однако уже начали громыхать пушки. Пока еще бесполезно. Пока еще...

– Вперед!

Егор с верным Федькой уже перебрались на нос, туда же перетащили и пушку, зарядили – громыхнуть, разнести вражин в клочья! Эх, жаль снаряды не разрывные, не осколочные. Каменное ядро, оно ядро и есть – дырку пробьет, ну, в щепки борт размочалит – всего-то. Да уж, не граната, нет.

Вражеские челны приближались... то есть – они-то стояли себе спокойно, чего-то выжидая, это ладьи ушкунников двигались с все увеличивавшейся скоростью.

– Р-раз! Р-раз! – размахивая саблей, Вожников задавал темп гребли. – Р-раз!

Уже стали хорошо видны оцетинившиеся копьями челны, и солнечные лучи, отразившись в ордынских бронях и шлемах, ударили ватажникам по глазам, уже полетели стрелы...

И вдруг...

Что-то вспыхнуло впереди! Прикрыв челны, встало неодолимой стеной мощное зеленоватое пламя! Да, мало того, что встало – еще и медленно пошло навстречу ушкалям!

– Что за черт?

– Господи-и-и!!!

– Огонь в воде горит – чудо! Ордынцы – они колдуны, что ли?

– То грецкий огонь, парни! – прищурившись, промолвил Линь Окунев. – Я про такой слышал, только видеть не доводилось.

– Теперь вот довелось.

– Что ж мы, робяты, сгорим теперя?

Греческий огонь! Вожников закусил губу – откуда он здесь, каким образом? Могучее боевое средство, коим владела Византийская империя, когда еще сама была могучей – лет

шестьсот назад примерно. Да, где-то так. И средство это – неугасимое, всепожирающее, пламя – секретили так, что... Впрочем, за полтысячи лет можно вызнать любые секреты. Особенно если щедро платить.

Греческий огонь... Что-то типа нефтяной пленки? Горит на воде... но ведь скоро должна бы и выгореть, только вот ждать уже...

А расплескать!

– Скорости не снижать! Федька, пушку к бою! Головной ладье передать – пусть идут за нами, как шли.

Ватажники тихо молились. Казавшаяся обреченной «Антилопа» неслась напрямиком на адское пламя! Уже чувствовался жар.

– Пушка готова, мой атаман.

– Молодец... Так, сейчас направлю. Бери фитиль! Стрелять по моей команде.

– По воде бить будем?!

– По воде, по воде... Приготовился? Пли!

Бабах!!!

Влетело в объятую пламенем воду ядро, совсем небольшое, однако силы порохового заряда оказалось вполне достаточно, чтобы поднять волну и огненные брызги... в огненной стене появилась брешь! И туда, в брешь эту, нырнули, один за другим, ушкуи.

– Прошли!!! – радостно воскликнул Егор. – Ну вот, а вы говорили!

Следом, из стены пламени и черного дыма, вынырнул головной ушкой, которому повезло меньше – уже дымилась корма, и ватажники Чугреева едва сбили пламя плащами.

– А огонь-то на татарские насады пойдет! – с усмешкой протянул Федька.

– И-и-и, паря! – охолонул его Линь. – Огонь-то этот нестойкий, покуда до насадов дойдет – выгорит весь, погаснет.

– Понятненько, – подросток часто закивал. – Теперь ясно, почему насады не торопились. Быстрей бы плыли – теперь бы вспыхнули. – Парнишка вдруг округлил глаза и удивленно присвистнул: – Ох, ты ж, боже мой, это что еще, а?

Егор и все остальные ватажники, повернув головы, посмотрели вдаль, на излучину, из-за которой величаво выплывали крупные боевые суда: насады и ушкуи-ладьи, некоторые с двумя и даже с тремя мачтами. Трепетали на поднявшемся ветру багряные, синие и золотистые стяги с вышитым изображением Богородицы.

– Наши! – облегченно перекрестился Линь.

– Наши, Господи!

– И откуда они здесь взялись?

– А челночники-то твои, Егорий, успели все ж таки! – со смехом выкрикнул со своей ладьи Антип. – То ушкуйники из Хлынова идут Орду грабить! Ватага знатного атамана Микифора Око! К ним мы и прибьемся!

– Так ты о нем знал! – воскликнул Вожников.

Что ж, молодой человек об этом догадывался давно – с чего бы было Антипу в ордынские земли стремиться, двумя-то ушкуями много не навоюешь, богатств особых не наживешь. Два ушкуя – ничто, а вот сотня – это мощь. Похоже, их столько и было сейчас, корабли атамана Микифора Око все никак не заканчивались, все выплывали из-за мыска, тянулись, словно товарный поезд.

Вот это силища! Вот это атаман – настоящий пиратский вождь, не хуже пресловутых Моргана или Флинта.

– Да-а-а, – чуть слышно протянул Егор. – Похоже, начинается одиссея капитана Блада. Не очень-то б и хотелось, честно сказать.

Да, лить людскую кровь – пусть даже татарскую – Вожников не желал, и предпочел бы заняться чем-нибудь менее кровавым, да вот только судьба пока распоряжалась иначе.

– Ой, а вот и Осип с Тимохой, – увидав быстро подваливающий к ладейкам челн, закричал Федька. – Здорово, братцы! Вижу – успели-таки!

– Успели, – пригладив бороду, Осип уцепился за борт. – Как проклятые гребли, потом вдруг увидели корабли, думали – татары, да Тимоха углядел Богородицу. Мы и – к ним. Так и так – самому главному атаману все объяснили. Вон он, главный-то, на насаде – наших атаманов к себе зовет – вас!

– Зовет – сходим, – пожал плечами Егор и, повернувшись к головной ладье, спросил: – Слышал, Антип?

– Да слышал, – Чугреев уже набросил на плечи нарядный, богато разукрашенный плащ приятного василькового цвета. И где он его, кстати, взял?

Молодой человек присмотрелся, заметил шитую золотом по голубому изысканную арабскую вязь. Ясно – трофейный плащик. Небось, принадлежал какому-нибудь мурзе... или его супруге.

Антип махнул рукой:

– Скоро ты там, Егорий? Вот с ними, на этом челне, к атаманскому-то насаду и подадимся.

Пиратский вождь, атаман Микифор Око обликом своим вовсе не напоминал капитана Блада, до романтики сему яркому представителю разбойного люда было далеко. Что и говорить, внешность Микифор имел колоритную – здоровущий (на могучей груди едва сходилась вызывающе-красный, украшенный золотыми пуговицами кафтан), с черной кудлатой бородищей, он больше напоминал не романтика океанских просторов, а черта. Смуглая обветренная кожа, жестокие складки у рта, через все лицо – рваный давнишний шрам. Правый глаз давно вытек, и пустую глазницу прикрывал роскошный, темный, с едва заметной проседью, чуб, зато левое око сверкало бриллиантом, отсюда, верно, и прозвище.

– Здоров будь, славный Микифор! – Поднявшись по узкой лестнице на высокую корму насада, Антип с Вожниковым поклонились. – Мы...

– Знаю, кто вы и откуда, – нетерпеливо перебил сидевший в роскошном позолоченном кресле вожак. – Ваши же люди мне и доложили. Просили побыстрее плыть – успел, – Микифор вдруг приподнялся и указал перстом на маячивший в отдалении флот ордынцев. – Я так мыслю – это флот Ильяс-бея. Он что же, бросил Жукотин?

Егор повел плечом:

– Выходит, так.

– Тогда некогда мне с вами больше лясы точить, – пиратский вождь махнул унизанной драгоценными перстнями рукой. – Ежели вы со мной – добро пожаловать на совет со всеми моими атаманами. Сейчас быстро решим, как и кто действовать будет. Как, согласны?

Ватажники переглянулись:

– Ага, – кивнул Антип.

– Мыслю – за тем и явились, – хмыкнув, атаман неожиданно подмигнул обоим. – Видел, как вы прошли – хваты! Мне такие люди нужны... Добро пожаловать, парни!

Совет много времени не занял, Микифор Око, похоже, был человеком действия и лишних слов не терпел. План нападения атаман обрисовал буквально минуты за две:

– Ты, Митря – туда, ты, Собчан, со своими парнями, слева, остальные – за мной, ну и вы, робяты – тоже. Всем все ясенько?

«Робяты» разом кивнули.

– Ну, тогда все – давайте-ка по своим ладейкам да ждите сигнала.

Условный сигнал – утробный звук огромного рога – настиг Вожникова неожиданно: Антип-то успел уже на свою ладейку, а вот Егор только что влез на корму. Перевел дух, да просто, без обиняков, объяснил ситуацию:

– Нападаем на ордынский флот, парни. Раздербаем его в клочья, как говорят футбольные фанаты – па-арвем!

Ватажники неожиданно обрадовались:

– С этими пойдем?! Вот то дело!

– С этими, с этими... Кольша, не спи!

– Да не сплю я... так, задумался малость.

– И не задумывайся. Правь во-он за тем большим насадом.

– Где с Богородицей стяг?

– За ним.

Хотел того или нет жукотинский адмирал Ильяс-бей, а бой принимать пришлось – улепетывать со всех ног не вышло, догнали б. Тревожно забили барабаны. Крупные суда ордынцев, повинуясь сигналам, выстроились в три шеренги, заняв почти всю ширину реки, от берега до берега.

Суда ушкуйников, наоборот, наступали клином – сначала – самые крупные и хорошо защищенные, за ними вытянулись расширяющейся колонной все остальные, в том числе и два ушкуя ватажников Антипа Чугреева и Егора, вовсе не выглядевшие бедными родственниками – ушкуев у атамана Микифора Око тоже хватало, многие были и поменьше, и даже совсем уж узенькие однодревки имелись.

– Ал-ла-а-аи-и-и-и-и! – затагнули на кораблях Орды.

– Богородица Святая Дева! – эхом откликнулись ушкуйники.

Кто-то и этот клич подхватил, и свой, новый, крикнул:

– Кто на Бога и Великий Новгород?

Ага, цинично смекнул Вожников, знать, тут не только Микифор Око за главного, похоже, и новгородские большие деньги в деле крутились – ну, а как же? На какие ж шиши такой флот снарядить? Только вот спонсорскую помощь отрабатывать надо... Чем сейчас и занимался одноглазый пиратский вождь. Занимался, как видно, со знанием дела, без лишних формальностей, с огоньком – в буквальном смысле слова с огоньком – первыми, зачиная бой, твякнули пушки!

Просвистели, шмякнулись в воду ядра. А за ним полетел по воздуху всякий хлам – заостренные бревна, увесистые – в два пуда – каменюки, стрелы в человеческий рост, и даже объемистые – с зажигательной смесью – горшки. Это в морских сражениях всякие там стрелометы-катапульты-баллисты использовать весьма затруднительно, поскольку – ветер, постоянная качка, простор, и куда там занесет бревно или камешек – один Бог ведает, даже для морских артиллерийских орудий стабилизаторы только во время Второй мировой войны придумали, так что на морских судах – греческих или, скажем, римских – катапульты с баллистами могли только исторически необразованные художники пририсовывать или господ историков, с законами физики и баллистикой незнакомые напрочь. Это на море, а вот на реке – иное дело. И волны не те – почти нет, – и все кораблики – кучкой пали, не хочу, швыряй бревна, кого-нибудь да зацепит, не насад, так ладейку.

Бабах!!! Бумм!!! Ввухх!!!

Вожников восхитился даже – вот это музыка! Не какое-нибудь там дурацкое «Евровидение», настоящий тяжелый рок – цепляет!

– А-а-а-а-а-а!!!!

Кто-то уже закричал, а кто-то и не успел – раздавило, снесло с борта прилетевшим с неба бревном или камнем.

Ввухх!!!

И все же до бесконечности не кидались, не перестреливались, да и огненную стену ордынцы теперь не пускали – на самих же течением и снесло.

Набрав приличную скорость, первым вклинился в грозные шеренги врагов увешанный красными щитами тяжелый, как испанский галион, насад вождя, пиратского атамана Микифора Око. Пиратского... или все же – каперского? Ну, не обошлось тут без новгородцев!

За флагманским судном в образовавшуюся брешь нырнули другие насады, ушкуи, челны, а дальше уж все смешалось. Кто-то истошно орал, летели копья и стрелы, тут и там долбили – рывкали – пушки. Что-то сжало «Антилопу» с боков, подкинуло – миг, и перед самым носом ладьи выросла резная корма ордынского насада.

Почувствовав, как неистово забурлила кровь, Егор больше не думал. Он уже не ощущал себя человеком двадцать первого века, по меньшей мере – гуманным – о, нет, он был нынче таким же, как все – пиратом, разбойником, головорезом... и мстителем: вот вам, татарам, за слезы русских жен и матерей, за убитых и угнанных в рабство детей, за разграбленные города и сожженные посева – посеянное вами зло да вернется сторицей! Да будет так! И да свершится справедливость. На абордаж! Сарынь на кичку! Аминь.

Во главе своих верных ватажников Вожников перепрыгнул на борт вражеского корабля – изящного, с высокой кормой и двумя мачтами, по виду сильно похожего на длинную венецианскую галеру, такие суда арабы называли хульками. Кто-то ринулся наперерез – сразу двое, с палашом и саблей. Егор тут же взмахнул секирой, той самой... первым своим оружием... достал того, что с палашом, вновь замахнулся... Холодный клинок ударил в бахтерец, высекая искры, и тотчас тяжелый топор полетел врагу в голову! Татарин ловко увернулся, отпрыгнул... и нарвался на чью-то стрелу. Похоже, били из арбалета; Вожников обернулся, махнул рукою Карбасову – мол, молодец, так и дальше действуй. И снова перехватил поудобней секиру. Мимо с торжествующим видом пронесся Никита Кривонос.

– Эй, погодь, Купи Веник! Один не справишься. Погоди-и-и-и!

На корме хулька, куда стрелой летел Кривонос, столпились последние защитники судна во главе – судя по чалме и золоченым доспехам – с самим капитаном... или то был сам адмирал Ильяс-бей? Да нет, корабль не по чину – слишком уж мелкий. Крейсер. Фрегат.

Ордынцы оцетинились копьями, выставили круглые, с золотистым отливом, щиты. Запели стрелы...

– Эх, парни, уж постойм за Русь-матушку! – вырвался вперед сам головной атаман – Антип Чугреев, сильный, стремительный... и пьяный от брани!

В темных, с прищуром, глазах его сияло небывалое счастье. Такое же, как и почти у всех ватажников.

– Пошли, робяты-ы-ы! – прикрывшись круглым щитом, атаман взмахнул саблей и ринулся в бой.

– Пошли-и-ии!!!

Ватажники бросились за своим вожаком, полетели, кое-кто вырвался уже и вперед. Хрипя, словно дикий зверь, Никита Кривонос первым ворвался в гущу ордынцев, размахивая устрашающе огромной палицей... Бухх!!! Где только такую и взял-то? Бухх!!! Рядом, без всякой неуместной сейчас жалости, орудовал своей секирой Егор, за ним махал сабелькой шальной Федька, тут же, в первых рядах, бился неистовый Антип, хохотал, никому не давая пощады, показывал свою молодецкую удаль.

Падали с разmozженными черепами враги, летели вокруг кровь и белые, с розовым, мозги. Противно... Было бы противно, кабы не музыка боя, весь этот гул, сливавшийся из громких воплей, стонов и криков ужаса и боли, из звона сабель и свиста стрел в мощную симфонию смерти.

Сердце словно бы кричало – убей! Рази врага без пощады, ибо, если не ты, то... тебя. Да так оно и было.

Ряды защитников редели, вот уже осталось всего с полдюжины, частью раненных, озлобленных, защищавших своего командира до последнего вздоха. Впрочем, так и не сумевших защитить – палица Никиты Кривоноса угодила в намотанную поверх шлема чалму – так, по касательной, можно сказать – слегка. Чудовищный удар отбросил вражеского вождя к самому краю кормы, едва не опрокинул в воду...

Вроде бы все было кончено... Ан нет! И откуда взялся этот прыткий юноша, совсем еще мальчик? С непокрытой головой, в блестящем панцире с кольчужными рукавами, парень, судя по одежде, явно был не из простых. Правая рука его висела плетью, в левой же он сжимал короткий палаш... которым, подскочив сбоку, и ударил Микешу Сучка в шею. Ватажник, истекая кровью, упал. Бывший рядом Чугреев обернулся, одним ударом выбив палаш, занес над головой безумного юноши саблю...

– Пощади! – приподнявшись, закричал очнувшийся предводитель. – Ради всего святого... Пощади сына!

Зря он просил. Не тот случай.

Ввухх!!!

Сверкнула в лучах багряного солнца тяжелая атаманская сабля, и срубленная одним ударом голова юноши, подсакаивая, покатила с кормы вниз, к шиурме.

– У-у-у-у-у!!!

Истошно завыв, вражеский вождь, в мгновение ока выхватив из-за пояса узкий кинжал, и из последних сил метнул его в пиратского атамана.

Чугреев как раз обернулся... дурак... Стремительное острое лезвие, словно молния, ударило ему в левый глаз, пронзая мозг безжалостным жалом!

Антип пошатнулся, удивленная улыбка вдруг озарила его жестокое, забрызганное кровью лицо, словно атаман так до конца и не понял – что же, собственно говоря, случилось? И – Егору показалось, что медленно-медленно – упал, повалился, затих...

– А-а-нтипе... – тихо промолвил Никита и, развернувшись, с небывалой яростью метнул свою палицу...

Ордынский капитан улыбался – он ждал смерти. И знал теперь – его сын отомщен. Так и умер. Как воин. Как верный солдат. В бою.

Все было кончено, правда, не совсем – хоть большую часть судов ватажники и захватили, однако самому Ильяс-бею, как выяснилось, удалось уйти. Ускользнул на быстрой галере уже в середине битвы, когда, как опытный вождь, понял, что победа его воинству нынче не светит. Сейчас не светит... но кто знает, что будет потом? На все воля Аллаха. Вот и ушел, прихватив с собой часть кораблей, и вовсе не считал себя трусом, справедливо полагая, что лучше сохранить часть, нежели потерять всё. Поглощенные схваткой ушкуйники за ними не гнались, не заметили даже. Правда, вот Эльгар-бек, правитель Джукетау-Жукотина, такого поступка своего адмирала не понял и не оценил – но то уже другая история.

Погибших похоронили с честью, всех – и своих, и чужих. В ватаге Микифора Око нашлись и священники, а еще, по приказанию атамана, в ближайшей татарской деревне съезжали муллу, привезли с почетом – пусть отпоет своих, или как у них там положено. Потом, сразу после похорон, устроили пир – заодно и помянули усопших. Звали и муллу, да тот вежливо отказался и попросил доставить его обратно домой – откуда взяли. Проводить вызвался Егор – уж очень ему не хотелось заливать хмельными напитками кровь, хохотать, пьянствовать... дико! Вот и воспользовался удобным моментом, взял трофейный челнок, кликнул Федьку с Митрей, да почтительно позвал муллу:

– Лодка готова, уважаемый. Можем плыть.
– Вас всего трое? – удивился священнослужитель. – Не боитесь?
– Полагаете, могут напасть? – вопросом на вопрос отозвался Вожников и тут же поинтересовался: – Откуда вы так хорошо знаете русский?

Мулла ответил уклончиво:

– Я много где был. И знаю не только русскую речь, но и арабскую, и латынь.

Поплыли – Федька с Митрей на веслах, Егор с татаринном – на корме. Полдороги молчали, а потом Федька, щурясь, спросил:

– Можно и Митре в нашу ватагу?

Молодой атаман аж закашлялся: детей еще в шайке не хватало, ага! Ухмыльнулся:

– А батька-то твой, Митря, как? Так единственного сына и не увидит? О жене, матушке твоей покойной, не узнает, о сестрах? Так и будет один бедовать?

– Не! – мальчишка опустил весло и чуть было не расплакался. – Батюшку я не брошу, вернусь! Как он, кузнецом буду.

– У-у-у, – протянул Федька. – А ведь просился в ватагу, меня с атаманом поговорить подбивал, сам-то боялся. Ты ж у нас теперь атаман, Егорий! Ну, для всей нашей ватаги.

– Еще не выбрали, – молодой человек нахмурился, глядя, как расходятся от носа лодки волны.

– Так выберут, за тем дело не станет, – убежденно сказал подросток.

Потом ухмыльнулся и закатил Митре леща:

– Ну, ты гребешь, аль сиднем сидеть будешь?

– Да гребу, гребу же...

Расслабленно откинувшись на корму, Вожников смотрел на проплывавшие мимо пейзажи – луга с сочными голубыми травами и пасущимися стадами, засеянные золотой пшеницей поля, вишневые и яблоневые сады, березовые рощицы и дубравы. Вот – одна за другой – показались и небольшие, с белыми саманными домиками деревни, с виду очень даже ухоженные.

– Красивая у вас земля, – Егор повернулся к ордынцу. – Поля, луга, рощи. И река эта... Кама, широкая.

– Кам-река – жизнь наша, – коротко отозвался мулла. – А нынче – смерть.

– Вы сами несли смерть, – возразил молодой человек. – И до сих пор несете. Тот же эмир Едигей...

– А ваши ушкуйники лучше? – тонкие губы священнослужителя гневно изогнулись... Впрочем, тут же на лице его появилась ровная улыбка – мулла (звали его Ильхон-ходжа) умел владеть собой, и этим, а также и явной ученостью своей весьма импонировал Вожникову.

– Вы пришли на наши земли первые, – тихо промолвил Егор. – Явились с мечом.

Ильхон-ходжа нервно дернулся:

– Мы, болгары, ни на чьи земли незваными гостями не являлись! Всегда жили здесь, пахали, сеяли, строили.

– А Едигеева рать? И все прочие рати?

Мулла опустил глаза – высокий, белокожий, с худощавым, с тонкими чертами, лицом, обрамленным иссиня-черной бородкой, он чем-то напоминал испанского гранда.

– А насчет Тохтамыша как? – не отставал Вожников. – А Мамай?

– Мамай – инсургент, – на этот раз собеседник выразился по-ученому. – А дети Тохтамыша нашли убежище на Руси. Что же касается эмира Едигея... о, быть может, он для нас наказание.

– Что ж вы его терпите? А?

– Подождите, – поморщился Ильхон-ходжа. – Попытаюсь выразить на вашем языке свои мысли... верней, не мои, но схожие с моими. Сейчас, сейчас... вот.

Мулла прикрыл глаза и нараспев прочел:

Не спрашивает мяч согласия с броском.
По полю носится, гонимый игроком.
Лишь Тот, Кто некогда тебя сюда забросил, —
Тому все ведомо, Тот знает обо всем.

– Омар Хайям? – улыбнулся Вожников.

Его собеседник удивленно хлопнул глазами:

– Вы знаете Хайяма?

– Кто ж не знает Хайяма?!

Егор прикрыл глаза – действительно, как в том анекдоте – «кто ж не знает старика Крупского?» Омара Хайяма молодой человек даже когда-то читал, единственного из восточных поэтов, других и не ведал – не интересовался просто.

– Я сам, верно, такой вот мячик... – прошептал молодой человек.

Да уж, забросило!

Однако он же сам, Егор Вожников, это мячик и кинул – самого себя, уж так получается. Захотелось, блин, кое-чего – получил, нате вам, по полной программе! Ну, бабка Левонтиха... Хотя, а колдунью-то что зря винить? Самого себя надо.

– Вот мое селение, – показал рукою Ильхон-ходжа.

Лодка причалила, мягко ткнувшись носом в траву. Мулла выбрался на берег, обернулся, поблагодарил, и даже, как показалось вдруг Вожникову, выразил некое сожаление:

– Вы не такой, как все, достопочтенный господин Эгор. Могли бы поговорить... Прощайте.

– Прощайте и вы, достойнейший Ильхон-ходжа.

Челн тронулся в обратный путь, сидевшие на веслах мальчишки развеселились – смеялись, толкались, брызгались... молодой человек не обращал на них внимания – думал. Заставил задуматься мулла, вернее – Омар Хайям. Как там у него про мячик?

Федька оказался прав, на следующий день бывшие ватажники Антипа Чугреева выкрикнули Егора своим головным атаманом. Не сказать, чтоб Вожников был сильно этому рад, но и не противился – деваться-то, похоже, некуда. Вот уж поистине – «не спрашивает мяч согласия с броском». Да уж, не спрашивает.

Глава 13

Капитан Удача

Сверху, сквозь деревянную решетку, безжалостно палило солнце. Ильяс-бей поморщился, отполз в сторону, в тень – и тут же вздрогнул: показалось, будто что-то зашипело рядом. Змея? По приказу бека в земляную яму подбросили ядовитую гадину? Не-ет, хитрый правитель Джукетау на это вряд ли пойдет – ему нужна казнь. Именно казнь, чтоб все видели, чтоб знали – вот он, истинный виновник всех, свалившихся на голову горожан и жителей сельской округи, бед. Он, он пропустил в благодатные ордынские земли злых и безжалостных пиратов – ушкуйников. Он – Ильяс-бей, бывший флотоводец, а ныне – униженный и опозоренный узник. Ах, Эльгар-бек, как же ты все-таки не прав!

Опальный адмирал скривился, смуглое, слегка вытянутое, с холеной светлой бородкой и тонким аристократическим носом лицо его исказила гримаса страдания и гнева. Гнев – на глупого бека, а страдания – за свой народ, за всех жителей Джукетау, коим уже очень скоро грозят самые ужасные муки. Разбойники обязательно нападут, как и в былые, совсем недавние, времена, вырежут всех без пощады, разграбят богатства, а сам город сожгут. Легкая добыча – стен у Джукетау, как у всех городов Орды, нет – ханы боялись восстаний и просто запрещали горожанам возводить укрепления. Воины? Да, есть... личная гвардия бека, остальные же... слишком много ушло по зиме с Едигеем, кто-то погиб, а кто-то, получив повышение, подался за своим эмиром в Сарай. Уж, конечно, столичная жизнь и славней, и богаче. Вот только родной город нынче, увы, почти некому защитить. Одна была надежда – флот, и с теми кораблями, что сохранил, привел бывший адмирал, спасая от северных варваров, можно было бы хоть что-то сделать, попытаться организовать оборону, да просто угрожать неприятельскому флоту – чтоб враги вынуждены были держать своих людей на судах, чтобы не очень-то многих смогли послать на город по суше.

Увы, Эльгар-бек туп, как ишак! Ну, правильно, нашел виновного. Если сожгут город, сбежит, и будет чем оправдаться в Сарае. Да, может быть, и вовсе не придется оправдываться, по последним слухам, дела эмира плохи – поднимает голову не додушенная до конца гадюка – дети убитого Тохтамыша, опальные вельможи, все недовольные... много их, слишком много. Не до сожженного Джукетау нынче эмиру – увы! А раз так, надо спасаться самим – а как, когда такие, как Эльгар-бек, без разрешения сверху бояться и плюнуть, все сидят да ждут указаний. Вот найти крайнего – это другое дело, уж в этом они сильны. Проклятые интриганы!

Ведь есть еще спасенный флот, пусть часть, но не такая уж малая. Но надо же, командование им доверили изнеженному наглецу Джафару, пустомеле, дальнему родичу градоначальника. В этом все дело – родич. А значит, будет при деле – вот и назначили... лучше бы назначили флотоводцем козла или барана! Такой же был бы толк, Джафар смылит в кораблях и военном деле вряд ли больше барана, и способен лишь угробить суда или, в крайнем случае, увести их – чтоб потом Эльгар-бек и его приближенные могли спокойно бежать. Да! Именно так они и поступят. Вместо того, чтоб сражаться, вместо того, чтоб дать городу шанс! Выходит, он, Ильяс-бей, совершенно зря спасал часть флота, положив на другую чашу весов свою честь. О, Аллах, великий, всемогущий и всемилостивейший, ну, почему, почему все так бездарно и тупо? Почему во власти одни лишь интриганы, себялюбцы и прочие дети шайтана? Почему?

Узник застонал, словно от зубной боли, обхватил голову руками... и тут снова услышал шипение. Откуда-то сверху! Да-да, явно так. Так, может, это друзья принесли ядовитого гада, чтобы дать спокойно умереть... по крайней мере – достойно, без унижений. Пусть так!

– Кто здесь? – бывший адмирал поднял голову.

– Господин Ильяс-бей, это вы?

Узник вздрогнул – голос показался ему слишком тонким:

- Ты – женщина? Наложница? Служанка?
- Я... я Азат, младший сын сотника Берды-бея. Помните, совсем недавно я приходил к вам с вестью о...
- Азат? Конечно, помню. Славный мальчик... Зачем ты здесь? И... почему шипишь?
- Я пытался свистеть, господин, – смущенно признались сверху. – Только вот выходит – шипение. Никогда не умел.
- Ла-адно, – неожиданно рассмеялся Ильяс-бей. – Ты явился меня развеселить? Тебе это удалось, мой мальчик!
- Нет, господин. Хотя я и рад, что вам весело, но я пришел не за этим.
- Зачем же?
- Помочь вам бежать!
- Бежать?! – узник ахнул, совершенно не скрывая разочарования. – Но как же ты сможешь мне в этом помочь? Тут же кругом верные стражи бека!
- Но я-то – здесь, – резонно возразили сверху. – Я пришел с верными людьми... мы лишь выжидаем момент, как только воины моей сотни заступят на стражу...
- Это может быть не так скоро.
- Может. Но вы ждите, почтеннейший Ильяс-бей. Ждите...
- Голос сверху замолк.
- Постой! – встрепенувшись, выкрикнул узник. – Почему ты помогаешь мне?
- Вы часто гостили у нас, уважаемый. Вы – друг отца. Я помню.

Дозорный на вышке заметил их слишком поздно. Он пристально смотрел на реку, именно оттуда ожидая серьезной опасности, и никак не мог предположить, что... ну, откуда мышление воина у обычного крестьянского парня?

Каир – так его звали – даже и не заметил, как просвистела выпущенная из самострела стрела. Ударив, пронзила насквозь шею, бедняга так и свалился с вышки, не успев подпалить солому, подать сигнал «внимание, враги!»

– Атаман, путь свободен! – вынырнув из кустов, с улыбкой доложил Иван Карбасов. – Стража убрал, теперь – можно.

– Тогда вперед, – оглядел своих Вожников. – Ты, Линь, со своими – вдоль реки, мы – прямо, а уж тебе, Купи Веник, придется справа по лесам пробираться – может, и там какие деревни есть? Если есть – гонца вышлешь.

Ватажник серьезно кивнул:

– Сделаю.

– Пошли, – махнул саблей Егор. – Помните – пробираемся быстро и скрытно. Они нас с реки ждут – не дождутся.

Гремя доспехами, ватажное воинство нового атамана скрылось в перелеске, а там уже разделилось на три отряда, в полном соответствии с планом, тщательно разработанным Егором и наиболее способными ватажниками – Линем Окуневым, Иваном Карбасовым, ладожанином Ондреем и Никитой Купи Веник, мужиком хоть и нахальным, но вовсе не дурным.

Впрочем, что там было разрабатывать-то? Обычный набег, имевший своими целями:

а) напугать татар;

б) освободить имеющихся у них пленников;

в) кое-что пограбить

и г) пополнить запасы продовольствия.

Последний пункт плана, собственно, и был главным, кушать хотелось всем, и, что характерно – каждый день, вот ведь какая незадача! А чего покушать имелось у местных, и добровольно делиться они, конечно же, не хотели, так что оставалось одно – просто прийти и взять.

Егору все это, конечно, не очень-то улыбалось, но... «Не спрашивает мяч согласия с броском!» В конце концов он – атаман ватаги, сильно разросшейся за счет освобожденных по пути к Жукотину пленников, а потому приходилось действовать так, как надо было. Планировать разбойничьи захваты, схватки и все такое прочее, при этом стараясь по возможности не лить лишней крови.

Вот и сейчас так спланировал, чтобы не лить... лишней, однако часового-то, конечно, надо было убрать – кто бы спорил?

Убрали. Подошли скрытно почти к самой деревне, большой, в десяток домов-усадеб, и, видно, богатой, окруженной садами и огородами.

Вожников махнул саблей – тяжелую секиру уже редко с собой таскал, хранил на ушкуе, который уже не раз подумывал сменить на более солидный корабль – на небольшой-то ладейке совсем уж не по статусу было, все равно как бандитскому «бригадиру» на китайском мопеде кататься. Ну, корабль – это до Жукотина подождет, уж там-то приборазниться можно.

– Эй-й-йо-ооо!!! Кто на Бога и Великий Новгород?

Вынырнув из травы, ватажники, потрясая саблями и секирами, бросились на обреченную деревню, как волки бросаются на отару овец. Пока жители опомнились, пока собрались дать отпор – почти всех уже и повязали!

Ватажников было больше, куда больше – наверное, раза в два, если не в три, тем более – все вооруженные до зубов головорезы, ну, куда бедному крестьянину податься? Некуда. А раз некуда – придется платить.

Приказав согнать всех селян на аккуратную, перед небольшой мечетью, площадь, Егор уселся в тени на пригорке и кисло улыбнулся, чувствуя себя этаким эсэсовцем или, не лучше сказать, членом продотряда, этаким Макаром Нагульновым, без тени сомнения изымающим у бедных крестьян последние запасы хлеба. Да уж, стыдно было.

– Вот, – Федька вывел из толпы трех седобородых старцев в больших чалмах. – Старейшины ихние.

– Якши, – сплюнув, по-татарски вымолвил атаман. – Ну, что, аксакалы, разговаривать будем? Переведи им, Авдей.

Авдей, сутулый, прибившийся к ватаге юноша, из недавно освобожденного полона, быстро перевел. Старцы озадаченно переглянулись.

– У вас посева и стада, у меня – воины, – встав, четко выговаривал слова Егор. – Мне нужно мясо, мука... а лучше – лепешки, и все такое прочее в количестве не таком уж для вас и большом. Можете потерять большее!

– Хотите, посева ваши запыхают и все стада пойдут под нож? – чуть помолчав, хмуро пригрозил атаман. – Нет? Тогда забивайте сами, а сколько – я скажу. Да! Еще доставите все к кораблям.

Позади, за спиной, вдруг закричали, загомонили... заругались даже, похоже, что матерно! Егор с удивлением оглянулся:

– Это там кто еще?

– Так полон, – ухмыльнулся Федька. – Только что ослобонили – идут нам радость свою выказать.

Полоняники – десятка два подростков, детей и женщин (здоровых мужиков в этой деревне, видать, держать боялись), исхудавшие, прокаленные знойным солнцем, разом бросились на колени перед Вожниковым, углядев в нем атамана:

– Господи святой! Здоровия тебе, молодец, и счастья во веки веков!

– Неужто домой вернемся, а?

– Вот не думали...

– Думали – тут теперя и помереть...

Кто-то громко, навзрыд, плакал. Кто-то целовал сапоги Егору, а один тощий, совсем еще небольшой, на вид лет тринадцати-четырнадцати, парень, подскочив к стоявшему с краю в ряду прочих татарину, наотмашь заехал ему в ухо!

– Получи, падаль!

Ударил и зарыдал, сотрясаясь всем телом:

– Он брата мово молодшего... У-у-у, гад!

Татарин – кривоногий, жирный, с двойным подбородком и толстыми, унизированными серебряными перстнями, пальцами, повалился на колени:

– Не бей меня, бачка Аким, а? Я к тебе добер был, добер... у-у-у-у!!!

Не вытирая слез, парнишка несколько раз пнул толстяка в брюхо и, сбив круглую шапочку, с остервенением плюнул тому на плешь.

– Что, обижал сильно? – подскочив ближе, Федька протянул парнишке нож. – Тогда убей! Перережь горло или засади прямо в сердце. На!

Юный раб схватился было за рукоятку... Но тут же сник и протянул нож обратно:

– Не могу я так... как барана. Вот если б в бою. Возьми свой ножик, мил человеце.

– Себе оставь, – отмахнулся Федька. – Я себе еще раздобуду. А вас всех завтра-послезавтра один гость новгородский торговый заберет, всех полоняников с караваном своим на матушку Русь доставит. До Нижнего, а дальше уж сами. Мы уж многих так сплывили.

– Я не хочу! – стиснув зубы, отрок упрямо набычился. – Да и дома у меня нет. Хочу с вами... татарву эту громить, резать, жечь!

– Просись, вон, у атамана.

Вожников не стал возражать – в эти времена дети выросли рано:

– Хочешь, пусть так и будет. Коли, говоришь, не осталось у тебя никого.

Между тем ордынцы под бдительным присмотром ватажников тащили на главную площадь добро – у кого что было. Не артачились – себе дороже, да и чего зря бузить – селение-то богатое, откупиться вполне по силам, лучше малую часть потерять, чем все.

Пряча довольную усмешку – пусть татары видят, что атаман нестигаем и тверд, – Егор прикидывал, каким образом лучше и удобней всего переправить добро на ушкуи, точнее – на трофейный насад, куда более вместительный, нежели стремительные пиратские ладейки. Те, не считая команды, брали на борт по четыре-пять тонн, насад же раз в пять-семь больше.

– Господин!

– Что такое? – Вожников повернул голову, строго взглянув на подошедших к нему старейшин, которых, надо сказать, заметил уже давно, да только сразу же оборачиваться не посчитал нужным – слишком уж много чести!

– Говорят, ты обещал посевы не жечь, а вона, за дубравой – дым! – торопливо пояснил подбежавший толмач Авдей.

– И правда, дым, – присмотревшись, Егор цинично кивнул и прищурился. – Хорошо горит, похоже. А что вам до того дыма? Вы что, юные помощники пожарных?

Последнюю фразу Авдей перевести затруднился, да старики его уже и не слушали, взмолились:

– Не губи, господин! Не губи посевы! Не жги все-то, оставь.

– Там, мой атаман, их займка, выселки, – пояснил толмач.

– Ага, – Вожников шумно втянул ноздрями воздух. – Эх, Купи Веник, предупреждал ведь. И что он там жжет-то?

– Госпо-о-ди-и-и-ин!

– Ладно, поедем, прокатимся, – махнул рукой атаман. – Лошадок ведите, не пешком же идти.

Зря он заикнулся о лошадях, держался-то в седле так себе, хотя уже гораздо увереннее, нежели прежде, примерно так же, как молодой, со стажем месяца четыре, водитель за рулем

новенького, сверкающего полировкой и лаком, авто. Выпал случай потренироваться – ватажники Микифора Око везли с собой коней на пяти насадах, справедливо полагая, что конница пригодится всегда. Еще бы, чай не море, суша кругом!

Аксакалы по-быстренькому пригнали откуда-то лошадок, с ходу предложив Вожникову белого в крапинку жеребца – в подарок. Егор ухмыльнулся, усевшись в седло: ишь, сволочи – коней-то зажилить хотели, поди, в урочище какое-нибудь увели, спрятали. Не заикнулся б Егор – так и не показали бы.

– Авдей, скажи этим – штраф с них в десять коней, чтоб больше не жулили.

– Что, господин атаман?

– Десять коней реквизируем... то есть – конфискуем. Тьфу ты – в общем, себе берем.

– А-а-а! Понятно.

Молодой человек плавно, как учили лет восемь назад в автошколе, выжал сцепление... в смысле – тронул поводья коня. Ну, слава богу, поехали. Лошадка вроде попалась смиренная, без выкрутасов.

Так и ехали вдоль дубравы, прямо на дым, не медленно, но и не быстро – галопом не скакали. Да, действительно, озимое поле дымилось, а из расположенных рядом мазанок доносился визг, летели пух да перья, по всем дворам бегали ватажники, ловили птицу и скот... А вот, лихо перемахнув плетень, прямо перед атаманом приземлился Никита Купи Веник, держа под мышкой нежно-белого упитанного красавца-гуся со свернутой шеей.

– Паниковский, брось птицу! – шутливо погрозил Егор. – Чего тут такое творится-то?

– Птицу не брошу – вечером съедим! – с бесстыдной ухмылкой заявил ватажник, глядя на своего жоака преданными глазами. – А тут шум наводим – они, суки, двоих наших убили, Петрю да Карнишку. На засаду в доме нарвались. Онисиму бы Морде тоже не сдобровать, да, слава богу, упасся, ноги быстрыми оказались, а то б...

– Значит, управились тут? – спокойно уточнил атаман.

Никита кивнул:

– Управились.

– Тогда вот что: посева больше не жечь, скот без нужды не валить, людишек татарских не тиранить! Понял?

– Понял, – Купи Веник вновь ухмыльнулся, моргнул. – Так я и это... никому ничего худого не делаю, кровь ни единому – окромя тех, кто в засаде были – не пустил, гуся вот забрал – дак что, нельзя, что ли?

– Можно, можно, – смеясь, утешил молодой человек. – А кто там так визжит-то? Неужто свинья?

– Не-е, – Никита весело расхохотался. – Свиней они не держат – магометане все ж. Там, в амбарце, Онисим одну бабу воспитывает – она ж, змея подколотная, тоже в той засаде сидела, саблей била, колола копьем. Ну, мы ее все уж того... перепробовали, кто хотел, Онисим вот последний остался, спохватился, чуня гунявая – ране-то рот варежкой раззявил, да чего-то ждал.

– Вон оно как, – успокоился Вожников. – А я-то подумал невесть что.

И в самом деле, насилие в лихом набеге дело обычное самое, что ни на есть житейское, как непременно сказал бы Карлсон, окажись он в подобной ситуации. Тем более, «подколотная змея» в засаде сидела, с оружием. Ай-яй-яй – нехорошо! Чего ж тогда хотела-то? Женевской конвенции об обращении с военнопленными?

Из амбара – точнее, это был небольшой дощатый сарайчик, выстроенный, по-видимому, для хранения сена – снова донесся визг... уже и не визг даже, а какой-то утробный вой, полный ужаса и боли.

– А он забавник, этот Онисим, – спешившись, хмыкнул Егор. – Пойду-ка, гляну, что он там за Камасутру устроил – интересно все ж. Как в остальном, все спокойно?

- Ага.
- Посевы больше не жги!
- Да понял я, понял.

Когда молодой человек очутился в соломенной полутьме сарая, то поначалу не понял, что тут вообще происходит. И лишь когда чуть привыкли глаза...

На глинобитном полу лежала обнаженная татарская дева, пухленькая, молодая, лет, может, семнадцати-двадцати. Руки и ноги ее были распяты – привязаны к вбитым в пол кольям... Понятно... некрасиво, но понятно. Все сделано для свободной – а кто хочет! – любви, чтоб зря не трепыхалась. Сами-то ордынцы русских девок в таких – весьма, кстати, частых – случаях ножами – прямо через плоть – пришиливали, а уж потом... Так что ватажники поступили еще, можно сказать, гуманно... Поступили бы! Если бы не то, что сейчас делал Онисим Морда. Вожников аж глазам своим не поверил, хотя – чего б и не верить-то? Особым гуманизмом этот век не отличался, нравы были зверские. Вот и здесь...

Встав на колени, Онисим, поудобнее ухватив короткое метательное копьё, пихал его тупым концом прямо в женское естество пленницы, по сути, пытаясь посадить ее на кол.

- Егора чуть не вырвало... Ну, вот же тля! Нельзя так с женщинами, даже с вражескими...
- Эй, боец!

Ватажник обернулся – его маленькие, какие-то свинячьи глазки сияли восторгом, из уголков рта тоненькой, блестящей в лучах проникающего сквозь щели сарая солнышка, струной стекала слюна.

- А ты, парень, однако, садист.

Бум! Короткий свинг слева – в челюсть. Онисим где сидел, там и лег.

Вожников, присев рядом, вытащил из-за пояса нож – девчонка что-то гневно закричала, типа «фашистский выкормыш» или что-то вроде того. Имела право, наверное, так ругаться, натерпелась...

Быстро освободив пленницу, Вожников распахнул дверь:

- Беги!

Девчонка непонимающе хлопнула глазами. Красивая...

- Беги, говорю, дура! Вон дубрава... давай.

Сказал и вышел, не оборачиваясь. И в последний момент вспомнил про оставленное в сарае копьё... и про Онисима Морду. Повернулся...

Пришедшая, похоже, в себя девчонка пронеслась мимо с быстротою и ловкостью белки, лихо перемахнула через плетень... только ее и видели. Хм... значит, не дура, народную героиню из себя строить не стала и песню «замучен тяжелой неволей» про нее не споют.

Кстати, как там этот черт?

Проводив глазами беглянку, Егор заглянул в сарай: копьё так и валялось, как и ватажник... последний, правда, стонал.

- Ну, значит, оклемается... гм... маркиз де Сад чертов.

Миновав двор, молодой человек зашагал к кучковавшимся у плетня ватажникам, деловито разбиравшим добычу. К ним подскочил и Никитушка Кривонос, на этот раз, правда, не с гусем, а с уткой. Вот ведь пролот, что – так жрать хочется?

– Тебя, Купи Веник, легче пришибить, чем прокормить, – подойдя ближе, пошутил молодой человек.

Ватажники весело рассмеялись, вполне довольные и собой, и своим удачливым атаманом. Вернулись к своим с песнями:

Эх, да славный молодец Илья!
Илейко Муромец – ха-ха!

Атаман тоже подпевал, только вполголоса:

Комбат, батяня, батяня комбат!

А что, хорошая песня. В данном случае очень даже уместная.

– Егор, ударишь со своими людьми вот сюда, видишь, где у них вторая мечеть.

– Ага, вижу, – склонился молодой атаман. – А которая первая?

– Вот этот серый камушек.

Микифор Око терпеливо ткнул прутиком в схему, самолично начерченную им на желтом речном песочке. Здесь, на широком плесе, собрались все ватажные командиры, которых Вожников, в зависимости от важности и боевого веса – сиречь количества сабель – про себя именовал «майорами», «капитанами» и «лейтенантами», сам же головной атаман считался вроде как «полковником», а то и «генерал-майором», последнее было бы даже ближе к истине.

Сам же Егор, судя по отношению к нему всех других атаманов, соответствовал сейчас чину капитана, как по количеству подчиненных ему людей, так и по качеству проводимых операций – тех же реквизиций, пока только ими и занимались. Практически все действия молодого атамана проходили на редкость удачно, пусть даже, взятые по отдельности, и не приносили такого дохода, как лихие набеги остальных ватажных вождей – Вожников никогда не брал последнее и, продемонстрировав свою силу, сразу же предлагал ордынцам договориться, причем все свои обещания добросовестно исполнял. И это в то время, когда большинство других атаманов не щадило никого, оставляя после себя лишь сожженные поля, разграбленные дочиста селения да горы смрадных трупов.

Молодой «капитан» действовал иначе – людей в полон не угонял (за ушкуйниками шла целая флотилия купеческих судов, тем купцам пленников и продавали), крови почти не лил, только лишь по необходимости, да и вообще, славился гуманизмом и – одновременно с этим – твердостью и редкостной удачей. Окрестные татарские крестьяне и мелкие землевладельцы ему верили и легко сдавались, вожниковская ватага, конечно, тоже несла потери, однако не шедшие ни в какое сравнение с тем, что творилось у других.

Впрочем, удача нового атамана объяснялась не только этим, но еще и... да-да – видениями! Снадобье бабки Левонтихи работало: Егор наперед знал, когда именно очередной налет закончится неудачей, гибелью его самого и ушкуйников – в таких случаях Вожников сразу же отказывался от набега, переносил действия в другое место. Удачлив был, что ж – и люди к нему тянулись, много невольников, при слухах о появившемся ушкуйном флоте, сами жгли да вырезали своих подлых хозяев да подавались в бега, находили ватажников, просились в войско... в большинстве случаев приходили именно к Егору.

Даже сам головной атаман Микифор Око как-то заметил:

– Тебе, Егорий, сам черт ворожит.

Остальным атаманам оставалось только завидовать, еще бы, удача для пиратского вождя – первейшее дело. Эх, Егор, Егор, пиратский капитан... Капитан Удача!

Завидовали, да... скрипели зубами, но, побаиваясь явно благоволившего Вожникову Микифора, благоразумно не приступали к каким-либо конкретным делам – типа, подсыпать в вино «удачнику» яду, тупо подослать убийцу или просто вызвать на «честный бой». Боялись.

А вот Егор – нет, к нему ведь приходили видения. Захотели б «коллеги» убить – почувствовал бы сразу. А потому молодой атаман вел себя, как всегда, и особо не осторожничал... и еще – повсюду искал бабок-ведуний. Если находилась такая – подолгу разговаривал, что-то пытался узнать... А потом разочарованно, в полном одиночестве, пил – правда, недолго.

Не получалось вернуться! Может быть, в Жукотине что-нибудь выйдет, город большой, возможно, там сильные колдуньи есть? Или колдуны, черт с ними.

И все же... все же в такие минуты стояла перед глазами Серафима-волшбица, смотрела глазами томными... и слышался далекий голос: «Ты никогда не вернешься. Никогда».

Остатки вполне еще боеспособного ордынского флота позорно бежали, бросив город на произвол судьбы, едва завидев багряные вымпелы ушкуйников. Быстроходные суда ушли вниз по реке сразу же, остальные запылали, брошенные командой: татары сами же их и подожгли, дабы не отдавать врагу. А ведь могли бы и принять бой, хотя бы для приличия, да погибнуть с честью, прихватив с собой на тот свет елико возможно ватажников... увы, не захотели. Да и кому был нужен Жукотин, когда в самой Орде начиналась очередная замятня, когда непонятно было, кому подчиняться и кому верить, когда на подступах к столице уже рокотали боевые барабаны грозного воителя Джелал-ад-Дина, сына убитого Тохматыша, того самого Джелал-ад-Дина, поклявшегося отомстить за своего отца, отрубив голову эмиру Едигею.

Нынешний же хан, Пулат-Темюр, был лишь жалкой игрушкой в руках эмира, прежде всемогущего, но ныне – увы... Кто будет правителем завтра? Останется ли в живых Едигей? А еще говорят, будто Джелал-ад-Дин заключил союз с неверными, с Витовтом! Ну почему бы не заключить, коли опальные сыновья Тохматыша когда-то нашли приют и полную поддержку в столь же неверной Москве?

Вопросы, вопросы... Слишком много вопросов для облеченных властью лиц. Их ставил эмир... но у эмира сейчас проблемы, так не лучше ли... Или все-таки подождать, посмотреть, кто кого? А тут еще эти разбойники, забери их шайтан. Не могли в другие времена явиться, в более, так сказать, спокойные... Только вот давно уж не было в Орде никакого спокойствия, даже намека.

Правда, некоторые уже все для себя решили, вот и недавно назначенный флотоводцем Джафар увел свои корабли вовсе не из трусости, как можно было подумать, о, нет, сей хитрый интриган отправился к столице, к славному и блистательному Сараю, а уж там... уж там решил поглядеть, на чью сторону склонится великий и милосердный Аллах. К тому и самому прислониться – с каким-никаким, а флотом. К Едигею, к Джелал-ад-Дину – а все равно. Тут уж не ясно, кто больше прав, а кто виноват – с флотом-то любой как родного примет.

О, нет, несмотря на молодость, вельможный сановник Джафар идиотом не был, и пусть совершенно не разбирался в речных сражениях, зато – человек в политике многоопытный, интриган, каким и в Российской Государственной Думе нашлось бы теплое место. Точнее, он сам бы себе его вырвал – запросто! Ездил бы в лимузине с мигалкой, чем-нибудь – все равно, чем – руководил, да всегда бы поддерживал того, кто силен, кто у власти – в этом-то и заключается «умение работать в команде», такие, как Джафар, и составляют властную вертикаль – кто б сомневался?

А вот градоначальник Эльгар-бек рвал на себе волосы! Кому доверил флот? Этому проходимцу! И прежнего флотоводца, Ильяс-бея, вовремя казнить не успел – слишком уж быстро разбойники объявились. И что теперь? Когда неверные прут на город со всех сторон, а стена нет – ханы не разрешали строить, правда, кто-то из прежних градоначальников все-таки выплакал разрешение – дескать, Джукетау-град всяк кому не лень жжет без пощады, любой паразит – то новгородцы-ушкуйники, а то Юрий, князек Звенигородский, тот еще гад – тоже повадился на Итиль да Кам-реку шляться. Хан – Эльгар-бек нынче уж и не помнил, кто именно – много их на престоле сменилось – милостиво повелеть соизволил – раз такое дело, стенам вокруг славного Джукетау быть. И, главное, средства пошли – как раз к той поре Эльгар-бек и выбился в градоначальники... с помощью столичных друзей. Выбился, и начал осваивать средства... друзьям-то надо было долги вернуть. Освоил. Нет, и на стену кое-что осталось... на полстены... не, на четверть... Да что там греха таить – на одну восьмую: ее-то высокой

комиссии и показывали, хвалились, да денег снова просили, дескать, самой-то малости и не хватает достроить. Так и не достроили – не до того, так что и толку от того, что есть – никакого: вроде и есть какая-то стеночка, да так, красоты да обмана ради. Стоит себе на окраине, никого не защищая. Потому как обойти ее – враз. А с кого, ежели что, спросят? Правильно – с градоначальника. Пулат-Темюр, хан, и спросит – и велит несчастного Эльгар-бека в котле с маслом кипящим сварить! Или – на кол посадит, или спину велит переломить – казней много. А что он, Эльгар-бек, такого сделал-то? Да ничего, он ведь такой же, как все, любого сюда, на его место, посади – точно так же все и будет. Просто не повезло. А теперь чего уж... Да-а, Пулат-Темюр сожженный город вряд ли простит. Хм, Пулат-Темюр? А градоначальником-то Эльгар-бека другой хан, Шади-бек, ставил. А потом славный эмир Едигей, да продлит Аллах его дни, Шади-бека за интриги прогнал и посадил Пулат-Темюра. Так что, не хан, эмир казнить да миловать будет. Славный эмир Едигей, да продлит... Хотя... А ведь Джелал-ад-Дин силен! Войска у него много. Да еще – если не врут – Витовт! И у Москвы, у Базилия, помощи попросить может, и ведь дадут – не зря московиты всегда тохтамышевых детей привечали, помогут и сейчас. А это что значит? А то и значит, что – уже очень скоро – никакой Едигей не эмир, а так, пыль под ногами. Чего же ему служить? Служить надо Джелал-ад-Дину, уже сейчас, иначе поздно будет. Путь не близкий в Сарай, хоть и хороши ханские дороги, да пока дойдешь с войском. Да-да! Явиться надо не одному – с войском, за это любой большое спасибо скажет, и все что угодно простит. Разбойники Джукетау сожгли? Да шайтан с ним, не город и был, так, одно недоразумение... И лишний повод – потом, чуть позже – князю московскому попенять, мол, что ты за друг такой, коль проклятых ушкуйников в наши земли пропускаешь, проклятый Новгород унять-успокоить не можешь. Прижми новгородцев, прижми – если надо, людишками подмогнем и деньгами.

Ах, как хорошо все складывается! Достопочтенный Эльгар-бек аж повеселел, порадовался мудрым своим мыслям. Все ж не дурак он, не дурак... А дурака градоначальником и не поставили бы! Решение принято, и решение верное. Теперь только не мешкать, кого-то из темников-воевод с собой взять... Кого-то, хм? Да Халила Бей-баши – родного зятя. А здесь Фарида Златой Шлем оставить – раз такой герой, пускай город и защищает. Только войска ему дать так... немножко, остальные-то воины для другого, куда более важного дела нужны.

Улыбнулся Эльгар-бек, сложил на животе руки, немного посидел на мягких подушках, понежился, потом кликнул верного евнуха:

– Халила, Фарида зови! Да полководцев всех – город родной оборонять будем.

В небе, крутясь, просвистел огромный, выпущенный из баллисты камень. Свалился с грохотом в чистое поле, поднял пыль.

– Вот идиоты, – выплюнув изо рта песок, выругался Вожников. – И чего они каменюки мечут? Ведь понятно же, что не попадут никогда. Мы же не толпой валим.

– Запугивают, – хмыкнул Никита Кривонос. – Думают, испугаемся. Ничо!

Как и договаривались, ватага (или теперь уж лучше сказать – батальон?) Капитана Удачи вошла в Джукетау-Жукотин посуху, со стороны степей. Остальные ушкуйники, так же, небольшими отрядами, входили, просачивались в город и справа, и слева, и спереди, и сзади – везде, защитникам не было спасения, они вынуждены были расплывать силы, обороняться со всех сторон – а городских стен не было! И уже закипели ожесточенные уличные бои, нет, ордынцы вовсе не были трусами. Их вое вода – кто бы он ни был – организовал оборону умело и с толком, отряды татар бились за каждую улицу, за каждый дом. Впрочем, похоже, их оставалось мало, очень мало.

Действуя точно по плану Микифора Око, ушкуйники методично захватывали квартал за кварталом, освобождали многочисленных славянских рабов и тут же проводили необходимую

зачистку – убивали всех воинов и молодых мужчин, не щадили и подростков – те уже многих ватажников стрелами положили.

«Батальон» Капитана Удачи был экипирован как следует. Бахтерцы, байданы, кольчуги с металлическими вставками-полосами, у кого – и сплошные кирасы, да ко всему – поножи, поручи, набедренники, да такие же латные рукавицы, да стальные шлемы – у многих, кстати, татарские – с прикрывающими лицо кольчужными сетками-бармицами или забралом-«личной». Самострелы, луки, сулицы, тяжелые сабли, палаши, шестоперы, палицы... Взяли б и пушки – да тяжеловато тащить, тем более стен-то не было, разве что по домам палить?

Наступали грамотно, не растягивались, но и не торопились, на рожон зря не лезли. Меж ватагами и отрядами то и дело сновали гонцы, узнавали сведения, передавали приказы – головной атаман Микифор Око показывал себя настоящим генералом, ушкуйники действовали не наобум, не нахрапом, не стадом, а в точном соответствии с воинской наукой того времени, коей, как стало ясно, весьма неплохо владел главарь всей ватаги. Ну, еще бы – иному и не доверились бы, к иному б и не пошли.

Бу-ухх!!! Снова пролетел над головами ватажников камень, ясно – долбили откуда-то с крыши.

Звякнув кольчугой, Федька показал рукой:

– Откуда-то оттуль бьют. Мы с Акимкой сбегает, глянем?

– Давайте. Только, смотрите, паситесь, вдоль стен пробирайтесь.

– Да уж проберемся, атаман! Чай, не дети малые.

Ну да, не дети. Вожников поспешно согнал с лица неуместную сейчас улыбку. Четырнадцать-пятнадцать лет – не дети, нет. Вполне взрослые, знающие себе цену и успевшие много чего повидать воины. Не двадцать первый век, когда многие двадцатилетние все еще «мальчишки»-«девочки», устроились под родительским крылышком, ничего из себя к этому возрасту не представляя. Младые еще? Ага, как же. Ответственности бояться и не хотят – даже для себя, любимых – это другое дело. Пусть уж лучше папа с мамой – опекают, помогают, денежку дают, а мы пока в Интернете пофлудим, в игрушки поиграем, на машинке блескучей – родителями дитяткам подаренной – покатаемся, да в клубе ночном потусим, там-то и есть настоящая взрослость – а как же, паспорт на входе спрашивают, подростков не пускают.

Егор внимательно оглядывал городской квартал, частью уже затянутый черным густым дымом, клубы которого вырывались откуда-то близ реки, видно, кто-то из ушкуйников поджег портовые склады. А, может, и не ушкуйники, может, татары – чтоб не достались врагу.

Квартал не бедный, отнюдь – узкие тенистые улочки, глухие заборы, мощные, обитые железом и медью, ворота, за которыми, в окружении яблоневых садов, виднелись двух-и трехэтажные особнячки под плоскими – с цветочными террасами – крышами. Красиво, ничего не скажешь – умели ордынцы устроить свой быт. За счет рабского труда – а как же! На углу квартала, близ небольшой площади, располагалась богато украшенная изразцами мечеть с минаретом, та самая, указанная в плане главного атамана.

Снова камень... ввух!!! Мазилы.

– А ведь они не по нам бьют! – вдруг сообразил Егор. – Просто прицеливаются или камнемет проверяют. Раньше-то, видать, не успели...

А куда им можно бить? Да как раз вот по той самой площади перед мечетью, ватажники-то ведь неминуемо туда выйдут, столпятся. А на минарет хорошо корректировщика посадить, смертника. Погибнет во имя Аллаха! Зато скольким неверным кирдык. Правда, одного камнемета мало – скорострельность-то низкая. К нему еще и пушечки – мортиры, или...

– Стреломет! Атаман, там стреломет устанавливают! – волнуясь, доложили только что вернувшиеся разведчики.

Точно! Стреломет. Как раз то, что вражинам и нужно.

Вожников повернул голову:

– Где – там?

– Там, где и та штуковина, что метает камни, – торопливо пояснил Федька. – Мы знаем, мы видели.

– Так где?! – не выдержав, взорвался Егор. – Что ты все вокруг да около – точней говори.

– Так я и говорю... – юноша показал рукой. – Там, в трех перестрелах, на крыше. А стреломет – рядом, как раз по площади метит, ну, где церква их поганая стоит.

Та-ак! Егор быстро переглянулся с Окуневым. Ясненько!

– А на минарете? – негромко спросил Линь. – Там есть кто?

– На башне-то? Двое. Парни какие-то, отроки, совсем мелочь, – пренебрежительно ответил Федька. – Небось, где повыше, спрятались, думают – не найдут.

– Не-ет, они не просто так спрятались, – возразил приятелю Аким. – Сверкают чем-то... пускают зайчики.

– Знаки подают?

– А то!

– Знать бы еще, что это за знаки.

– А я посмотрел, – слова Акима явно заслуживали самого пристального внимания. – Как ордынцы на площади пробежали, они два раза сверкнули, а как кто-то из наших показался – один.

Понятно...

– Так парни, слушай сюда, – Вожников поднял палец. – Делайте что хотите, но этих двух парней на башне быть не должно. Вы сами вместо них встанете. И нужные знаки подадите. Справитесь?

– Еще б! – разом заверили подростки.

– Только нам бы это... самострел бы, – добавил Федька.

– У Карбасова возьмете, да скажете, пусть сам с отрядцем своим сюда идет. Ясно?

– Угу.

– Что стоите тогда?

Парни умчались, а Егор, дождавшись подхода Карбасова, подозвал и Никиту Кривоноса, и Осипа Собачий Хвост – поставил тактическую задачу, объяснил все подробно, как сам себе представлял...

– Ха-ха-ха!!! – уяснив, расхохотался Никита. – Ну ты, атаман, голова, не зря некоторые тебя Удачей кличут. Это ж надо удумать... Да сполним все, не сомневайся, сполним.

Окунев Линь тоже хмыкнул:

– Хороша придумка, эх!

Растолковав свой план, молодой атаман дальше действовал в полном соответствии с решением, принятым на совете, – обходя мечеть, повел своих людей ближе к реке, слева. На грабежи пока не отвлекались, хотя соблазнов вокруг было много, ждали врагов. И те не замедлили появиться – из пыльных улиц вынырнула конная сотня, помчалась с гиканьем... Выставив щиты, ушкуйники встали стеной, уперлись копьями...

Удар!

Часть врагов, сбитых стрелами, слетела с коней прочь, остальные завывли, загикали, пытаются перестроиться, окружить... Ан не тут-то было, чай, не в чистом поле война, не степь – город, попробуй тут развернись. На улицах – ну, никак... а вот на площади, у мечети...

Предводитель ордынцев, в золоченом, с серебряной полумаской шлеме и в изысканно переливавшейся кольчуге с большим зеркалом, махнул шестопером, направляя своих людей на прорыв... Да не обязательно прорываться – сбить, сместить, сдвинуть ушкуйников к площади, а уж там окружить...

– Поддаемся! – отмахиваясь саблей, передал по цепочке Егор. – Отходим... Медленно, не ломая строй.

Так и шли, как сказал Капитан Удача, отступали не торопясь, маленькими шажками, не обращая никакого внимания на жуткие вопли нападавших, укрываясь стеной щитов от града стрел. Кто-то уже упал замертво, кто-то стонал... раненых, по возможности, подбирали, тащили с собой.

А враги напирали, их становилось все больше и больше – или это просто расширилась улица...

– Хур-а-а-а!!! – заорали, бросаясь в очередной натиск, татары, и вождь их в золотом шлеме взмахнул шестопером: – Вперед!

Вожников оглянулся, увидев сразу за собой вымощенную аккуратными камнями площадь. Кругом платаны, кусты – зелень, посередине – изящный фонтан с искристой свежей водой. Напиться бы! Увы, некогда... Теперь лишь бы ребята не подвели, справились бы, успели... Жаль, минарета не видно – забор.

Ладно, менять план уже некогда, пусть уж будет, что будет:

– Слушай сюда! Приготовились... По сторонам – брысь!!!

Может быть, и не по-уставному прозвучала команда, да зато оказалась весьма даже действенной – ратники Вожникова со всей возможной резвостью расступились, пропустив мимо себя понесшихся во весь опор врагов. Те, грозно крича, выскочили на площадь – туда ведь и надо было, туда и рвались, закружили, заулюлюкали...

Что-то сверкнуло на минарете. Один раз.

И тут же упал в толпу всадников тяжелый камень, поразив сразу с десятков, в том числе и того, в золотом шлеме, главного. Где-то поблизости вякнули пушки, ударил и стреломет – полетели, звеня, длинные стрелы, насаживая ордынских воинов... словно жуков.

– Ай, атаман, молодец! – взмахнув саблей, ухмыльнулся во весь рот Никита Кривонос. – Лихо! Татарва сама себя бьет! Сейчас... сейчас я им и помогу.

– Обожди с помощью, Купи Веник, – осадил его Егор. – Тут и без тебя управимся, давай-ка вон, бери Федьку с Акимом, да ищи со своими парнями пушки, баллисту, стреломет. Живенько!

– Сладим, мой атаман! – радостно заверил ватажник и крикнул своим: – Эй, Митря, Махоря, Онисим!

Едва они ушли, Окунев Линь опустил окровавленный палаш и радостно указал в небо:

– Дым! Белый дым... А вон там еще.

– Наши взяли город, – облегченно улыбнулся Капитан Удача.

Вожников сам себя так прозвал – для себя. Как-то само собой вышло. Черт побери, а ведь неплохое прозвище. Капитан... А ведь Микифор Око, он, получается, не генерал-майор, а контр-адмирал, так выходит? Хотя Микифор и на суше не хуже, чем на воде, действовал. Харизматический человек, пассионарий, конкистадор – как еще обозвать-то?

Белый дым стлался над взятым на сабли городом, белый дым полной победы. Приветствуя освободителей, радостно кричали многочисленные рабы, многие плакали навзрыд, не стесняясь, а кое-кто уже побежал мстить своим бывшим хозяевам. Размашисто крестясь, невольники хватали ватажников за руки, тащили за собой, показывали – здесь вот богатый дом, а там, стервецы, все свое золото в выгребной яме спрятали – пусть теперь сами за ним и ныряют.

Белый дым стлался над городом, белый дым...

Поглядев в небо, Онисим Морда удовлетворенно кивнул и махнул рукой своим – мол, я тут еще пошарюсь, а вы идите. Заметил он невдалеке, за фонтаном, одну закутанную в покрывало девку – небольшую, но юркую... Эх! Сердце злодея-ватажника радостно-сладко заныло.

Сейчас... сейчас... лишь бы никто не отвлек, не помешал... как тогда, в сарае. Ну, атаман, бог даст, еще и сквитаемся!

С остатками сопротивления ватажники из десятка Никиты Кривоноса покончили быстро: обслугу баллисты просто перестреляли из луков, а пушкарей и стрелометчиков живенько взяли на сабли – да те уже и сами наполовину разбежались. Все хорошо, все быстро сладилось – и вон он уже, в блекло-голубом небе – белый победный дым. Все! Теперь можно приступить к главному – к грабежу, чем ватажники и занялись на горе побежденным. А вот нечего приходить с набегам на Русь-матушку, жечь, убивать, захватывать да уводить в полон рабов! Все правильно, все так – око за око.

– Онисим, ты с нами?

– Да не... вы идите, а я тут погляжу.

– Смотри, с осторожкою. Мы тут, рядом, зови, если что.

– Ла-а-адно.

Махнув рукой, ватажник ужом шмыгнул к фонтану. Где там девка-то? Ага, вон она. Сверкает глазами... ух, и глазищи... красивая, эх-ма!

Онисим сглотнул слюну, вот оно, вот ради этого-то и стоило быть здесь, в ватаге, хотя иногда и тосковал он по тем простым и добрым временам, когда хаживал себе по темным проулочкам с кистеньком, на пару с кривоносым Никиткой. Ни забот тебя, ни хлопот особых. Вот, как сейчас... А может, и здесь, в Орде, повезет? А что? К тому покуда все-то и шло. Главное, не зевать, тогда запросто можно домой богатым человеком вернуться или... или не возвращаться вовсе. На что он, этот черт Ларион, старший дьяк Ларион Степаныч? Сиди себе на Белоозере, Ларион, а он, Онисим, Бог даст, в иные земли подастся – богатым купцом, своеземцем – а не худо! Коли так покуда везло.

– Ну, что ты хоронишься-то, дура! – ватажник поманил девчонку пальцем. – И-иди сюды... цып-цып-цып. Иди, сказал, не то пощекочу саблей!

Татарочка несмело подошла, задрожала... это – когда боялись – Онисиму Морде очень нравилось, делался он тогда сам не свой... Эх-ма!

Не трата времени даром, хватанул девку кулачищем в лоб – та и обомлела. Ватажник не терялся, подхватил добычу, потащил под деревья, да, бросив в траву, рванул одежонку...

– Эх, плоскогрудая какая-то нынче попалась... Да ты парень! Ах ты ж... ничо, помучишься и ты, ничо... сейчас, сейчас, узнаешь.

– Гоподине, я просто слуга, – придя в себя, застонал юный пленник.

– Ишь, ты, по-русски знаешь!

– Тот дом богат, и там нет мужчин – одни женщины остались. И много золота, серебра, камней.

– Каменьев, говоришь?

– Я покажу, только не надо... саблей! – парнишка от ужаса часто заморгал.

Ну, вот она, удача-то, вот оно, счастье!

– Ладно, веди! – Онисим рывком поставил пленника на ноги. – Да смотри не вздумай бежать, не то...

– Что ты, что ты, господин. Что ты! Вон тот дом, совсем рядом.

В другой раз ватажник, возможно, и поостерегся бы, позвал, на всякий случай, своих. Однако парень этот, слуга, выглядел так жалко, дрожал, как осиновый лист и, похоже, говорил правду, все лепетал: не убивай. Да и с чего бы ему – слуге – врать? За хозяйское-то добро голову сложить никому неохота. Ладно, глянем сперва... А там...

– Вот эта дверца, господин.

Затолкнув слугу первым, Онисим на всякий случай выхватил саблю, вошел во двор... И в самом деле – золото, не обманул парень! Прямо здесь, во дворе, с раскрытыми крышками сундуки, а в них... ох, как блеснуло в глаза!

И ударило в голову...

Ударила... ловко брошенная кем-то дубинка.

– Я все сделал, как надо, господин Ильяс-бей?

– Ты молодец, Азат, и достойнейший сын своего отца, славного сотника Берды-бея.

Пир затянулся до ночи, на головном судне атамана Микифора Око гуляли так, что икалось всем татарам в округе. С вином, взятым на не успевших до конца сгореть складах, с удалыми песнями да пленными ордынскими девками.

– А ну, выпьем, робяты! Йэх!

Вожников, приглашенный на гульбу вместе со своими «сержантами» – Линем Окуневым, Иваном Карбасовым и Никитой Купи Веник, – хмуро сидел на роскошном, брошенном на кормовую палубу насада ковре и думал о том, что ему делать дальше. Веселье как-то не шло... нет, все остальные-то веселились, а вот молодой атаман... Не то чтоб он не радовался победе, но... Как-то сейчас о другом думалось. Ну, взяли Жукотин, что там дальше? А какой-нибудь другой город и, как накопится достаточно сил – Сарай. А что, можно и сжечь – запросто. Сегодня один город разграбили, завтра – другой, послезавтра – третий. Путь в никуда.

– Эй, господа ушкуйнички! – перебивая мысли Егора, взбежал на корму небольшого рощка сивобородый мужичок из только что освобожденных невольников, кажется, каменщик или плотник, или просто крестьянин, смерд.

Взобрался, поклонился всем:

– Дозволь, князь-атаман, слово молвить!

– Ну, молви, – милостиво кивнул Микифор Око. – Только выпей сперва. Налейте ему чашу!

Взяв чашу, спасенный, однако, пить сразу не стал:

– За вас хочу выпить. И за всех нас, полоняников бывших, скажу... Нет для всех нас, рабов ордынских, лучше и святее людей, чем вы, нет дня радостней и светлее! Выходит, не перевелись еще на Руси-матушке богатыри, есть еще кому за честь ее постоять, да за славу... ну и за нас, сырых да обиженных, есть кому посчитаться, есть кому злых татаровей унять! Смотрел я сегодня, как горит проклятый Жукотин, и сердце радовалось, а вспоминались наши горящие нивы, селения да города. И ордынцы с плетками, с саблями острыми, да с арканами да веревками – для полона, увести в рабство людей. Славные вы мои, наши... – мужичок неожиданно прослезился и, обернувшись, махнул рукой: – Эй, отроки, бабы, да все... Чегой стоите-то? Неужто не желаете богатырей наших чествовать, благодарствие свое объявить?

– Да желаем, Онфиме, как же не желать?

Тут уж к корме подошли все ордынские рабы, кто смог пройти на атаманский корабль. Подошли – мужики, отроки, бабы да детишки малые – упали разом на колени, заплакали:

– Ай, господине ушкуйники, да живите вечно, и знайте – за дела ваши простит вам Господь все ваши грехи!

– Слава, слава атаману!

– Всем атаманам слава!

Радовались, как в песне – со слезами на глазах, многие из освобожденных даже не верили еще своему счастью, что такое вот может быть, случилось уже – наши православные воины явились почти в самое сердце черной и злобной Орды, отмстили за смерть, за позор и унижения, заставили считаться с собой надменных эмиров... считаться, уважать и бояться! А ну, пригнись, Орда, – ватага идет: горе вам, проклятые работоторговцы, смерть вам, охотники за людьми, око за око, зуб за зуб – а наось, получите-ка!

Вожников неожиданно улыбнулся – а ведь и впрямь, не зря ведь сражались-то, не зря кровушку – и свою, и чужую – лили, не зря! Переломить хребет Орде, людей спасти, не только

из пасти ордынской вырвать, но и от набегов будущих тоже – худо ли? Не это ль для богатырей русских самое главное нынче дело?

– Ой, господа-ы-ы, – заголосила какая-то женщина. – Давайте-ка, одежду вам постираем, починим, еду сготовим, да... да что хошь!

Микифор Око нахмурился:

– Угомонитесь, бабоньки... Давайте-ка сюда, к нам – вот вам вино, вот яства ордынские, а вот ткани персидские! Ешьте, пейте, наряжайтесь, натерпелись поди в Орде.

С новой силой зашумел пир, теперь и Егор повеселел, привалился к какой-то разбитной молодухе, песни вместе со всеми горланил, да чашу за чашей – пил. А чего ж не выпить-то? Этакое-то дело сделали... с десятков таких набегов – и нет Орды! Никакой – ни «Синей», ни «Белой», ни серо-буро-малиновой. Да будет так, да не прольется больше кровь русская, да не застонут русские рабы под ордынской плетью! Никогда!

– Господине Егорий... – кто-то тихонько подошел сзади, позвал шепотком.

Вожников обернулся и увидел самого лучшего своего ватажника Онисима Морду.

– Атаман, ты все про волшбиц спрашивал.

Про волшбиц? Ах да...

– Ну да, спрашивал.

Егору показалось на миг, будто весь хмель куда-то вышел, вылетел, растворился.

– Есть одна волшбица, – перекрикнул Онисим затаивших протяжную песню ушкуйников. – Там, в лодке, пленница. Говорят – сильная ведунья, так наши хотят ее того... утопить, чтоб не наколдowała чего.

– Утопить? – Вожников оперся на плечо сидевшего рядом Линя и, пошатываясь, поднялся на ноги. – Не! Топить-то пока погодите. Может, волшбица и пригодится еще.

– Да язм ведь так и подумал! И сказал. Токмо, мой атаман, долго они ждать не будут. А меня не слушают!

– Ладно, сейчас сходим, глянем на твою волшбицу. Дорогу укажешь?

– За тем и пришел.

Егор ухмыльнулся – ишь ты, черт мордастый, прогнулся-таки. И про колдунью – про то, что атаман волшбиц всяких искал – не забыл, вспомнил. Молодец, чего уж. Вот вам и маркиз де Сад!

Оба спешно спустились по сходням и, быстро пройдя по полному пьяными ватажниками причалу, вышли на пристань, где тоже, конечно, пили, но и – видно было – несли службу. У костров важно прохаживались относительно трезвые часовые, а пару раз мимо неспешно проехали всадники – тоже свои.

Ватажники – молодой атаман и Онисим Морда ходко прошли вдоль реки к каким-то полусгоревшим складам. Онисим остановился у кусточков, где уже кто-то храпел...

– А ну-ка, Онуфрий, нале! И... и... и где та мясистая? А?

Нет, и там тоже пили! Впрочем, не только пили, но еще и щипали ордынских девок.

– Куда теперь?

– Вона, господине – челнок.

Егор повернул голову, увидав в дрожащем свете луны и пожарищ длинный и узкий челнок с крытой беседкой посередине, на каких любила прогуливаться местная знать.

– Так что нам, плыть к нему, что ли?

– Не, господине – они сами к нам подплывут.

Зайдя по колено в воду, Онисим неожиданно громко свистнул.

В кустах, недалеко, заругались:

– От свистуны чертовы! На бабу не дадут взлезть.

Челнок между тем повернул на свист, сидевший на корме гребец в черной накидке чем-то напомнил Вожникову Харона. Да-а-а... ну и ассоциация, однако.

– Вот, господине... Ближе им не подплыть.

– Вижу, что не подплыть.

Хмельной атаман, качнувшись, едва не упал в воду, и Онисим Морда заботливо придержал его под руку, повел. Заплескалась под ногами вода... вот и челн. Егор рывком забрался:

– Ну, где тут волшбица?

– Да эвон, проходи, господин.

– Легко сказать – проходи... – пробурчал Вожников, становясь на коленки – беседка-то оказалась низенькой, в полный рост никак не войдешь.

Молодой человек сплюнул, нетерпеливо откинул рукой полог, продвинулся чуть вперед...

...и сразу получил чем-то тяжелым по лбу!

Заплясали перед глазами яркие ядовито-зеленые искры. Мир померк.

А гнусный предатель Онисим Морда, радуясь, пробирался к своим. Эх, как все хорошо устроилось, как ладно вышло – и сам от неволи татарской упасся, и врага... пусть не врага, пусть пока просто недоброжелателя, но весьма важного – погубил! Не своими руками – ха! Икнется тебе еще та татарская девка, господин атаман...

– Господин Онисим? – откуда ни возьмись вынырнула наперерез ему юркая небольшая фигурка.

Женщина? Ах, нет... тот самый ордынский отрок.

Ватажник на всякий случай попятился и схватился за нож:

– Э! Стой, где стоишь, парень! Чего еще? Я все, что обещал, исполнил честно. Пусть не самого главного, но самого удачливого атамана привел.

– То так, – спокойно согласился мальчишка. – Просто господин Ильяс-бей хочет вам заплатить. Вот ваше золото – двадцать цехинов, двадцать румийских монет. Будете пересчитывать или возьмете так?

– Так возьму, – разбойник гулко хмыкнул. – Подойди на три шага да кидай калиту.

– Какую калиту, господин Онисим?

– Ну, мешок с золотом! Где он у тебя? Сам же сказал – двадцать монет.

– Так вот он... Слышите, как звенит?

– Да слышу! Кидай!

Предатель вытянул руки... что-то пролетело в воздухе, ударив бедолагу в грудь! Онисим хотел что-то сказать, позвать на помощь, да не смог – захрипел, повалился наземь.

– Подлая собака! Умри ж!

Подойдя ближе, сын сотника Берды-бея Азат наклонился, вырвал из груди убитого кинжал и, плюнув на мертвое тело, побежал к реке.

Глава 14

Дубовый город

– За разбойничьего вождя мы много что можем взять!

С довольной ухмылкой потеряв руки, ордынский вельможа Ильяс-бей, бывший флотоводец – и бывший узник – посмотрел за излучину, за утесы, где уже поднималось солнце.

Утро было ветреным, свежим, ниже по течению реки – вполне можно было бы догнать, если как следует напяречь гребцов насада – маячили три больших корабля.

– Ушкуйники? – прищурил глаза стоявший на корме рядом с Ильяс-беем Азат.

Вельможа тихонько засмеялся:

– Ты не видишь на их мачтах зеленые стяги Пророка? О, нет, это не разбойники – да и откуда у них такие огромные корабли?

– Не разбойники? – задумчиво протянул мальчишка. – Тогда кто же, мой господин? Наши? Флот светлейшего господина Джафара?

– Что ты такое говоришь, Азат? – Ильяс-бей презрительно скривил тонкие губы. – Светлейший господин Джафар, как ты его назвал, давно уже сбежал вместе с флотом, бросив наш город на произвол судьбы. Подлый и трусливый шакал! Нет, тут не может быть наших судов – и с этим-то кораблем нам просто повезло. Разбойники напились, слава Аллаху...

– Но...

– Думаю, это персидские купцы, – внимательно посмотрев вдаль, сказал вельможа.

– Будем их догонять, повелитель? – почтительно поинтересовался Азат.

– Может быть, может быть... позже. – Ильяс-бей ненадолго задумался и, подозвав воинов, приказал: – Приведите сюда пленного. Еще хорошенько подумаем, что с ним делать, может быть – обменяем, а, может – просто казним. Тот неверный трус, кажется, говорил, что этот пират очень удачлив? Вот и посмотрим, поможет ли ему шайтан!

Ордынец громко расхохотался, и юный Азат взглянул на своего господина со страхом – зачем тот упоминает богопротивное имя, да еще так громко, со смехом? Нечистый вполне может и прийти, и тогда ничего хорошего не будет!

– Ты что скуксился, славный Азат? – Ильяс-бей обнял мальчишку за плечи. Уж конечно, бывший узник был весьма благодарен этому столь вовремя появившемуся парню и людям его сотни.

Впрочем, за свое спасение вельможа точно так же мог бы поблагодарить и ушкуйников, точнее, устроенную ими неразбериху, когда всем стало ни до чего.

– Ничего, мой юный друг, в Булгаре у меня есть надежные друзья, они нам... – ордынец оборвал фразу. – Ага! А вот и наш дорогой гость! Как спалось, уважаемый? – Ильяс-бей перешел на русский, причем говорил очень чисто, безо всякого намека на акцент. – Не слишком ли мешали оковы?

Выведенный двумя мускулистыми воинами из темного трюма пленник – собственной персоной атаман «левой руки» Егор Вожников, бывший Капитан Удача – щурясь от дневного света, смачно зевнул и звякнул цепями:

– Спасибо, уважаемый господин, выспался неплохо. Вот только оковы и в самом деле немного мешали – руки натерли... Да! Не угостите ли вы меня... вина не прошу, хотя бы холодным шербетом или просто водой – голова прямо раскалывается, – Егор усмехнулся. – И так-то вчера перепил, так еще и кто-то по башке треснул. Ваши люди, я так полагаю?

Ильяс-бей, чуть улыбнувшись, кивнул:

– Они. – И тут же прищелкнул пальцами: – Принесите ему пить. Да, и снимите цепи.

А куда бы мог деться узник? Узкая корма, шестеро вооруженных воинов, да еще и сам Ильяс-бей с Азатом. Ну куда? А этот пленник... ну и тип! Забавный. Хочет показать себя

храбрецом? Ну-ну. Вельможа хищно прищурился. Дать ему плетей! Обязательно, да отделать так, чтоб едва жив был, чтоб вся самоуверенность, весь гонор слетели начисто... Так и сделать! Но сначала пусть пьет... пусть...

– Ох, как хорошо!

Держа обеими руками тяжелую чашу, Егор пил долго, внимательно осматриваясь. Не очень ему нравились те двое воинов, что стояли рядом с саблями наголо. Да-а, тут не особо дернешься... и чего они эти сабли достали-то? Ведь когда из трюма вели, оружие свое держали в ножнах, а вытащили когда? Когда сняли оковы? Нет... точно нет. Ага – когда принесли чашу! Слишком тяжелая. Вот и опасаются – вдруг?... Так не надо, чтоб опасались...

– Благодарствую, уважаемый господин! – вернув чашу подошедшему слуге, молодой человек поклонился, приложив руку к сердцу, и одновременно сделал пару почти незаметных шажков к воинам – сразу за ними уже начинался борт... река... свобода... Сабли, сабли спрячьте, ведь все уже – попил, и тяжелую чашку отдал. Ага, убрали! А ветер-то свежий – зыбь! Еще попробуйте стрелами попадите...

Кланяясь и благодаря, Вожников продвинулся еще на несколько шагов, оказавшись рядом с воинами... Совсем-совсем рядом. Кандидат в мастера спорта по боксу! На расстоянии вытянутой руки! Ага. Варезками-то прощелкали, идиоты. А теперь уж...

Выпрямляясь, тому, что слева – апперкот – снизу в подбородок... а второму – прямой в переносицу!

Два удара – бух, бух – словно молния. И столь же быстро с борта вниз, в воду. На судне, конечно, сразу забегали, схватили луки, но и Вожников был не лыком шит, недаром ведь – Капитан Удача!

Плыл под водой как мог долго, вынырнул – просвистели над головой стрелы, впились в синие волны, уходя на дно. Глотнув воздуха, беглец снова нырнул... вынырнул... как раз у самой воронки, водоворота! Не заметил, что ж... Течение оказалось сильнее: схватило, потащило, потянуло на дно, словно кто-то вдруг дернул за ноги. Егор боролся из последних сил, и все же... Вот вам и Капитан Удача, скорее уж – Капитан Неудача.

– Он утонул, господин, – выбравшись из челна на борт, доложил воин. – Затянуло в воронку. Течение очень сильное, там и лодки иногда тонут.

– Я знаю, – хмуро кивнул Ильяс-бей.

– Может быть, господин, подождать, пока выкинет тело? – не отрывая взгляда от синих речных волн, Азат закинул лук за спину.

Вельможа дернул головой:

– Нет! Ждать нам здесь некогда, надо спешить в Булгар, предупредить.

– Но ведь разбойники же пьяны!

– Ты плохо их знаешь, мой мальчик. Эй, славные воины! Ставьте паруса, берите весла – нас ждет великий город Булгар... и великая битва. А этот беглец, – скривившись, Ильяс-бей презрительно сплюнул в воду. – Да пусть душу его обрящет шайтан!

Холодное и стремительное течение несло Егора, как щепку, иногда выплевывая на поверхность, а иногда унося вглубь, и с этим уж ничего нельзя было поделать – стихия – лишь поглубже вдохнуть на поверхности, да горячо молиться. Ох, как быстро-то! Одно хорошо – теперь уж эти утырки при всем желании не догонят. Да еще холод разгоняет хмель, так и окончательно протрезветь недолго...

Ввухх!!! Мощным рывком пловца в очередной раз вышвырнуло на поверхность, понесло близ берега, и тут уж Капитан Удача не стал теряться – ухватился за куст... мимо, оторвало, понесло дальше, и вода набивалась в горло, и снова потянуло на дно... Слава богу, сапоги стянуло течением, унесло... Чу! А что это несется рядом? Бревно? Ну да, обломанный ствол

дерева, плавник... Егор рванулся изо всех сил, нагнал, ухватился... и немного перевел дух – теперь хотя бы дышать можно, на дно не утянет, если только вместе с бревном. А течение-то не ослабло, нет, даже, кажется, еще больше усилилось и несло... прямо на камни!

Не думая, беглец с силой оттолкнулся от бревна и поплыл прочь... быстрее, быстрее!!! И не видел вокруг ничего, да, казалось, ничего вокруг и не было – только бурные волны, стремнина и – впереди, уже очень близко – пенные от злобы камни.

– Помогите ему!

На палубе большого и широкого судна с тремя мачтами и худосочным рядом гребцов, скрестив на груди руки, стоял высокий человек в зеленой чалме и роскошном парчовом халате. Длинную, крашенную хной в рыже-красный цвет бороду его развевал ветер, смуглое, с большим горбатым носом лицо казалось застывшим, как камень. Впрочем, в глазах читался какой-то интерес.

– Что вы сказали, уважаемый Ибрагим-агы? – подбежав, почтительно поклонился слуга... нет, скорее, приказчик – молодой, юркий, живенький, в халате куда менее богатым, нежели у достопочтенного Ибрагима-агы, но в пестром, щедро расшитом бисером, тюбране.

– Помогите ему, Новруз. Отвяжите шлюпку!

– Сделаем, господин.

Приказчик убежал на корму, быстро отдал распоряжения кормщику и матросам. Вернулся и доложил:

– Мы подняли его, досточтимейший господин Ибрагим-агы. Позвольте спросить?

– Спрашивай, Новруз, спрашивай, ибо как ты еще научишься нашему непростому торговому делу? Торговать людьми – большое искусство, и тут ничего лишнего не бывает. Тем более такой сильный раб – ты видел, как долго он боролся с течением?

Новруз опустил глаза:

– Я бы такого не взял. Он слишком силен и... и привык бороться! Он воин.

Работорговец неожиданно расхохотался, затряс красной своей бородой, словно лисьим хвостом:

– Ты верно заметил, мой дорогой. Я бы тоже не взял себе такого невольника. Себе... Но продать другим его можно... и даже нужно, да еще за хорошую цену. Так мы и сделаем, мой дорогой племянник.

– Да, дядюшка. Только... – приказчик был неугомонным, все никак не отставал от купца. – Только – ведь это мелочь, не так ли? У нас и так много невольников, все трюмы забиты.

– Забиты, да, – спокойно согласился работорговец. – И, если бы нужно было гнаться за этим рабом, или пристать к берегу, я бы на это не пошел. Но тут... плыл себе по реке бесхозный раб – а мы просто протянули руку и взяли. Вообще без всяких хлопот!

– Вы очень мудры, дядюшка, да продлит Аллах всемогущий и всемилостивейший ваши годы. – Новруз молитвенно сложил на груди руки и снова, не удержавшись, спросил: – Мы продадим наш товар в Сарае? Или повезем домой?

Ибрагим-агы почмокал:

– И дом, и даже Сарай – слишком уж далеко, а невольники склонны помирать, как рыбы в тухлой воде, что нам прямой убыток. Скольких уже выбросили?

– Тринадцать.

– Вот видишь.

– Тогда – Булгар?

– А Булгар слишком близко... Нет! Мы продадим невольников в Бельджамене – мужчин и женщин, и купим там же взамен красивейших юных девственниц и мальчиков – для утех владык.

– Ты мудр, дядюшка Ибрагим! – льстиво воскликнул приказчик. – Я всегда знал, как ты мудр.

Надсмотрщик – здоровенный, с голой, заросшей рыжими волосами грудью и в широченных шальварах, подпоясанных алым поясом, осмотрел рабов, только что приведенных с рынка, и, щелкнув бичом, язвительно осведомился:

– Кто хочет отведать плетки, а, глина? А тот, кто затеет драку или будет непослушен... Или... Ты!!! – Грязный палец его вдруг уткнулся прямо в Егора. – У тебя слишком гордый взгляд, глина. Видишь, там, в углу – скамья? Ложись на нее и подставляй спину. Клянусь Аллахом, я не забуду тебя до смерти, ну уму-разуму поучу! Ну? Я должен тебе повторять, глина?!

Отбросив плетть, детина размахнулся... Егор машинально убрался с линии удара и ту же перешел в контратаку – свинг слева, в челюсть... хар-роший такой – бух!

Все невольники и столпившаяся на заднем дворе хозяйская челядь обомлели. Глазам своим не поверили. Еще никто и никогда не осмеливался... Тем более – самого Кызыма, старшего надсмотрщика достопочтенного Хидаяс-бека, смотрителя фонтанов и бань. О свирепой силе и мстительности Кызыма здесь был осведомлен каждый. Боялись – все, даже наглая ближняя челядь, всякие там прислужники, сказители, цирюльники.

– Ах ты... – отскочив в сторону, надсмотрщик помотал головой, словно не до конца огушенный бык, и, резко выкинув правую руку, приказал уже подбежавшим стражникам с копьями и палашами: – Стоять! Я сам с ним. Эх!

Он снова нанес удар, и молодой человек снова уклонился, отскочил на просторное место – и снова нанес удар, на это раз – двойной в печень – бух-бух.

Оглоедина скривился, но все же с неожиданной резвостью смог уклониться от уже летевшего в переносицу джеба, и столь же быстро нанес удар сам... бух!!! Попал, пусть вскользь, но раскровенил губу, и та на глазах распухла. Он был опасен, этот Кызым, похоже, он неплохой боец, кулачник. Коллега, так сказать, гм... А вес-то у него – супертяжелый, не как у Егора, который всю юность свою в среднем весе бился. А от боя сейчас не уклонишься уже... Значит, тактика такая – не пропустить удар. И самому – нападать, бить, крутиться. Слав богу, силы были – многоопытный персидский работорговец Ибрагим-агы за неделю до подхода к славному ордынскому городу Бельджамену (по-русски – Бездеж) хорошенько подкормил всех своих невольников пойманной здесь же по пути рыбой, отчего рабы и рабыни приняли вполне товарный вид – округлились и повеселели, выгодно отличаясь от товара всех прочих, менее опытных торговцев.

Детинушка бросился в нападение вихрем! Работал руками-оглоблями, словно ветряная мельница, впрочем, определенная тактика в его действиях все же имелась. Егор с легкостью опознал апперкоты, хук, свинг, правда, удары были не очень-то четкими, и Вожников, как кандидат в мастера спорта, даже ухмыльнулся – да-а, техника-то неважнецкая. А в боксе бездумно метель не лезть – думать, тактику выстраивать надо. Правда, супертяжелый вес есть супертяжелый вес, и с этим уж ничего не поделаешь, вот Капитан Удача (а нынче уже – Капитан Неудача) и выстраивал тактику. Ту, которую нужно.

Оба бойца, прощупав друг друга, кружили, словно пираньи, выбирая момент для смертельного броска. Вот первым дернулся надсмотрщик – выкинув вперед левую руку, нанес удар поистине сокрушительный... ежели б Егор его пропустил, однако не тут-то было!

Прыжок назад... влево... джеб! Короткий прямой в переносицу. Ах ты ж... увернулся, гаденыш... Но левый глаз-то заплыл, ага! Еще контратака – в переносицу, в челюсть, в грудь... Ха! А защищаться-то мы не умеем, или не хотим... А на тебе еще! Лови, фашист, гранату! Теперь – в правый глаз свинг – н-на! Получай, ордынская гадина!

Надсмотрщик Кызым рассвирипел, заорал что-то грозно и вдруг ударил ногой, едва не прошибив сопернику грудь. От удара Егор отлетел далеко, под старый тенистый карагач или, скорее дуб, здесь вообще много дубов росло, да и сам город так и назывался – Бельджамен – Дубовый... или Дубравный, кому как нравится.

Ах ты, гад – ногами? Бои без правил устроил? Ла-адно... Вожников быстро вскочил на ноги, запрыгал, приходя в себя от только что полученного удара, и, уклонившись от очередного выпада, сам, в свою очередь, ударил детину в пах! Подлый такой удар, запрещенный. А чего делать-то? Раз он ногами... Кызым согнулся, упал, зарычал от нестерпимой боли... И неожиданно быстро поднялся, да, схватив тяжелую скамью для экзекуций, угрожающе занес ее над головой:

– Ну, глина проклятая!!!

Разъяренные глаза надсмотрщика явственно сверкали смертью, тяжелая скамья в могучих руках мухой взметнулась в воздух...

– Хватит, мой верный Кызым, – прозвучал тихий голос. – Опустит скамеечку. Опустит, я сказал!

Егор обернулся: по двору, за стеной поспешно расступившихся зрителей – невольников и домочадцев – неспешно шел к бойцам кругленький толстячок с бритым подбородком и вислыми по-запорожски усами – сам хозяин, достопочтенный Хидаяс-бек, смотритель фонтанов и... короче – главный бельджаменский сантехник.

– А ты молодец, парень, – посмотрев на Егора, облизнулся Хидаяс-бек. – Кажется, я нынче приобрел больше, нежели рассчитывал.

– Ах, Алияз, как тебе идут эти бусы! – юная красавица-златовласка, стройненькая, длинноногая, с большими, василькового цвета глазами и пушистыми ресницами, упала рядом с тахтой на колени, заломила руки: – Как же ты красива!

– Ну, ладно, ладно тебе, Елена, – жеманно потянулась возлежащая на тахте женщина – белокожая, с иссиня-черными волосами и арбузной грудью, она вряд ли показалась бы хоть кому-нибудь стройной, но это и не нужно было по канонам средневековой, а уж тем более – восточной – красоты. Это пленница – говорят, знатная уруска – Елена казалась всем дурнушкой, уж больно, на взгляд ордынских мужчин, худа, прямо как кошка облезлая. А грудь? Ну, это грудь разве? Это посмешище, а не грудь, в ладонь влезает... ну, пусть не полностью, не вся, но, тем не менее, влезает же! А хорошая сочная женская грудь – она, как спелый арбуз, как ароматная дыня – припасть лицом меж грудями, уснуть – есть ли наслаждение выше? Правда, Елена опытна в любви, научилась кое-чему в веселом доме Хохотуньи Айгуль. Оттуда-то, прямо из веселого дома, достопочтенный Хидаяс-бек эту уруску Элену и взял, вернее – Айгуль подарила. Уж сейчас и не вспомнить, на какой праздник и по какому поводу, может, и вовсе без повода, просто так, от широты души.

Дородная красавица задумчиво накрутила на палец локон:

– Что, правда мне эти бусы идут?

– Очень-очень!

– На вот тебе, Елена, – Алияз швырнула златовласке серебряную монету. – Пойдешь когда на базар, что-нибудь себе купишь, какое-нибудь украшение, хе-хе...

«Господин-то тебе, конечно же, никогда ничего не подарит!» – хотела было добавить пухленькая красотка, одна из любимых жен Хидаяс-бека, да передумала. Не то чтоб постеснялась обидеть эту тощую драную кошку – в восточных гаремах всегда царили нравы самых гнусных коммуналок, не стеснялись там вообще ничего – а вот только... мало ли, еще пригодится эта дурнушка Элен. Ведь не соперница! Худа – ребра прощупать можно, груди, считай, что и нет, лицо – одни глаза, да и еще и порченная – сколько уже в наложницах у господина, а все никак понести не может. И какой же мужчина на такую польстится? Ой, зря она надеется из наложниц в жены младшие перейти. А вот отталкивать эту дурнушку не стоит – в борьбе против этих крыс, Харисы и Айшаль, все средства хороши.

Поблагодарив за монетку, Елена поднялась на ноги:

– Пойду я, госпожа моя. Наши как раз на базар собрались. Может, чего-то велишь купить?

Алияз замахала руками:

– Что ты, Елена, что ты. Мне досточтимый господин супруг все подарит!

– Подарит, подарит, – легко согласилась Елена (так уж лучше ее называть), и, оглянувшись на пороге, словно между прочим, добавила: – Вот и дурище Харисе он вчера гребень золотой подарил, с изумрудами.

– Мхх!!! – встрепенувшись, Алияз гнусно выругалась и, закусив губу, прошипела: – Ты, Елена, все мне про дур этих докладывай, а я уж тебя не обижу, словечко пред господином нашим за тебя замолвлю... Может, и станешь еще младшей женой.

Поклонившись, красавица-златовласка покинула покои пухленькой Алияз, однако ни на какой базар не пошла, вообще из гарема не вышла. Выскользнув на крытую галерею, она направилась в конец женской половины, и, остановившись перед плотной, зеленого бархата, шторой, тихонько покашляла.

– Это ты, Елена-а-а? – тотчас раздался томный женский голос.

– Да, моя госпожа.

– Ну, заходи, заходи, не стой. Только – тсс! Не шуми, младшего сына разбудишь.

Черноокая Хариса – тоже одна из любимых жен Хидаяс-бека, такая же дородная, как и Алияз, только малость посмазливее и не с такой арбузной грудью – специально так и говорила всегда – «младший сын», подчеркивая, что он у нее – в отличие от злодейки Айшаль – не единственный. Ха! А у глупой улитки Алияз вообще пока одни дочки родились. Ой, прогонит ее господин в наложницы, ой, прогонит. Так ей, дурище, и надо!

– Проходи, проходи, Елена, садись вот, на ковре... тсс... колыбель не задень. Ага... Шербету хочешь?

– Не откажусь.

– На, пей, – черноокая Хариса самолично подала гостье чашу, тем самым оказывая наложнице великую милость. А что? Не конкурентка ведь! Так что можно и приблизить, вроде как бы подруги – все равно больше поболтать не с кем, не с этими же змеищами, Алияз и Айшаль.

– Вкусный шербет. Благодарю, госпожа моя.

– Ладно, не стоит. – Оглянувшись на колыбель со спящим младенцем, Хариса, заговорщически подмигнув, зашептала: – Ну, что там та глупая улитка? Ты ей про подаренный гребень сказала?

– Как ты и велела, моя госпожа.

– И что эта дура?

Елена прищурилась:

– Едва от зависти не издохла! Губищу искусала всю.

– Х-ха!!! – Хариса от восторга хлопнула в ладоши, но тут же опомнилась, покачала колыбель. – Шшш. Губищу, говоришь, искусала? Вот змеища! А что сказала?

– Пожелала тебе этим гребнем уколотся, да так, чтоб сдохла в корчах, – пожав плечами, выдала Елена.

– Ай, сука! – женщина злобно ощерилась. – Ладно, придумаем еще, как ей досадить. А старая курица? Ты у нее еще сегодня не была?

– Нет. Только сейчас собираюсь.

– Тоже про гребень скажи, не забудь. Посмотрим, как ее скривит.

– Не перекосило б совсем!

– Х-ха! Перекосило. Ну, ты скажешь же, Елена! – Хариса довольно захихикала и потеряла руки. – Так этой твари и надо бы. Ладно, ладно, попей вот шербету еще да иди – потом расскажешь, как там старая кобыла Айшаль. Все никак не подохнет, бабушка.

С поклоном выйдя, Елена вновь прошмыгнула на галерею, не обратив особого внимания на скользнувшую мимо темную тень. Горбатая Имрун, служанка... Недавно, кстати, купили... надо бы ее задобрить – лишние глаза да уши не помешают.

Немного пройдя, златовласка вновь вошла в дом и негромко постучала.

– Кто? – грубым хриловатым голосом спросили за дверью.

– Я, госпожа Айшаль. Елена.

– А-а-а, ну, заходи, коли пришла.

Войдя в богато обставленные покои – золоченые светильники, широкая софа под синим шелковым балдахинном, роскошные ковры, подушки, столики – юная наложница поклонилась высокой осанистой женщине, чем-то похожей на цыганку: смуглолицой, с рыжеватыми, уложенными в изысканную прическу волосами и пронзительным взглядом зеленых, сильно вытянутых к вискам, глаз.

Айшаль, официальная старшая жена достопочтенного господина Хидаяс-бека, и по возрасту своему была намного старше других – не шестнадцать-двадцать лет, как Алияз или Харриса... да та же Елена – хорошо за тридцать. Но красива, ничего не скажешь, и даже не так уж толста, к тому же умна – уж не отнимешь, с этой женщиной приходилось ухо держать востро.

Подвинув к себе столик с чернильным прибором, Айшаль выслушала принесенные наложницей новости-сплетни, кое-что записала и с неприятной усмешкой спросила:

– Все у тебя?

– Да, госпожа моя, – низко поклонилась рабыня.

– Вот, получи, – старшая жена Хидаяс-бека швырнула Елене медную монетку. – Будут новости поважней – получишь больше. Ну, ты меня знаешь.

Еще бы...

– Можешь идти. Ты сейчас куда?

– На базар.

– Вот-вот! Все тамошние сплетни послушай. Про всех соседей выпроси... – женщина скривила тонкие губы в улыбке. – Мне, знаешь ли, далеко не все скажут, а вот вам, рабыням... Ну, что встала? Пошла.

– Ухожу, моя госпожа.

Елена вышла, направившись на этот раз уже во двор, широкий, с яблоневым садом, большим благоухающим цветником и беседками вокруг круглого, выложенного изразцами, пруда с плавающими в нем золотистыми китайскими рыбками. Хидаяс-бек отвечал за городские фонтаны, бани и канализацию – и как же у него не будет пруда? Был. И не один даже.

Едва легкие шаги юной наложницы затихли за углом галереи, перед покоями старшей супруги, госпожи Айшаль, вновь возникла тень. Горбатая служанка, темнокожая Имрун крысой поскреблась в дверь.

– Кто?

– Госпожа, ты наказала зайти.

– Имрун? Заходи. Ну? Что скажешь?

– Она заходила и к госпоже Алияз, и к госпоже Харисе, – бухнувшись на колени, доложила служанка. – Подзуживала одну против другой.

– Что про меня говорила?

Имрун замялась:

– Да ничего хорошего, моя госпожа.

– Так я и знала, – госпожа Айшаль поправила на плече невесомое персидское покрывало и злобно скривилась. – Ну, Елена, ну, хитрунья. Самая умная, думаешь? Решила всех сравнить? Ладно, посмотрим, как твой ум тебе же боком выйдет!

Елена, конечно, все понимала прекрасно – умна была не хуже Айшаль, – только вот как-то упустила из виду недавно купленную служанку, еще не поговорила с ней по душам, не задоб-

рила – не успела просто, всего ведь не успеть. Прокололась, хотя, в общем-то, златовласая наложница была очень даже собранной девушкой, не какой-нибудь там дурехой, и все свои действия, все свои дни планировала весьма тщательно. Со многими общалась и много чего знала – а иначе б и не выжила в Орде! Беременность свою тоже планировала, точнее – в данный момент вовсе не планировала, прекрасно понимая, что рожать в положении наложницы – даже и сына – дело не особо-то выгодное. Ну, родит господину сына. И что? Из этого вовсе не следует, что положение ее тут же повысится, а вот проблем прибавится: во-первых – ребенок, а во-вторых... жены-то, наконец, сочтут ее за соперницу и тогда, объединившись против неожиданной выскочки, просто съедят. Умела кое-что Елена, недаром бабка ее слыла ведуньей, хорошо хоть была знатного рода – не казнили, не сожгли, попробовали бы! А вот гад проклятый Нифонт, дядюшка названный, Дмитрию Васильевичу, заозерскому князю, дальний родич, хитрым оказался... Гад!

О, несмотря на молодость, Елена все знала отлично, за несколько лет в Орде – и в Сарае и здесь, в Бельджамене – много чему научилась, много чего услышала, запомнила, ориентировалась хорошо – кабы сильно захотела, так могла бы и убежать, только ведь тоже: поймают – кожу с живой сдерут, а ее собакам на растерзание бросят – бывали случаи, сама как-то раз видала, потом неделю трясло всю. Впрочем, и не в этом главное, а в другом – кому она там, на воле, в родной стороне, нужна-то? Знатная женщина в плену – уже не знатная женщина, плен, тем более ордынский, хотя, вообще – любой, это полный провал, позор и унижение, короче – жизненный крах без всякой надежды на хоть какой-то приемлемый выход. Как поступают с пленницами – все прекрасно знали, так же вот поступили (и поступали) с Еленой, чистоту крови уже никто не гарантирует – топтали-то все кому не лень! – даже если удастся сбежать, это пострижение в монахини без вариантов. А ведь еще молода, еще хотелось бы многого! И замуж выйти. И престол для деток будущих у поганого Нифонта отбить, точнее – вернуть назад по праву... По праву? Кто сказал, что у ордынской наложницы есть хоть какие-то права? Даже если освободят, выкупят – разрешения на брак никто из родичей, даже Дмитрий Васильевич, заозерский князь, бывшей пленнице – позорнице, подстилке татарской! – никто давать не будет, всем на ее судьбу глубоко плевать. Сиди в монастыре и не высывайся, грехи свои отмаливай, может, за всю жизнь и отмолишь. Так. Такое вот будущее, такая судьба. За одним исключением – если бы вдруг... если б вдруг взял ее замуж... хотя бы какой-нибудь татарский князь, а князей в Орде много – только вот женой объявить никто не поспешит, наложница – это да, но не жена... Опозоренная пленница, кому она нужна-то? Мечты, мечты... И все же, может, кто-то и встретится, всегда на лучшее надеяться надо и это лучшее приближать! А пока – улучшать, елико возможно, настоящее – положение свое повысить, толстых коровиц – Хидаясовых жен – стравить. Разделяй и властвуй – про это Елена в детстве еще в книжках латынских читала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.